

Глава первая

Звонок прозвенел вовремя. Денис Крымов, двадцатитрехлетний аспирант кафедры петрографии, больше всего боялся, что материала подготовленной им пробной лекции не хватит на академический час и придется отвечать на всякого рода каверзные вопросы, какие студенты специально приберегают для начинающих преподавателей. Но все получилось отлично. Он даже перебрал минуту, рассказывая о подводном вулканизме, и теперь с легким сердцем чеканил заключительные фразы лекции, видя, как студенты все чаще поглядывают на часы. Оставалось поблагодарить их за внимание, собрать конспекты и медленно, с легким полупоклоном, как это делает завкафедрой профессор Шванов, выйти из аудитории. Однако в задних рядах поднялась рука.

– Разрешите вопрос?

– П-пожалуйста, – похолодел Денис, возвращаясь к кафедре. С места поднялся маленький веснушчатый паренек.

– Как я понял из вашей лекции, – начал он скороговоркой, – породы, выстилающие дно океанических впадин, возникли в основном за счет подводного вулканизма?

– Да, сейчас это можно считать почти доказанным.

– Тогда почему в одних случаях образовались базальты, а в других – стекловатые туфы типа пемз?

- Условия кристаллизации магмы были разные, – ответил Денис, выразительно посмотрев на часы.
- Какая же разница может быть под водой? – не унимался паренек.
- Ну, мало ли... Скажем, разное давление водных толщ. И потом... – Денис понимал, что одной разницы в давлении воды здесь явно недостаточно. Но больше в голову не приходило решительно ничего. – И потом... могли иметь место такие факторы, каких мы не можем пока ни оценить, ни смоделировать, – закончил он не совсем уверенно.
- Паренек пожал плечами и сел на место. Но тут же поднялась его соседка, рослая розовощекая брюнетка.
- Я тоже по поводу этих самых пемз. Вы сказали, кажется, что они легче воды?
- Да, эти вулканические стекла отличаются такой большой пористостью, что удельный вес их существенно меньше единицы.
- Почему, в таком случае, они не плавают по морям и океанам?
- Ну, знаете ли... Ведь это части океанического дна, части вулканических структур. Что может заставить их отделиться от общего субстрата?
- Как что? А вулканические взрывы!
- Вулканические взрывы?... Гм... В принципе это не исключено... Я как-то не подумал о такой ситуации... Вулканические взрывы, конечно, могли оторвать отдельные глыбы от подводного кратера. Но я никогда не слышал о таких каменных айсбергах. Надо посмотреть в специальной литературе... – Денис отер пот с лица. А прямо перед его носом снова поднялась рука.
- Скажите, а на Венере вулканизм есть?
- Это не совсем по теме лекции... Но я могу сказать, что в соответствии с общими представлениями о развитии планет земной группы, вулканизм должен быть и на Венере и на Марсе.
- Но вы сказали, что значительную долю продуктов извержения вулканов составляют водяные пары.
- Да, это так, – согласился Денис.
- Тогда почему на Венере нет ни воды, ни водяных паров?
- Вы правы... Воды на Венере нет. Именно потому-то ее атмосфера и перенасыщена углекислотой, что в свою очередь предопределило столь высокую температуру поверхности планеты. Будь на Венере вода, она, возможно, была бы копией Земли. А вот почему там нет воды? Почему вулканы Венеры не выбрасывают водяных паров? Не знаю. И никто пока вам не скажет этого. – Денис и сам дорого бы дал за ответ на эту величайшую загадку природы. Но сейчас он был обязан отвечать на любой вопрос, и укоризненный взгляд студента заставил его еще ниже опустить глаза к конспектам.
- Из аудитории Денис вышел, не поднимая головы, и медленно, не глядя по сторонам, побрел по гудящему, как улей, коридору. Настроение было испорчено. Как мог он так нескладно отвечать на вопросы студентов? Как мог до такой степени растеряться, что не вспомнил даже, что пемзы в отличие от базальтов образуются из сильно газированных магм? Да и с Венерой тоже... Можно представить, как потешались сейчас над его ответами. Но что, в самом деле, за магма без водяных паров там, на Венере? Надо сейчас же расспросить шефа.
- Нина Аркадьевна, – обратился он к идущей навстречу лаборантке, – Сергей Львович у себя?
- Да. И просил вас сразу после лекции зайти к нему.
- Просил зайти?!
- На душе у Дениса стало еще неуютнее. Профессор никогда не вызывал к себе в кабинет для чего-нибудь хорошего. В подобном случае он сам заходил в аспирантскую. Вызов же мог означать одно – шеф чем-то недоволен.
- В сильном смятении Денис приоткрыл тяжелую дверь.
- Сергей Львович, вы меня звали?

– Да-да, заходите, пожалуйста, садитесь.

Денис опустил на кончик стула и с замиранием сердца начал перебирать все грехи, какие мог припомнить ему сейчас заведующий кафедрой. Но тот не торопился с расправой. Склонившись над столом, он продолжал что-то быстро писать, не глядя на Дениса и не обращая внимания на его нетерпение и муки. Денис приготовился к худшему. Наконец профессор отложил перо и поднял глаза на своего аспиранта.

– Ну-с, молодой человек, вас можно, кажется, поздравить?

– С чем? – еле выдохнул Денис.

– С вызовом.

– С каким вызовом?

– Вот тебе раз! – неожиданно рассмеялся завкафедрой. – С вызовом в Соединенные Штаты, в Пенсильванский университет, на стажировку. Вы что, забыли?

Денис вскочил.

– Вызов в Америку?! Пришел! Вы не шутите, Сергей Львович? Я уж перестал и надеяться, ведь столько времени...

– Да я и сам почти потерял надежду. Но вот, пожалуйста, – он протянул Денису вскрытый конверт. – Завтра же вам надлежит быть в Москве. А там – Ленинград. И океаном – в Нью-Йорк.

– Но почему сейчас, весной? Ведь там, в американских университетах, тоже, наверное, скоро все разъедутся на каникулы?

– Да. Но в вызове сказано, что первые три месяца вы проведете в Вашингтоне, на курсах по изучению языка.

– Зачем? Я и без того почти в совершенстве...

– Почти? А надо, чтобы не «почти», а в совершенстве владели языком, прежде чем приступите к работе в лаборатории.

– Понятно. Так вы сказали, что уже завтра я должен быть в Москве?

– Кажется, завтра. Да вы читайте, читайте! Денис быстро пробежал глазами вызов.

– Завтра, двадцать пятого в Москве... Но ведь надо собраться и вообще...

– Что вообще? Какие сборы? Что у вас семья, дети!

– Собраться, конечно, не долго, но...

– Вот и бегите, собирайтесь! – заключил профессор. – Все документы в научной части готовы, я звонил. План стажировки в этой папке. В случае любых осложнений пишите прямо на кафедру. Ну и... кажется, все.

Домой, в общежитие Денис летел как на крыльях. Но на полпути спохватился, зашел в телефонную будку, быстро набрал номер.

– Физтех? Попросите аспирантку Зимину. Да, Зимину! Тоня, ты? Слушай... Мне надо тебя видеть...

В трубке помолчали.

– Завтра межвузовская конференция, там и увидимся.

– Мне надо увидеть тебя сегодня, сейчас!

– Что за спешка?

– Надо, Тоня, надо! Завтра будет поздно.

– Ладно, подходи к институту, я выйду.

Денис поспешил к физикотехническому. Тоня не заставила себя долго ждать.

– Здравствуй, Денис. Что-нибудь случилось?

– Не то, чтобы случилось, а как тебе сказать... В общем, уезжаю я, Тоня. Сегодня вечером в Америку уезжаю.

– В Америку?! Да, вспомнила, ты как-то говорил, что собираешься туда на стажировку. Что ж, счастливого пути!

– Но мне надо с тобой поговорить. Я должен сказать тебе...

– Что, Денис?

– Как что? Неужели ты не догадываешься, не видишь, что я...

- Что ты любишь меня?
- Да. И я хочу знать...
- Денис, милый, ты и так все знаешь. Я ценю, уважаю тебя. Мне приятно проводить с тобой время. Но... Я не люблю тебя. – Она словно споткнулась, – постаралась улыбкой загладить свою резкость. А Денис будто увидел себя в зеркале: длинного, худого, нескладного, постоянно неуверенного в себе, теряющегося в любой мало-мальски непривычной обстановке. Он знал, таких не любят, и только ниже опустил голову. Что еще можно было сказать ей? Но Тоня не уходила. Молчала, словно ждала, что он скажет что-то еще. Наконец, она сказала:
- Да ведь и ты не любишь меня.
- Я?!
- Ну, скажи, только честно, если бы ты не уезжал в Америку, позвонил бы мне сегодня?
- Если бы надо было...
- Если бы надо было! Эх, ты! Да не хмурься, не сердись, мы же друзья. И останемся друзьями, Ты пиши мне. Мне никто никогда не писал из-за границы. А может, и сувенирчик какой привезешь. Кстати, сколько тебе будут там платить?
- Не знаю. Меня это меньше всего интересует.
- Знакомая песня! Ты всегда умилял своим отношением к деньгам. Но там, куда ты едешь, деньгам молятся, на деньгах женятся, ради денег не щадят жизни.
- Может быть. Но я еду заниматься наукой и не собираюсь иметь дело ни с кем, кроме людей науки. А настоящие ученые выше этого.
- Боюсь, не пришлось бы тебе раскаяться в твоём стремлении отгородиться от всего наукой.
- Ну, это наш старый спор.
- А решится он, наверное, там. И ты честно напишешь мне об этом. Хорошо? А теперь до свидания. – Она чмокнула его в щеку и побежала к подъезду.
- Денис проводил ее глазами и медленно побрел к общежитию. Времени на сборы оставалось, действительно, больше чем достаточно.

Глава вторая

Путешествие по океану оказалось вовсе не таким привлекательным, как это рисовалось Денису. Весь день – вода и вода. И на палубах – одни скучающие старухи. Вся интересная публика в каютах или в барах. Но бары не привлекали Дениса. Да и финансовый регламент его не предусматривал такого времяпрепровождения. Единственное, чем он мог скрасить однообразие длинного пути, это прислушиваться к разговору случайных собеседников и приучать свой слух к английскому языку. Но разговоры о ценах на дамские чулки и состоянии какого-нибудь Макгифферта или Иглтона скоро наскучили Денису. Впрочем, сегодня ему определенно повезло. На прогулочной палубе собралась большая компания подвыпивших старичков, по-видимому, бывших моряков, которым было что рассказать друг другу.

- Нет, что ни говорите,- горячился один из них, – спутники, космические корабли – это, конечно, здорово. Но море до сих пор полно загадочных тайн. Ведь все эти «летучие голландцы», «острова-призраки»...
- А брось! – перебил его невысокий коренастый бородач в старом потертом кителе. – Еще «летучие голландцы» – куда ни шло. В конце концов, крепкая посуда может болтаться по волнам и с погибшим экипажем. Но эти ваши «острова-призраки»... В них я не поверю, хоть вы клянитесь самой страшной клятвой!
- Не веришь? – враз заговорили сгрудившиеся вокруг него старики. – А эта история с Томом Рваное Ухо, что в прошлом веке закопал клад на острове, который затем исчез!
- Вранье! – не сдавался бородач в кителе. – Просто у парня память отшибло с рома.
- Или еще тот случай с норвежцами, когда они, сидя в полузатопленном барке, своими глазами видели, как вдали по горизонту прошла какая-то земля!

- А почему они решили, что это не их пронесло течением или ветром мимо какого-нибудь острова?
- Так в том-то и дело, что не было в тех местах никакого острова ни до, ни после этого.
- Ну, померещилось со страху. Галлюцинация какая-нибудь.
- Галлюцинация, говоришь? А как быть с греком Иванополусом, который несколько дней гнался на самодельном плоту за такой же вот землей, да так и не догнал ее, остров будто дразнил его, а потом и совсем исчез за горизонтом.
- Грек мог и приврать, – продолжал упорствовать бородач.
- За грека никто не поручится, это верно, – вступил в разговор седоусый моряк. – А вот старику Майку я верю, как себе самому. И этот Майк рассказывал, что причалил он как-то к небольшому островку. Руль у него заклинило или еще что. Словом, пришлось швартоваться на ремонт. Ну, подлатал он свою посудину, снялся через недельку с якоря. А как вышел в океан да глянул в секстант, так и вспомнил всех чертей и святых: отнесло его за время стоянки градусов на шесть к югу...
- Да что там говорить, – выступил вперед еще один оратор, больше похожий на банковского клерка, чем на отставного моряка. – Стоит вспомнить ту историю трехлетней давности, когда м-р Томпсон решил проучить свою супругу...
- Какой еще м-р Томпсон? И при чем здесь его супруга? – недовольно загомонили моряки.
- Как какой м-р Томпсон? Вы что, газет не читаете? Этот Томпсон был едва ли не самым богатым человеком во всей Луизиане, а женат на красавице, каких не сыщешь в самом Голливуде.
- Удивил! Мало в Штатах богачей и красавиц? Что же из этого?
- А то, что характер у этой кошечки был прямо-таки тигринный, – не унимался словоохотливый «клерк». – Знаете таких красоток, готовых из мужа веревки вить? Ну, а м-р Томпсон, надо вам заметить, тоже был не ангел. Далеко-о не ангел! Вот и решил он приструнить свою женушку. Думал-думал, как это сделать, и придумал. Пригласил ее однажды прокатиться по океану – у м-ра Томпсона своя яхта была – и завез в такие тартарары, куда ни один из вас, капитанов, будь он хоть черту брат, ни за какие коврижки не рискнул бы нос сунуть.
- Ну, ты ври, да знай меру! – снова загомонили старики. – Нет такого уголка в океане, где бы кто-нибудь из нас не побывал.
- Ладно, – сбавил тон «клерк». – Не в этом дело. Может, и не такое это гиблое место. А только был там у м-ра Томпсона необитаемый островок на примете. Так себе остров – плюнуть некуда. Но с пальмами и всякой такой экзотикой. Вот на этот-то остров и высадил Томпсон свою суженую с дочкой. Так, мол, и так, или покоришься мне, или оставаться тебе на этом острове до конца дней своих. Тут бы миссис Томпсон и одуматься, признать волю мужа. Ан нет. Тогда поднял м-р Томпсон якорь и – поминай как звали! Ушел в Пуэрто-Рико. Ушел, конечно, для вида, чтобы только попугать непокорную жену, а недельки через две за ней вернуться. Да все получилось по-другому. Когда через полмесяца или около того яхта вернулась на оставленное место, острова там словно не бывало...
- Невероятно!
- Что невероятно? Он это, остров-призрак, я же говорил...
- А может, просто ошибся капитан? – раздалось сразу несколько голосов.
- Ничего не ошибся! – горячился рассказчик. – В газетах ясно было сказано, капитан вывел яхту на то же самое место. И потом еще с неделю колесил по всему этому району. Остров как сквозь воду канул.
- И что же м-р Томпсон? – поинтересовался кто-то из слушателей.
- М-р Томпсон? А что ему оставалось делать? Погоревал, покался и занялся своими делами. М-р Томпсон был деловой человек.
- А остров?- подал голос Денис.

- Остров пропал, я же говорил. Совсем пропал.
- Н-да, история... И тут, значит, не обошлось без острова-призрака? – покачал головой бородач в кителе.
- А ты что думаешь? – снова вступил в разговор моряк с седыми усами. – Ясно, это он, тот вечный бродяга, на какой в свое время высадился старик Майк.
- Вот и я говорю... – подхватил рассказчик.
- Ты говоришь! – вскипел вдруг усач. – Мы толкуем об острове-призраке. О нем любой матрос слышал. А то, что ты говоришь об этом самом м-ре Томпсоне, так это бред собачий! Кто высадит свою жену и дочь на такой остров!
- Что значит, бред собачий? Я говорю, в газетах писалось...
- Ха, в газетах! Утка с оципанными перьями! – раздался вдруг над самым ухом Дениса насмешливый девичий голос.
- Он быстро поднял глаза. До этого все его внимание было поглощено спором старых моряков, что требовало немалого напряжения, поскольку английским языком он владел далеко еще не в совершенстве. И теперь он не без удивления увидел, что толпа вокруг них сильно выросла и что рядом с ним стоит молодая красивая женщина с неестественно длинными ресницами и ярко накрашенными губами.
- Простите, мисс, вы сказали «утка с оципанными перьями», – несмело обратился к ней Денис, думая, что не совсем точно перевел эту фразу на русский язык.
- Ну, разумеется! Обычная газетная утка! А вы не согласны со мной?
- Ах, газетная утка! – понял наконец Денис, – Да, вы правы, все это очень смахивает на примитивную погоню за сенсацией. – Он был чрезвычайно доволен, что так свободно говорит с настоящей американкой, и поспешил составить еще две-три приличествующие фразы.
- Не правда ли, это очень странно, что некоторые газеты предоставляют свои страницы подобного рода лженаучным инсинуациям.
- Вас удивляет это?
- Конечно! Ведь главная задача любого печатного слова, насколько я понимаю, поднимать культурный уровень людей.
- Да? – в глазах незнакомки блеснули насмешливые искорки. – Вы это серьезно? Хотите сказать, что глупое вранье о блуждающих островах, свидетелями какого мы только что были, всего лишь досадный случай?
- Денис понял, что сказал нечто по американским меркам неподходящее. Нужно было как-то реабилитировать себя. Но прежде чем он смог придумать подходящую фразу, к ним обратился молчащий до сих пор мужчина с трубкой в зубах.
- А почему вы считаете, молодые люди, что все это лишь газетное вранье? – произнес он, не вынимая трубки изо рта.
- Потому что я сама журналистка и знаю, как стряпаются подобного рода сообщения, – ответила девушка.
- Мужчина пыхнул трубкой, укоризненно покачал головой.
- Может быть, вы и знаете это, мисс...
- Меня зовут Эвелина, – подсказала девушка.
- Очень приятно, мисс Эвелина. Так вот, может, вы и знакомы с секретами газетной кухни, только должен сказать вам, что капитаном яхты, о которой шла речь, был я.
- Вы?!
- Да, я. И могу подтвердить, что яхта вернулась в тот злополучный день точно к оставленному месту а действительно не нашла там острова...
- Вы что же, хотите сказать, что все, что рассказал этот господин, истинная правда?
- Нет, этого я не хочу сказать. В рассказе его нет и половины правды. Но то, что остров, на котором осталась миссис Томпсон, в самом деле бесследно исчез, в этом я готов поклясться на библии.

– Вот как! Это уже интересно. Послушайте, м-р...

– Уильям Грей, с вашего позволения.

– М-р Грей, позвольте пригласить вас в бар и предложить стаканчик виски, да расскажите, пожалуйста, как в действительности все это было.

– Спасибо, мисс Эвелина, виски я давно не пью. А рассказать – расскажу, отчего не рассказать. Только пойдете сядем вон там, в кресла.

– С удовольствием, м-р Грей, – Эвелина подхватила старика под руку и повела по палубе. Однако Денис остановил их, тронув девушку за локоть.

– Простите, мисс Эвелина и вы м-р Грей, позвольте мне присоединиться к вам. Меня чрезвычайно заинтересовала эта история с исчезновением острова. И поверьте, это не просто любопытство.

Эвелина бросила на него ревнивый взгляд.

– А вы не журналист?

– Нет, я научный работник, аспирант-геолог из Советского Союза.

– Из Советского Союза? О-о! – Эвелина осмотрела его с ног до головы. – Очень приятно с вами познакомиться. – Она протянула ему руку. – Эвелина Хинтон.

Денис назвал себя.

– Очень рада такой встрече, – продолжала Эвелина с очаровательной улыбкой. – Я давно мечтала встретиться и поговорить с человеком из Советского Союза. Вы, надеюсь, не откажетесь от беседы со мной?

– Напротив, сочту за честь.

– Тогда вот что, господа. Приглашаю вас к себе в каюту. Уж от стаканчика-то сухого вина вы не откажетесь, м-р Грей?

– Как вам сказать...

– Пойдемте, пойдете, господа!

Денис и м-р Грей направились за американкой.

Глава третья

– Так что же все-таки произошло в океане? – напомнила Эвелина, когда они разместились в небольшой уютной каюте и выпили вина. – Надеюсь, теперь, в этом узком кругу, вы расскажете все, как было.

– Да, сейчас я могу рассказать все, абсолютно все. Тем более, что м-р Томпсон, не тот м-р Томпсон, о котором шла речь, а другой м-р Томпсон, двоюродный брат мужа миссис Томпсон, скончался в прошлом году и освободил таким образом меня от обязанности хранить его тайну.

– Позвольте, а при чем здесь этот другой м-р Томпсон? – перебила Эвелина.

– А при том, что именно этот м-р Томпсон, Джордж Томпсон, и был главным виновником разыгравшейся трагедии. Это он был «едва ли не самым богатым человеком в Луизиане». И это ему принадлежала яхта «Даная», капитаном которой я был в тот злополучный год. Хоть и досталось ему все это богатство...

– Очередной банкир из рассыльных? – усмехнулась Эвелина.

– Очередной миллионер из мошенников, – жестко возразил Грей.

– О-о! – понимающе улыбнулась американка.

– Нет, это был не гангстер, не грабитель, – поспешил уточнить Грей. – Это был вполне респектабельный человек с приятной наружностью, утонченными манерами джентльмена. Только на какие подлости ни пускался он, чтобы сколотить свое состояние! Скольких человек разорил, пустил по миру, заставил страдать!

– Обычная история, м-р Грей, – снова улыбнулась Эвелина.

– Но зачем это, мисс, зачем?! Ведь вот умер он, и не было в последний час около него ни одного близкого человека. Даже семьей не сумел обзавестись. Узаконил, правда, перед самой смертью одного из своих незаконнорожденных отпрысков то ли из Австрии, то ли из Германии, страшно, видно, стало, что некому будет награбленное добро оставить. Так

тот и на похороны не приехал. Хотя от завещанного наследства, говорят, не отказался. И отчима своего, который вырастил его, дал ему образование, даже на порог свой больше не пустил. Еще бы – сын миллионера! Такой быстро пойдет по стопам отца...

Старик Грей закашлялся, потом долго раскуривал свою трубочку. Наконец, сказал:

– Так вот, это он, Джордж Томпсон пригласил своего брата с женой и дочкой на морскую прогулку, он приказал мне подойти к неизвестной земле, он посадил своих «дорогих» родственников на этот, оказавшийся необитаемым, остров, а затем, возвратившись из Пуэрто-Рико, не обнаружил его на прежнем месте. А все беды, включая газетный пасквиль, о котором вы только что слышали, свалились на голову его брата, Роберта Томпсона, хоть тот и походил на своего кузена не больше, чем макрель на акулу. Было ему тогда лет сорок или около того, служил он по ученой части, читал лекции в женском колледже, жил лишь на трудовые доходы и, поверьте, трудно представить человека более доброго, более интеллигентного, более обходительного, чем он. Такой же милой, обаятельной, душевной женщиной была и миссис Томпсон. И жили они друг с другом в мире и согласии, как дай бог всякому. А уж дочь их, мисс Норма – ей исполнилось тогда восемнадцать лет – и вовсе была ангелом небесным: неправдоподобно красивая, лицом в мать, свежая, как росистый цветок, с такой копной пышных светлокаштановых волос, что, казалось, волны тяжелого бархата падают ей на плечи. Но особенно красивы были у нее глаза. Да-а... Глаза необыкновенные. Синие-синие, как море в тропиках, они будто источали мягкое теплое сияние, и оттого все лицо мисс Нормы светилось какой-то особой добротой. Девушка она была рослая, много занималась гимнастикой и фигурой поспорила бы с любой античной богиней. И столько в ней было приветливости, что, верите, до сих пор комок к горлу подкатывает, как вспомню о ее судьбе... – старый моряк на минуту замолк, почмокал трубкой, окутал себя клубами душистого дыма.

– Простите, м-р Грей, – воспользовался этой паузой Денис. – Вы сказали, дочь четы Томпсон звали Нормой. Откуда в такой обычной, как будто, американской семье столь необычное имя? До сих пор я знал лишь одну Норму – прекрасную жрицу друидов, дочь Оровезо...

– О-о!- искренне удивилась американка. – У вас в России слушают Беллини?

– Россия слишком громадна и многолика, – ответил Денис. – Трудно сказать, чем увлекаются все мои соотечественники. Мне же, действительно, нравится итальянская опера, особенно в постановке «Ла Скала».

– Вы имеете возможность бывать в Италии?! – еще больше изумилась журналистка.

– Почти. Я имею возможность изредка смотреть передачи по телевизору.

– Ах, по телевизору! – сразу развеселилась американка. – А вы, русские, шутники! Как это я читала о вас где-то: мы любим красивую одежду, мы любим элегантные машины на... страницах иллюстрированных журналов.

– Бывает и так, – сухо заметил Денис. – Но писать об этом, смеяться над этим...

– Да вы не сердитесь, м-р Крымов, я просто к слову. Но, в самом деле, м-р Грей, откуда у этой красавицы такое имя?

– Как вам сказать... М-р Томпсон читал в колледже всемирную литературу и искусство. Ну и, очевидно, поэтому...

– Возможно. Но вы определенно заинтересовали нашего русского друга. Не так ли, м-р Крымов? Такая внешность и такое имя...

– Меня больше заинтересовала ее судьба, мисс Эвелина. Но продолжайте, м-р Грей, прошу вас.

– Ну-с, так вот, – снова заговорил старый капитан, – эту семью и пригласил мой хозяин тем летом прогуляться на своей яхте по океану. И не заплывали мы ни в какие тартарары, яхта шла обычным прогулочным курсом, пока не наткнулись мы на этот чертов остров. Остров крохотный. На картах моих не был даже обозначен. Пальм, правда, там не было. Но столько зелени, такая чистота, свежесть! Было это, как сейчас помню, ясным летним

утром. Вошли мы в удобную круглую бухту, причалили к белому пляжику и решили недельки полторы-две поробинзонить...

– Все высадились на остров? – поспешил уточнить Денис.

– Нет. Я вообще почти не покидал яхты. Матросы – тоже. Ну, а пассажиры мои иной день с утра до вечера пропадали на острове.

– Все вместе?

– Всяко случалось. Бывало и все вместе, бывало и по одиночке, по двое. Не в этом дело. А вот на пятый или шестой день, когда миссис Томпсон с дочкой гуляли по острову, между братьями возник большой спор. Не помню уж, с чего он начался. Только кончился тем, что хозяин предложил брату крупное пари, якобы не веря, что тот сможет остаться на острове один или с семьей месяца на два – на три в роли Робинзона. Я присутствовал при их разговоре. И очень мне почему-то не понравилось это пари. Но пари было заключено. Норма пришла в восторг от такой затеи. Она прыгала и хлопала в ладоши, словно получила невесть какой подарок.

– Но позвольте, – заметила Эвелина, – значит, на острове они остались втроем?

– Даже вчетвером, если считать и ручную обезьянку мисс Нормы.

– Великолепно! Прямо, как в Ноевом ковчеге. Продолжайте, м-р Грей!

Тот снова пыхнул трубкой.

– Ну-с, построили мы им на острове небольшой домик, оставили питьевой воды, всю необходимую утварь и сразу же отправились в Пуэрто-Рико. Там у хозяина были какие-то коммерческие дела. В Пуэрто-Рико пришлось задержаться: сначала хозяин с делами никак не мог разделаться, потом океан заштормил. Словом, лишь двенадцать недель спустя легли мы на обратный курс и пошли к острову. Но во всем этом не было еще никакой беды: продовольствия и воды мы оставили Томпсонам минимум на пять месяцев, медикаменты и все прочее тоже были у них в достатке. И несмотря на это не мог я отделаться от какой-то непонятной тревоги, недоброго предчувствия за исход пари. Дело в том, что миссис Томпсон, действительно, была удивительно красивой, и мой хозяин частенько в отсутствии брата бросал на нее такие взгляды, какие не могли не навести на размышления. Боюсь, хозяин делал ей какие-то предложения и получал решительный отказ. Словом, мне кажется, у него было достаточно оснований насолить миссис Томпсон, да и своему брату тоже. Вот почему мне так не понравилось заключенное пари. Слишком настораживала также сумма, какую назвал тогда хозяин. По всему было видно, очень уж хотелось ему оставить Роберта на острове. Помнится, он так торопил нас с разгрузкой, что пришлось прихватить даже часть ночи. А на рассвете яхта уже покинула остров. Зато отплытие из Пуэрто-Рико оттягивалось под любым предлогом. В последний момент, когда все уже было готово к снятию с якоря, хозяин вдруг приказал красить яхту, заставил механика перебирать совершенно исправный двигатель. Но самое подозрительное заключалось в том, что когда мы пришли на прежнее место и не обнаружили там острова, он абсолютно не был удивлен. Я лишь с трудом уговорил его потратить неделю на поиски исчезнувшего острова. В те дни он не выходил из своей каюты или часами сидел в радиорубке и с утра до вечера тянул коньяк. Когда же, по возвращении в Штаты, я стал настаивать на организации поисковой экспедиции, он накричал на меня, пригрозив сообщить судебным органам, что я намеренно вывел яхту не в тот район, и вообще запретил говорить с кем бы то ни было на эту тему. Ну, а газеты... Вы слышали, как это было преподнесено широкой публике.

Грей тяжело вздохнул.

– После всего случившегося мой хозяин продал яхту, а я ушел в отставку. Но мы встречались еще время от времени, и всякий раз я не мог отделаться от мысли, что он знал о том, что остров исчезнет. И был у нас еще один крупный разговор. Года полтора спустя после трагедии я узнал, что он наследовал большое состояние, и решил снова попросить его организовать поисковую экспедицию, предложив свои безвозмездные услуги в качестве капитана. Он долго юлил, ссылаясь то на одно, то на другое. Потом вдруг сказал:

– Слушайте, Грей, не спрашивайте меня ни о чем и не пытайтесь наводить никаких справок, поверьте на слово – остров этот искать бесполезно.

На том мы и расстались. А в прошлом году, незадолго до смерти, он пригласил меня к себе и сказал: «Уильям, это я повинен в смерти брата». Вот и вся история...

– Как вся? – воскликнула Эвелина. – А что все-таки произошло с островом?

– Не знаю. Этой загадке, видимо, не суждено быть разгаданной. Хозяин унес ее в могилу.

– Нет, подождите, – вступил в разговор Денис – Попробуем все-таки разобраться. Вы говорили, что увидели остров впервые и до этого хозяин ничего не знал о нем?

– Да, это так.

– Теперь скажите, вы были на этом острове или все время оставались на яхте?

– Я обошел его кругом по береговой линии.

– А хозяин?

– Хозяин облазил весь остров вдоль и поперек.

– Значит, он мог заметить нечто такое, что не могли заметить вы?

– Возможно. Но он гулял по острову с братом. И тот тоже мог бы заметить что-либо необычное. Между тем, он без тени сомнения остался на острове.

– Ну, это еще ни о чем не говорит. Вы сказали, кажется, что он преподавал в колледже литературу и, стало быть, не был естественником. А ваш хозяин, он какое получил образование?

– Помнится, он учился в университете, хотел стать горным инженером, но потом перешел в школу менеджеров.

– Это уже интересно! Горный инженер... Вы знаете, м-р Грей, ведь в принципе остров, если он вулканического происхождения, может как появиться в океане, так и исчезнуть, и Джордж Томпсон как горный инженер...

– Мог предвидеть это, так вы хотите сказать?

– А почему бы нет?

– Да потому, что видел я такие острова. И не раз. Черный безжизненный конус, окутанный дымом! А тут- мягко-округлые холмы, долины, белые пляжи, море зелени. И океан вокруг – чистый, спокойный. Нет, остров был не вулканический.

– Та-а-ак... Что же могло быть еще? Вы, кажется, говорили, что оставили Томпсонам продовольствие и воду. Разве на острове не было воды?

– Там не было хорошей питьевой воды.

– Что значит «хорошей питьевой воды»?

– Обходя остров, я не обнаружил ни одного ручья, который впадал бы в океан. Хозяин сказал, что не заметил проточной воды и в глубине острова. Хотя озерки и болотца стоячей воды попадались на каждом шагу.

– Значит, то была лишь дождевая вода, которая могла и пересохнуть? В конце концов, этим вполне можно было бы объяснить гибель наших робинзонов...

– Но не исчезновение острова! – воскликнула Эвелина.

– Да, вы правы. Что же могло произойти с островом? Что мог заметить еще Джордж Томпсон? Скажите, м-р Грей, а эти холмы... Может быть, они были слишком низкими, сложенными рыхлыми породами, и штормовые волны могли разрушить их до основания?

– Нет, остров вздымался достаточно высоко.

– Но чем он был все-таки сложен – базальтом, известняком, глинами?

– Этого я вам не скажу, все поросло травой, деревьями. Но можете не сомневаться: волны здесь ни при чем, на этот счет у меня глаз острый.

– Что же, попробуем подойти с другой стороны. Вы вот говорили, что по возвращении из Пуэрто-Рико к месту трагедии ваш хозяин часами не выходил из радиорубки. Что и кому он мог радировать?

– Понятия не имею. Хозяин закрывался там один. Одно могу сказать, из рубки он выходил всегда темнее тучи.

– Та-а-ак... А во время стоянки яхты у острова вы не заметили в его действиях чего-нибудь необычного,стораживающего?

– Разве лишь то, что он был заметно возбужден,пил больше обычного вина. И потом... Как мог я забыть! Однажды, когда он сходил на берег один, без брата, я заметил у него в руках небольшой зеленый чемоданчик. Было это еще до разгрузки «Данаи». Вернулся же он без чемодана. Тогда я не придавал этому значения, подумал только, что ему понадобилось спрятать на острове? А теперь... Неужели то была бомба, и...

– И остров взлетел на воздух? Нет, это исключено. Остров можно было бы взорвать разве что водородной бомбой. Но термоядерный взрыв, где бы он ни произошел, не останется незамеченным. Все это не то. Вот разве... Послушайте, м-р Грей, а не мог ваш хозяин подделать судовой журнал, исправить координаты острова и тем самым направить вас на ложный путь?

– Нет, я помнил координаты на память. Я помню их до сих пор. Ошибки быть не могло. К тому же остров был нанесен мной на карту, которая всегда находилась при мне. Остров исчез, я в этом не сомневаюсь. Как и в том, что хозяин знал об этом заранее.

Так они проговорили до позднего вечера. Но тайна так и осталась тайной. Не верить старому моряку у Дениса не было ни малейших оснований. Но и найти какое-то объяснение удивительному рассказу он не смог, несмотря на все старания.

Глава четвертая

Солнце скатилось в воду, и на океан опустилась ночь, когда после ужина Денис снова вышел на прогулочную палубу. Здесь не было ни души. Снизу доносились звуки музыки, там, видимо, начались объявленные накануне танцы. Но к танцам Денис был равнодушен. Он прошел в самый конец теплохода, на корму, и стал смотреть вниз, стараясь разглядеть рвущиеся из-под винтов буруны. Все кругом было черным-черно. Но вспененные валы, бегущие за кормой, фосфоресцировали жемчужной белизной и оттого были особенно красивы.

Денис задумался. Вспомнился небольшой поселок, где он родился и вырос, где похоронил почти одновременно отца и мать. Потом нелегкая пора студенчества, когда приходилось жить лишь на стипендию да случайные заработки в порту или на станции. Потом спрессованные до предела, полные исканий годы аспирантуры.

Думал ли он, что придет срок, и он поедет за океан, в американский университет и будет вот так стоять на палубе гигантского лайнера, пересекающего Атлантику? И вспомнилась кафедра, друзья-коллеги, только что завершенная диссертация, пробная лекция по вулканизму. И каверзный вопрос любознательного паренька! «Почему на Венере нет воды?»

В самом деле, почему? Ведь это действительно загадка из загадок. Геохимики давно установили, что все то несметное количество воды, которое заливает ныне Землю, так или иначе выделилось из магматических расплавов, поднявшихся из глубин планеты и сформировавших ее поверхностную оболочку. Значит, весь Земной шар, вся мантия его, по крайней мере, пронизана водой или ее исходными компонентами.

А Венера? Выходит, сам состав ее отличен от земного. Но почему? Ведь все планеты образовались из одного газопылевого облака, одной туманности.

Денис живо представил себе это гигантское облако, вращающееся вокруг одинокого тогда Солнца. И мысли его, цепляясь одна за другую, начали выстраиваться сначала в смутную, затем все более стройную гипотезу. В этом облаке, наряду с тяжелыми образованиями, были безусловно и крупницы льда, крупницы замерзшей воды. Но раз так, то в тех частях туманности, которые оказались ближе к Солнцу, эти крупницы должны были таять, превращаться в пар, диссоциировать на кислород и водород. Легкие же атомы водорода под действием светового давления, как то бывает в кометах, неизбежно должны были отбрасываться во внешние части туманности, где сформировались впоследствии такие богатые водородом гиганты, как Юпитер. Зато те части облака, из которых образовалась

Венера и, возможно, Меркурий, почти полностью лишились водорода, а, следовательно, в них уже и не могла появиться вода. Так не этим ли объясняется все своеобразие нашей таинственной соседки?...

А мысли уже перескочили на недавний разговор с американцами. И сразу представилась синеглазая Норма с роскошными волосами цвета сургучной яшмы. Ей был бы сейчас двадцать один год. Чуть меньше, чем Денису. Что же, в самом деле, произошло на этом странном клочке суши? А может, яхта по каким-то причинам все-таки сбилась с пути, прошла мимо острова. И она до сих пор живет там, эта изумительная девушка. И также, как он, смотрит сейчас в темноту ночи, вдыхая влажный, пахнущий океаном воздух?

Ему показалось даже, что в ночном мраке мелькнуло что-то вроде острова: неясные очертания гор, лесных зарослей. И сразу представилась другая ночь – в священной роще друидов: мрачные стены храма, черные заросли омелы, слабые отсветы жертвенного огня. И прекрасное лицо могущественной жрицы, пред которой склонились застывшие в молчании воины.

Эта сцена волновала Дениса давно. Но теперь образ жрицы приобрел вполне реальные черты: сквозь мрак ночи на него смотрели дивно лучистые глаза другой Нормы, глаза очаровательной мисс Томпсон, и он с почти физической ясностью ощутил вдруг вспыхнувшее чувство сострадания к этой невинной жертве непонятного вероломства.

Но почему бы это? Чем так тронула его участь таинственной робинзониты? Этого не знал и сам Денис. Все время, сколько он помнил себя, его влекла мечта встретить девушку необыкновенной судьбы, необыкновенной внешности, необыкновенного склада души. Она рисовалась ему то женщиной с иной звезды, иной планеты, то чудесным образом ожившей амазонкой из глубины веков, то переброшенной в наше время силой какого-то невероятного эксперимента девушкой из будущего. И может быть, поэтому так волновали его образы Нефертити, Таис Афинской, прекрасной Нормы из храма Друидов. Может быть, поэтому он больше года ходил в университет кружной дорогой мимо физико-технического института, чтобы хоть издали увидеть аспирантку Тоню Зимину, приехавшую откуда-то из Заполярья и бывшую, как говорили, чуть ли не родственницей самого Беринга.

Впрочем, скоро оказалось, что о Беринге Антонина знает не больше любого пятиклассника, и ничто не заботит ее больше, чем проблема городской прописки и места будущей работы, где зарплата обязательно определялась бы дипломом кандидата наук. Мечта осталась мечтою. А ведь казалось, он уже полюбил ее...

Денис попытался представить широкое, полное, с вздернутым носиком лицо Тони. И не смог.

Снизу снова послышалась музыка. Играли старинный русский вальс. Денис решил пойти взглянуть на танцующих. Но не успел он оторвать руки от стойки, как какая-то страшная сила рванула его в сторону. Тьма раскололась багровым заревом. Невероятной силы грохот раздался в передней части судна.

Денис обернулся назад. Там будто разверзлось жерло вулкана. Денис невольно закрыл глаза и тут же почувствовал, что палуба под ним накренилась, круто пошла вниз. Он крепче ухватился за металлическую стойку и, глянув вниз, успел заметить в отсветах пламени огромный, покрытый зелеными наростами руль и бешено вращающиеся в воздухе винты.

И снова стало темно. Грохот больше не повторялся. Но теперь сзади, снизу, со всех сторон неслись леденящие душу крики женщин и детей. Палуба кренилась все больше и больше. Столбик, за который уцепился Денис, принял почти горизонтальное положение, ноги еле держались на полу, а топовый фонарик, бывший до этого далеко внизу, висел теперь почти над головой. Корабль, видимо, встал на попа и стремительно уходил под воду. Дальше медлить было нельзя. Денис сорвал с крючка висевший на стойке спасательный круг и, укрепив его на груди, перегнулся через перилку палубы, стараясь рассмотреть невидимую во тьме воду. До нее было, похоже, далеко. Он попытался определить

расстояние по цепочке иллюминаторов, еще не залитых водой. Но в это время совсем рядом, за его спиной раздался громкий женский крик.

Денис живо обернулся и увидел, что из дверей каюты люкс, выходящих прямо на палубу, выбралась молодая полураздетая женщина, но не удержалась на ногах и теперь отчаянно взмахивала руками, стараясь не соскользнуть дальше вниз и привлечь к себе внимание Дениса. Можно ли было не помочь несчастной? Денис спустился к ней навстречу. Незнакомка вцепилась ему в рукав.

– Что это? Мосье, что все это значит? – проговорила она по-французски. В ее широко распахнутых глазах было больше недоумения, чем страха.

Денис крепче ухватился за стойку палубы, уперся ногой в решетку ограждения.

– Успокойтесь, мадам, – сказал он, с трудом подбирая французские слова. – Успокойтесь и соберитесь с духом. Корабль, по-видимому, тонет.

– Как тонет? Что вы говорите! Такой огромный современный лайнер! Мне сказали, он не может утонуть.

– Тем не менее он тонет, мадам.

– В таком случае, проводите меня к шлюпкам. Здесь должны быть спасательные шлюпки. Или нет, сначала зайдем ко мне в каюту, я оденусь и захвачу кое-что из драгоценностей.

– Какие драгоценности! Вы с ума сошли! Судно вот-вот пойдет ко дну. Дорога каждая секунда! А вы...

– Ладно, ведите меня к шлюпкам.

– Хорошенькое дело – ведите! Когда мы висим чуть не вверх ногами. Да и как пройдешь туда, к шлюпкам? Вы слышите, что делается? Все проходы забиты обезумевшими людьми. Ваше счастье, что вы выбрались наружу.

– Что же нам делать?

– Прыгать за борт. Иного выхода нет.

– Как прыгать? В воду?! Но там же акулы и эти самые... медузы!

– Есть вещи пострашнее. К тому же нас быстро выловят спасатели.

– Но я не умею плавать. Я никогда не плавала в море.

– Это хуже. Тогда... Держите вот! – он быстро отвязал свой спасательный круг, протянул его французенке.

Та повертела круг в руках.

– А что мне с ним делать?

Денис готов был взорваться от досады.

– С ним ничего не надо делать. Давайте я вам помогу, – он закрепил круг на груди у незнакомки. – Все! Теперь прыгайте. И быстрее! Иначе...

– Нет-нет! Ни за что! Я... Я умру со страха.

– Но здесь оставаться нельзя. Поймите, корабль обречен. Я прыгаю, мадам!

Однако она еще крепче вцепилась в него обеими руками.

– Как? Вы бросаете меня?! О боже! Мосье, не оставляйте меня одну, умоляю вас!

– Тогда мы погибнем здесь оба! – крикнул Денис, теряя остатки терпения.

– Пусть! Пусть что угодно! Только не покидайте меня! И не заставляйте прыгать!

– Но я прыгну вместе с вами. И сразу разыщу там, в воде.

– Нет-нет! И не говорите об этом. Это такой ужас! Денис понял, что никакие уговоры не помогут.

– Хорошо, тогда держитесь за мою шею. Французенка, не раздумывая, обхватила его за шею.

Денис подхватил незнакомку на руки и, кое-как освободившись из цепких объятий, бросил за борт.

– А-а-а! – хлестнул по нервам ее пронзительный крик.

– Я прыгаю за вами! – крикнул Денис и, перебросив тело через решетчатое ограждение, ринулся в чернильную тьму.

Удар о воду был ужасен. Несмотря на то, что Денис, немало прыгавший с вышки, сделал все возможное, чтобы войти в воду под прямым углом, голова и плечи будто ударились о бетонную стену. Мышцы свело как в судороге. Лишь отчаянным усилием воли заставил он себя работать руками и ногами. Мгновения, проведенные под водой, показались вечностью.

Но вот вода вынесла его на поверхность. Здесь было абсолютно темно. А сзади и чуть слева все еще неслись вопли ужаса. Денис обернулся туда. Электричество на корабле погасло. Лишь время от времени тьма прорезалась слабыми вспышками света, то был, очевидно, свет карманных фонариков. На судне, видимо, спускали на воду шлюпки и делали все возможное для спасения пассажиров. Но что можно было сделать в крошечной темноте, на вертикально вздыбившейся палубе? И как мог он, Денис, разыскать теперь свою незнакомку. Но он обещал ей. И, чуть отдышавшись, он крикнул:

– Мадам, мадам! Где вы?

Однако голос тонул в столах и криках о помощи. Денис поплыл ближе к кораблю. Здесь уже попадались надувные плоты, обломки мебели и просто доски, облепленные людьми.

– Мадам! Мадам! – снова крикнул Денис. И вдруг:

– Мосье! Я здесь, мосье! Меня уже выловили. Плывите сюда скорее!

Денис поплыл на голос и через минуту смог различить небольшой резиновый плот с несколькими фигурами людей. Он протянул руку к борту плотика. Но тут же почувствовал сильный удар веслом.

– Куда лезешь? Не видишь, плот переполнен! – раздался грубый мужской голос.

Денис, ни слова не говоря, повернул в сторону. Машинально проплыл несколько метров туда, откуда неслись крики, как вдруг мозг его обожгла страшная мысль. Он вспомнил, что стремительно погружающийся корабль может увлечь за собой все, что находится поблизости.

– Люди! Плывите дальше от корабля! Как можно дальше! – крикнул он во весь голос и, отвернувшись от гибнущего судна, что было сил заработал руками и ногами.

Так прошло минут десять-пятнадцать. А может быть и больше. Время для Дениса будто остановилось. Он думал лишь о том, как быстрее и дальше отплыть от страшного места катастрофы. Больше уже никто не попадался на его пути. Крики вдали становились все слабее и слабее. И вдруг все стихло. Потом пронесся глухой хлопок, будто где-то откупорили гигантскую бутылку шампанского, высокая волна несколько раз подняла и опустила Дениса, и жуткая звенящая тишина словно вдавила его в воду.

Только теперь он почувствовал, как сильно болят голова и плечи. Он откинулся на спину, вытянулся в струнку, выбросил руки в стороны. К счастью, вода была теплой, море спокойным, в воздухе ни ветерка. Но что же делать дальше? Он приподнял голову, посмотрел по сторонам, прислушался. Ни огонька, ни звука. Черная вода внизу, черное небо над головой. Даже звезд не видно. Предательское чувство страха все больше овладевало Денисом. И это был не просто страх перед акулами, которые несомненно водились в этих местах. И даже не страх за свою жизнь. Это был ужас одиночества, ужас перед черной громадой океана.

Но ведь там, на месте катастрофы, есть еще спасшиеся пассажиры, есть бывалые моряки, члены команды корабля, которые знают, что делать в подобных случаях, и среди которых будет не так страшно дожидаться помощи. И он поплыл обратно к месту взрыва.

Но океан был пустынным. Даже успевшие привыкнуть к тьме глаза не различали ничего, кроме мерно вздымающихся волн. Где же спасательные шлюпки, где люди, где все?

А может, он плывет совсем в другую сторону? Денис похолодел от ужаса. И в тот же миг в плечо его уперлось что-то твердое. Он протянул руку и нащупал широкую доску или скамью. Это было уже кое-что! Главное, он не потерял направления. Денис вскарабкался на доску, лег на нее поперек животом. И тут словно из-под воды:

– Люди-и, люди-и, отзовитесь!

Денис прислушался. Или это ему показалось? Дурак! Как он сам до сих пор не догадался кричать? Он поднял голову как можно выше над водой и крикнул:

– О-го-го!

И снова слабый женский голос на английском языке:

– Люди-и, люди-и, где вы?

– Здесь! Здесь! – крикнул Денис как можно громче и поплыл на голос.

Теперь они перекликались непрерывно. И Денис прилагал все силы, чтобы как можно скорее доплыть до кричавшей. Но прошло еще не меньше получаса, прежде чем он смог рассмотреть в темноте что-то светлое и подогнать свой плот к плывущей женщине. Каковы же были удивление и радость Дениса, когда, взглянув ей в лицо, он узнал журналистку, вместе с которой всего несколько часов назад слушал рассказ старого моряка о пропавшем острове.

– Мисс Эвелина! – крикнул он, протягивая к ней руки. – Взбирайтесь скорее ко мне на плот.

Но из груди американки вырвался лишь стон. На ней был, оказывается, спасательный жилет и пробковый пояс, отчего на воде она держалась довольно легко. Но в ее голосе, всей ее сжавшейся беспомощной фигуре сквозили ужас и отчаяние. Она судорожно вцепилась в доску, на которой лежал Денис, и задохнулась в рыданиях.

Денис развернул доску так, чтобы ей удобнее было за нее ухватиться, чуть притопил один конец.

– Ну что вы! Успокойтесь. Да успокойтесь же! – пытался он утешить плачущую женщину, помогая ей взобраться на доску. – Нам еще определенно повезло. Остаться в живых в такой катастрофе! К тому же этот плот... Мы легко удержимся на нем до утра. А утром придет помощь. С теплохода наверняка радиовали «СОС».

– Не знаю, может быть... Но могли и не радиовать, не успеть... – продолжала всхлипывать журналистка. – Радиорубка была, кажется, в носовой части... Я знаю... И именно там произошел взрыв... Да и кому помогать? Я кричу все время, но только вы откликнулись на мой зов.

– Но ведь и я не сразу вас услышал. Значит, есть и другие.

– Едва ли. Я видела, как все это произошло. Какой-то ужас! Я сама уцелела чудом. Помог случай. Я собиралась на танцы, когда раздался этот жуткий грохот, и каюта перевернулась набок. Я упала на пол. Вернее, на одну из стен, потому что полом стала стена. А в другой стене, что оказалась теперь над головой, раскрылись все шкафы, и мне на голову посыпались платья, сумки, этот пояс, спасательный жилет. Он уперся прямо мне в лицо, иначе я не вспомнила бы о нем. Тогда я нацепила жилет и пояс на себя и попыталась открыть дверь каюты, но дверь заклинилась. Так было, наверное, во всех каютах. Я уже чувствовала себя погребенной заживо, когда услышала шум воды. Вода вливалась через иллюминатор. Иллюминатор теперь тоже находился у самого пола. Я хотела закрыть его. Но, слава богу, поняла, что как раз этого и не нужно делать. Я выглянула наружу и увидела, что океан плещется у самых моих глаз. Это и толкнуло меня на то, чтобы выбраться из иллюминатора. Будь океан хоть немного ниже, я ни за что не решилась бы прыгнуть вниз. А теперь стоило мне лишь протиснуться наружу, и я оказалась в воде. Это было очень вовремя. Через минуту весь иллюминатор скрылся под водой, и океан с грохотом рванулся в каюту. Вода потянула меня назад, прижала к борту. В ужасе я оттолкнулась от обшивки корабля и, отплыв, оглянулась назад. Зрелище было кошмарным. Теплоход вздыбился почти вертикально, наподобие фантастической башни, и быстро погружался в воду. На палубах не было видно никакого движения. Но изнутри неслись вопли отчаяния. Погас свет. Крики усилились. А черная громада корабля еще быстрее пошла вниз. Тогда я попыталась отплыть от него подальше в сторону. Но в воду уходила уже корма, и меня тоже затянуло под воду. Это продолжалось долго. Очень долго! Я уже почти задохнулась, когда жилет вытолкнул меня на поверхность. Тогда я начала кричать и кричала все время, пока не услышала ваш голос.

– Значит, все эти плотики и надувные лодки, какие видел я, затянуло под воду вместе с кораблем?

– Не знаю. Я не встретила больше никого. Может, кто-то успел отплыть достаточно далеко. А может, так же, как я... Это было так страшно, так страшно! – она снова разрыдалась. Потом спросила: – А как выбрались вы из этой западни?

Денис коротко рассказал.

– Я бы никогда не решилась на такой прыжок, – вздохнула Эвелина. – Вам, русским, видимо, в самом деле не знакомо чувство страха.

Денис усмехнулся.

– К вам навстречу я поплыл, как раз гонимый страхом.

– Скажите, там, на земле, у вас остался кто-нибудь! отец, мать, жена?

– Нет, я живу один.

– А у меня в Штатах мать. Совсем старая и больная. Мы жили только на мои заработки. Что она теперь станет делать?...

– Да не убивайтесь вы раньше времени! Я уверен, нас спасут. Даже если не успели передать «СОС», одно то, что связь с кораблем прервалась, должно насторожить портовые власти. А курс корабля известен. Вышлют самолеты, сообщат проходящим судам. И найдут нас, найдут! Я не сомневаюсь в этом.

– Не знаю, не знаю... – она снова всхлипнула и замолкла.

Больше они не произнесли ни слова. Ночь тянулась бесконечно. Денис потерял всякий счет часам. Временами на него наваливалась дремота, тяжелая, с кошмарными видениями. Но так продолжалось недолго. Впрочем, реальная действительность была ужаснее всяких кошмаров.

Наконец тьма рассеялась. Над водой потянуло ветерком. Стало заметно холоднее. Денис поднялся на локтях, с тоской огляделся по сторонам. Океан был пустынен. Кругом покачивались лишь свинцовые горбы волн. Впрочем...

Что это там темнеет, на самом горизонте? Он всмотрелся пристальнее и затормозил дремлющую журналистку:

– Эвелина! Мисс Эвелина! Вы не спите? Взгляните вон туда. Что там темнеет над водой?

Девушка устало подняла голову, нехотя повернулась в указанном направлении и вдруг встрепенулась:

– Боже! Или я схожу с ума, и мне начинают мерещиться миражи, или это берег, земля...

– Земля! Земля! Остров! Мы спасены, Эвелина! Плыдем туда!

Глава пятая

Солнце успело подняться почти к зениту, когда, совершенно обессиленные, измученные страхом и жаждой, они почувствовали наконец под ногами дно и, бросив доску, выбрались на узкую полосу пляжа.

Денис повалился на теплый влажный песок и несколько минут лежал без движения, без мыслей, наслаждаясь лишь покоем и сознанием полной безопасности. Но внутри, казалось, все горело от нестерпимой жажды. Нужно было подумать о воде. Он заставил себя подняться, шагнул к лежащей ничком Эвелине.

– Ну, как вы?

– Пить... – прошептала девушка, не открывая глаз.

– Сейчас попробую найти воду. – Денис сбросил намокший пиджак, ботинки, окинул взглядом незнакомый берег. Пляж приютившего их островка вытягивался узкой серповидной полосой и замыкался небольшим обрывом, выше которого угадывались пологие холмы, поросшие лесом.

Денис поднялся на обрыв и, чутко прислушиваясь, направился к небольшой ложине, густо поросшей травой и кустарником. Лощина была бессточной, и опытный взгляд геолога сразу определил, что здесь должна быть вода. Действительно, не прошел он и трехсот

метров, как ноги начали тонуть в мочажине, а чуть дальше блеснуло небольшое озерко воды.

Денис жадно прильнул к ней губами. Вода была теплой, невкусной, очевидно, скопившейся здесь после дождей. Но сейчас было не до выбора. Напившись сам, он свернул из плотных листьев какого-то незнакомого растения кулек и, наполнив его водой, пошел обратно к Эвелине. Но не успел сделать и нескольких шагов, как услышал за спиной жалобное повизгивание.

Что бы это могло быть? Денис обернулся, посмотрел по сторонам. Визг послышался громче. Он доносился из зарослей колючего кустарника, росшего по краям мочажины.

Денис возвратился к озерку и скоро увидел, что в самой гуще зарослей, там, где они сплетались особенно плотно, запуталась в колючках маленькая рыжая обезьянка. Крохотная сморщенная рожица ее скривилась от боли. Глаза с отчаянием смотрели на Дениса. Ему показалось даже, что в них блестят слезы.

– Ах ты, горемыка несчастная! – он протянул к обезьяне свободную ладонь, но тут же отдернул руку, уколотившись об острый шип.

– Н-да, основательно ты попалась!

Бросив кулек с водой, Денис попытался осторожно развести кусты. Однако упругие стебли стояли сплошной стеной. А обезьянка подняла теперь такой визг, будто острые шипы пронзили ее насквозь.

– Вот задача! Как же вызволить тебя? – Денис попробовал воспользоваться сухой корягой – снова ничего не получилось. И вдруг вспомнил, что в кармане у него был нож. Только не выпал ли он в океане?

Денис поспешно ощупал карманы брюк. Нож был на месте.

– Порядок! Теперь я выручу тебя! – он очистил нож от соли и принялся крушить зеленую стену.

К счастью, кусты резались легко. Маленькая пленница выбралась из западни и, присев у воды, принялась зализывать царапины на животе.

– Гм... Не пуганая! – Денис спрятал нож, подсел ближе к обезьяне. – Теперь дуй! Дуй, говорю, а я пойду. У меня там еще одна страдалница.

Но обезьянка продолжала сидеть на месте, смешно сморщив нос, искоса поглядывала на Дениса. Потом вдруг прыгнула ему на плечо и лизнула в щеку.

– Ну-ну! – непроизвольно отстранился Денис. Но обезьяна уже соскочила на землю и в одно мгновение скрылась в лесу.

– Забавно! – Денис потер щеку, с улыбкой покачал головой. – Вот забавно! – он снова наполнил кулек водой и поспешил к Эвелине.

К удивлению Дениса, она уже встала, успела освободиться от жилета, отжать платье и теперь стояла у самой воды, стараясь привести в порядок прическу.

Денис протянул ей кулек.

– Вот, попробуйте. Не очень свежая, правда...

– Вода?! – она схватила кулек обеими руками и жадно, большими глотками, выпила все, до последней капли. – Благодарю вас.

– Хотите еще?

– Нет, достаточно. Скажите лучше, что это за остров, где он, и что, по-вашему, нас здесь ожидает?

– Столько вопросов сразу? – улыбнулся Денис – Журналист всегда остается журналистом. Но я должен разочаровать вас. Я не знаю, как называется остров, не знаю, где он расположен, и тем более не знаю, что нас здесь ждет. Единственное, что я могу сказать, это то, что остров невелик, по-видимому, необитаем, и, судя по тому, что здесь есть вода, растительность и кое-какая живность, на нем можно жить.

– Можно жить? Вы что, хотите, чтобы мы стали новыми робинзонами?

– К сожалению, теперь мало что будет зависеть от наших желаний. А в порядке утешения могу добавить, что остров лежит, должно быть, неподалеку от трассы кораблей,

курсирующих между Европой и Америкой, ведь катастрофа произошла неподалеку отсюда, и потому можно надеяться, что в скором времени мы увидим какое-нибудь судно и дадим ему знать о нашем бедственном положении.

– Дадим знать, как?

– Ну, хотя бы столбом дыма.

– Едва ли современный капитан заинтересуется каким-то столбом дыма.

– В принципе вы правы. Но после такой катастрофы, о которой скоро узнает весь мир, дым на необитаемом острове, лежащем вблизи места взрыва...

– Да, в этом есть резон... Ой, смотрите, человек!

Денис обернулся и увидел, что по склону холма к ним в самом деле направляется молодой мужчина со стройной атлетической фигурой и умным волевым лицом. На нем была светлая кожаная куртка, в одной руке он держал небольшой плоский чемодан, в другой спасательный жилет. И этот пробковый жилет, и сильно помятые брюки незнакомца ясно свидетельствовали, что перед ними еще одна жертва катастрофы. Вдруг Эвелина заметно побледнела.

– Боже, и он здесь...

Денис уловил в ее глазах тревогу.

– Вы знаете этого человека?

– Да... Это мой знакомый из ФРГ, Курт Томпсон. Вот уж не думала...

Между тем, мужчина сбежал с обрыва и, подойдя к ним, радостно улыбнулся.

– О, мисс Эвелина! Какая неожиданная встреча! Какое счастье видеть вас живой и невредимой! – воскликнул он на английском языке с сильным немецким акцентом.

– Нимало этому не удивляюсь, – ответила журналистка со странной саркастической усмешкой.

Но Курт, казалось, не обратил на это ни малейшего внимания:

– А я, еще когда подплывал к острову, подумал: вот если бы... Очень, очень рад видеть вас, дорогая Эвелина. И вас тоже, м-р...

Денис назвал себя, пожал руку незнакомца.

– Очень, очень приятно! – продолжал тот с обворожительной улыбкой. – Вы что же, только что выбрались на берег? Оба сразу?

– Да, всего с час назад. Мы встретились с Эвелиной еще ночью, в океане. Это такая удача, что катастрофа произошла неподалеку от острова.

– Но остров необитаем, вы знаете? Я выбрался сюда еще утром, успел подняться на один из холмов – нигде ни хижины, ни струйки дыма.

– Я так и предполагал.

– Словом, «спаслись», что называется – из огня да в полымя, – горько усмехнулась журналистка.

– Ну, не скажите, мисс Эвелина, – возразил Курт. – Все-таки это в высшей степени оригинально, высадиться в наше время на необитаемом острове, оказаться в положении, так сказать, колумбов неведомой земли.

– Я не думаю, чтобы она была слишком уж неведомой, – заметил Денис. – Как может быть никому не известным остров, лежащий в самой оживленной части Атлантики? Нет, наверное, капитана, которому он не намозолил бы глаза.

– Это не меняет сути дела. Факт тот, что остров не принадлежит никакому государству. Иначе здесь был бы флаг или какой-то иной атрибут государственной принадлежности. И я думаю даже, не выступить ли мне в роли первооткрывателя этого островка, подарить своей родине, так сказать, заморское владение, коль скоро судьба позволила мне первым ступить на его девственные берега. Согласитесь, не каждый день случаются в наши дни подобные события. Надеюсь, вы не будете возражать против этого моего маленького каприза?

– Сделайте одолжение! – усмехнулся Денис.

- В таком случае, я с радостью приглашаю вас быть гостями острова Бисмарк, как я хочу его назвать.
- Вот как! И может быть, предложите нам место в отеле и прикажете подать завтрак? – съязвила Эвелина.
- Нет, этого пока я сделать не смогу. На острове нет даже флага моей родины, мне не из чего его сделать. Но мысленно, в душе, я готов представить вам все блага, какими может располагать гостеприимный хозяин.
- Мы очень благодарны вам, уважаемый «хозяин». Но от мысленного гостеприимства сыт не будешь, – вздохнула журналистка.- Кстати, Курт, что у вас в чемодане? Если конфеты или шоколад, я играю с вами.
- К сожалению, мисс Эвелина, там нет ни конфет, ни шоколада. Но есть известные вам ценные бумаги, которые позволят мне, как только доберемся до Штатов, засыпать вас самыми дорогими конфетами.
- О-о!
- Да-да! Вы знаете, зачем я еду в Америку, м-р Крымов? – продолжал Курт доверительным голосом. – Я еду, чтобы вступить во владение наследством, которое оставил мой покойный папочка и которое исчисляется циферкой с шестью нулями. С шестью нулями! Экая, черт возьми, душещипательная суммочка! Даже самому не верится, что придется распоряжаться таким капиталом. И то, что я являюсь владельцем этого богатства, подтверждают документы, лежащие здесь, в чемодане. Теперь понимаете, что скорее я мог утонуть сам, чем потерять свой чемодан.
- Как же вы выбрались из тонущего корабля и так удачно, на несколько часов раньше нас оказались здесь? – поинтересовалась журналистка.
- Стоит ли вспоминать эти грустные часы, мисс Эвелина? Тем более, что, как вы знаете, люди в такой обстановке ведут себя отнюдь не лучшим образом. Пришлось поработать и языком и кулаками...
- Да уж можно себе представить.
- И не пытайтесь, мисс Эвелина. Толпа всегда страшна. Стократ страшней толпа, объятая паникой. И если б не моя сила... Зато теперь...
- А теперь я хотела бы иметь хоть одну единственную конфеточку из той горы, какой вы обещали меня засыпать, – вздохнула журналистка.
- Да я и сам не прочь бы пожевать чего-нибудь,- признался новоиспеченный миллионер. – Но увы... Вот если бы тот ресторанчик, помните, мисс Эвелина, на верхней палубе, за плавательным бассейном?
- Да хоть бы тот буфет с бутербродами и кока-кола, – подхватила американка.
- Ну, вот что, – решительно заключил Денис,- сейчас не время предаваться воспоминаниям и мечтать о несбыточном. Пусть Эвелина отдохнет, а мы с вами, Курт, пойдёмте поищем чего-нибудь съестного. Не может быть, чтобы на всем острове ничего не нашлось.
- В самом деле, мальчики, идите поищите, ведь скоро сутки, как мы постимся.
- Я был бы счастлив что-нибудь сделать для вас, дорогая Эвелина, – ответил Курт вдруг потускневшим голосом.- Но сейчас я совершенно не в состоянии двигаться. Повредил ногу, знаете, и вот... – он со стоном опустился на замшелую корягу.
- Что-нибудь серьезное? – наклонился к нему Денис.
- Нет, пустяки. Спускался сейчас с холма и оступился на камне. Пройдет, конечно. Но пока, сами понимаете...
- Да, лучше не рисковать,- согласился Денис.- Ждите меня здесь оба. А я схожу, посмотрю, что и как. Если появится кто-нибудь еще из пассажиров лайнера, пусть ждет тоже. Ну, а если – мало ли что может быть! – придет вдруг помощь, не спешите отчаливать,
- Не беспокойтесь, м-р Крымов, вас здесь не оставим!

Глава шестая

«Ну и островок подкинула судьба!» – мысленно чертыхался Денис, отирая пот с лица и поглаживая бесчисленные царапины и ссадины.

Он только что спустился с одного из холмов, где рассчитывал найти что-нибудь съедобное, и теперь снова сидел на берегу, глотая голодную слюну. Заросли в глубине острова оказались совершенно непроходимыми. И в густой, по колена, траве, какой порос каменистый, сложенный вулканическим туфом, холм, не оказалось ни грибов, ни ягод, а единственными плодовыми деревьями, какие он заметил, были лишь дикие яблони и груши, да и те еле успели отцвести. Встретились, правда, еще кусты кизила и орешника, несколько зарослей барбариса, но на всем этом не было даже завязей. Не лучше обстояло дело и с живностью. Несмотря на самые тщательные поиски, он не обнаружил нигде ни норки грызуна, ни каких-либо следов или объединенной коры деревьев. Лишь громадные стаи птиц с криком снимались с ветвей деревьев на всем его пути. Да разве их поймашь?

– Этак можно и с голоду погибнуть! – Денис тяжело поднялся и пошел по-над берегом, жадно всматриваясь в голубую, кристально чистую воду. Дна здесь видно не было, берег почти отвесно уходил на неведомую глубину, и целые полчища рыб сновали вдоль этой темной, покрытой водорослями стены. Денис не мог оторвать от них глаз. Но как поймать хоть несколько рыбешек? Он машинально бросил в воду пруттик, и тот стремительно понесся вдоль берега, обгоняя Дениса.

– Ого, какое здесь течение! Недаром так трудно было подплыть к острову. Хорошо еще, за отмель зацепились.

Между тем, показалось дно, сначала темное, густо покрытое тиной, потом песчаное, ослепительно белое, с редкими тенями дремлющих рыб. Океан вдавался тут в остров в виде длинного неглубокого залива, который легко мог перепрыгнуть и подросток. В воде залива тоже ходили рыбы, крупные, лениво колышущие плавниками, соблазнительно доступные. Некоторые из них терлись о самый берег.

Денис затаил дыхание.

– А что, если...- он подкрался ближе и, прицелившись, бросился на ту, что была ближе всех. Но рыба без труда выскользнула из рук, а залив мгновенно опустел. Денис в сердцах выругался и, опустившись на землю, принялся отжимать намокшие концы брюк.

– И тут неудача!

Но вода в заливе быстро успокоилась, поднятая муть осела, и вот уже снова показались темные спинки рыб. Все больше, больше. И вдруг Дениса осенило. Он вспомнил, как в детстве на небольшой реке, протекавшей через их поселок, ловил с ребятами окуней. Речку перегораживали плетеным из тальника заборчиком с небольшим оконцем. А к оконцу ставили «морды», нехитрые снасти, тоже сплетенные из тальника, в виде двух конусов, вставленных один в другой. Рыба легко проходила через внутренний конус с отверстием, а из внешнего выйти не могла, так как тыкалась главным образом в места соединения конусов.

А что если сделать нечто подобное и здесь? Нож у него имеется, тонкого гибкого кустарника по берегу сколько угодно. Итак, за дело!

Не прошло и получаса, как Денис вбил в дно залива несколько кольев, плотно перевил их срезанной лозой, а к небольшому отверстию, оставленному в заборчике, приладил сплетенную из прутьев дверцу так, чтобы она открывалась вверх.

Осталось только ждать. Рыба, напуганная его работой, долго не показывалась. Но вот сквозь отверстие проскользнула быстрая тень. За ней другая, третья. Л вон уже и целый косячок рыб метнулся вверх по заливу и замелькал перед жадными глазами Дениса.

Теперь самое главное. Он прокрался к запруде и захлопнул дверцу. Рыба осталась в заливе. Тогда он сбросил ботинки, закатал брюки и прыгнул в воду. Рыба метнулась к океану. Но запруда была слишком плотной. Вода будто вскипела под руками Дениса, и он без труда выбросил на берег с десятков крупных рыб.

Это была удача, о которой Денис боялся и мечтать. Быстро нанизав рыбу на прут, он снова открыл дверку запруды и, прикрутив ее тонкой лозой, двинулся в обратный путь. Курт и Эвелина были на месте, дремали в тени обрыва на разостланных спасательных жилетах. Но при виде Дениса оба тотчас вскочили.

– О, рыба? Каков улов! – прищелкнул языком Курт. – И без всякой снасти? Вы молодец, Крымов, просто молодец! Или у вас припрятано что-нибудь там, как говорят у русских, «за пазухой?»

– Перестаньте, Курт! – нахмурилась Эвелина. – В самом деле, отличная рыба. Только как мы будем ее варить? Где возьмем посуду?

– Рыбу можно испечь в лопухах в золе, – сказал Денис – Главное – добыть огонь. Вот проблема! Курт, у вас в чемодане нет случайно зажигалки или спичек?

– Нет, таких вещей я не держу. Хотя вы, русские, и называете нас поджигателями...

– Да хватит вам, Курт! – всерьез рассердилась журналистка. – Сейчас это самое главное – огонь! Надо что-то придумать, м-р Крымов.

– Будем думать... Я вот прихватил кремешок по дороге. Попробуем высечь искры.

Денис взобрался на береговой уступ и, собрав немного сухой травы и мха, принялся бить по камню черенком ножа. Но все было тщетно. Искры сыпались неплохо. Однако ни мох, ни трава не загорались. Денис даже взмок от напряжения.

– Н-да, не просто вернуться в каменный век! – продолжал посмеиваться Курт. – Придется вам, милейшая Эвелина, грызть сырую рыбу. А там, чего доброго, и за нас приметесь.

– Вы просто несносны, Курт! М-р Крымов, попробуйте вот это, – она протянула смятый кусочек шерстяной ткани.

– А где вы это взяли?

– Нашла вот тут, в траве.

– Нашли тут?! Но ведь это обрывок одежды.

– Что ж такого!

– Значит, здесь есть или были люди.

– Бросьте фантазировать, м-р Крымов, – вмешался Курт. – Тряпку явно забросило приливом.

– В том-то и дело, что здесь почему-то нет приливов. Мы на острове уже полдня, а между тем уровень воды не поднимается и не опускается. Я теряюсь в догадках...

– Ну, не приливом, так прибоем, не прибоем, так ветром, какая разница. Факт тот, что остров необитаем. Я первым ступил на эту землю!

– Ну, первым, первым! Только не мешайте Крымову. М-р Крымов, попробуйте еще.

Денис направил искры на кусок тряпки, и – о, радость! – ткань задымилась.

– Ура-а! – захлопала в ладоши Эвелина. – Дуйте, дуйте, Крымов!

Денис осторожно раздул тлеющую тряпицу, и через минуту веселый огонек запрыгал по сухим травинкам.

– Ну, кажется, порядок, – разогнул спину Денис – Теперь вы, Эвелина, следите за огнем. А мы с Куртом пойдем наберем дров.

– Давайте лучше я буду смотреть за огнем, мне еще трудно ступить на ногу, – снова попросил Курт.

– Ладно, смотрите оба. Я живо. Сушняка-то вон сколько! Сейчас наедемся на славу.

Однако прошло еще не меньше получаса, прежде чем нагорело достаточно золы и Денис смог закопать в нее завернутую в лопухи рыбу. Осталось ждать, когда она пропечется.

– А что все-таки случилось на корабле? Как вы думаете, м-р Крымов? – сказала Эвелина, не спуская глаз с неоглядной морской глади.

– Трудно сказать, – пожал плечами Денис. – Такой силы взрыв на пассажирском судне...

– Чего трудно сказать? – перебил его Курт. – Магнитная мина! В последний момент перед тем, как вчера мне выбраться с корабля, я только и слышал: магнитная мина, магнитная мина. Один бывший вояка даже тип ее называл.

– Но позвольте, откуда мина в мирное время? – возразила журналистка.

– Откуда мина! Да этим добром мои доблестные соотечественники и не менее доблестные янки так наспиговали моря и океаны, что не один десяток лет будут еще вспыхивать фейерверки, вроде вчерашнего. Ведь магнитная мина, это что? Настроят ее, скажем, на двести импульсов, она точненько двести судов и пропустит. А вот двести первый – цап! – подтянет ее к днищу и – поминай как звали! Таким юбиляром и стал наш лайнер...

– Какой ужас! – не дала ему договорить Эвелина. – Неужели до сих пор нельзя выловить эти мины?

– Попробуй найди иголку в стоге сена! Они не на поверхности, а на глубине притаились.

– Но ведь сотни жертв!

– Кто ставит мины, на сотни и рассчитывают. И чем больше, тем лучше – логика войны!

– Будь они прокляты, эти войны! – воскликнула журналистка.

– Радости от них, конечно, немного, – согласился Курт. – Но ведь как-никак – главный двигатель прогресса.

– Ну, это ты брось, Курт! – подал голос Денис – Мало тебе было вчера испытать этот двигатель на собственной шкуре?

– Так я что? Я песчинка. А человечество без войн жить не может.

– Сможет, если все «песчинки», вроде нас с тобой, встанут против войны!

– Ты так думаешь? – в голосе немца послышалась насмешка. – И всерьез собираешься выступить в роли муравья против боевой колесницы?

– Да, если понадобится, – твердо ответил Денис.

– Не понимаю я тебя, Крымов. Человек ты вроде не глупый, а...

Но не успел Курт закончить, как со стороны океана послышался крик. Все повернули головы туда. Эвелина вскочила и сбежала к самой воде. Там, в нескольких метрах от берега, беспомощно покачивался на волнах небольшой резиновый плотик, на котором виднелась одинокая человеческая фигура.

– Ой, мальчики, смотрите! – вскинула руки журналистка. – Надо помочь ему. Скорее!

– Помочь?! С какой стати? Что в этом за необходимость? – пожал плечами Курт. – Парень на плоту. Почти у самого берега. Вы слишком нетерпеливы, Эвелина.

Денис прикинул расстояние до плота.

– Но плот сносит течением. Человек, видимо, выбился из сил, может проскочить мимо острова. Плыдем, Курт!

– Опять лезть в воду! Ради этого растяпы? Я удивляюсь тебе, Крымов. Нам с тобой, кажется, никто не помогал.

– Это не аргумент, Курт. Я понимаю, ты боишься за свою ногу. Но я сплаваю к нему. – Денис сбросил пиджак и брюки и кинулся навстречу плоту.

Через несколько минут новый несчастный, каким оказался двадцатидвухлетний студент-француз из Реймса Жан Пуатье, присоединился к остальным робинзонам. Юноша сильно ослаб, в больших темных глазах его еще метался ужас, но после нескольких глотков воды, принесенной Денисом, он оживился и принялся рассказывать о своих злоключениях, мало чем отличающихся от пережитых всеми остальными.

Между тем в воздухе запахло печеной рыбой. Курт вытащил одну из золы и, сняв пробу, аппетитно чмокнул губами.

– Ум-мм! Объедение! Господа, хватит вам о катастрофе. Что было, то прошло! Займемся более интересным делом.

Никто не заставил себя ждать. Через полчаса от рыбы осталось одно воспоминание.

И сразу навалилась дремота. Денис вытянулся тут же, у костра, и закрыл глаза. Но сквозь сон послышался голос журналистки:

– М-р Крымов. А м-р Крымов! Вы не спите? Что же все-таки может означать то, что здесь нет приливов и отливов? Хорошо это или плохо?

– Не знаю, мисс Эвелина, не знаю. Одно могу сказать, на всех обычных островах, лежащих в открытом океане, приливы должны быть.

– Как на всех обычных островах? А этот остров... Он чем-то необычен?

– Не то, чтобы необычен, но... Впрочем, надо еще посмотреть, подумать. А сейчас... я совсем засыпаю.

– Ну, спите, спите. Только что может быть здесь необычного? Не скрываете ли вы что-нибудь от нас?

Но Денис уже не слышал ее. Он словно провалился в глухой омут.

А когда проснулся, был почти вечер и тяжелые тучи, низко несущиеся над океаном, предвещали грозовую тревожную ночь. Он принялся расталкивать Курта и Жана.

– Вставайте, ребята! Скоро стемнеет. Надо хотьшалаши соорудить на ночь.

Но француз только стонал во сне. А Курт недовольно затряс головой.

– Шалаши? Это еще зачем? Можно прекрасно переспать и под открытым небом.

– Но для девушки-то надо сделать какое-нибудь укрытие.

– Делай, если ты такой рыцарь. Я спать хочу.

– А если дождь?

– Отстань, Крымов!

Денис понял, что ребят не поднять. А тучи все больше заволакивали небо. С моря подул резкий ветер. Стало заметно холоднее.

Он отыскал глазами Эвелину. Журналистка сидела чуть поодаль, уронив голову на сцепленные руки. На лице ее было написано отчаяние.

Денис подбросил дров в костер и, не теряя времени, начал нарезать ветки для шалаша. Однако ночь наступила слишком быстро. Едва он собрал небольшой шалашик для Эвелины, как стало совсем темно. Да и силы еще не восстановились полностью. Пришлось снова укладываться у костра.

Глава седьмая

Ночь прошла спокойно. Дождь, к счастью, так и не собрался, но к утру стало так холодно, что трудно было согреться даже у огня. Наконец поднялось солнце. Денис окончательно проснулся и оглянулся по сторонам. Жан еще спал, свернувшись калачиком, подложив руки под голову, как ребенок. Но Курта нигде не было. Куда он запропастился в такую рань?

– Курт! Ку-у-рт! – крикнул Денис.

– Ну, что там еще? – неожиданно раздалось из шалаша Эвелины, и заспанная физиономия немца высунулась из-под раздвинувшихся ветвей.

Денис нахмурился.

– Как ты туда попал?

– Но-но! Ты, кажется, уж бог знает что подумал? Просто замерз. Вот и решил воспользоваться укрытием. Мы с Эвелиной давние приятели. А вообще-то говоря, – Курт подошел к костру, понизил голос до шепота, – вообще-то говоря, я имею на нее виды. Так что, во избежание каких-либо недоразумений, ни ты, ни Жан... Ты понимаешь меня?

– Это что, ультиматум?

– Ультиматум? Ну что ты! Да ты, кажется, готов рассердиться на меня? Не хватало еще, чтобы мы поссорились из-за такой чепухи. Наплюй, приятель! Просто мы давно, как говорится, больше чем знакомы. Но если хочешь, я уступлю ее тебе. Пожалуйста!

– Перестань, Курт, я не привык говорить о женщинах в таком тоне.

– Не привык говорить в таком тоне! Ты идеалист, Крымов! Я понял это еще вчера, когда ты бросился на помощь к растяпе французику, а потом принялся создавать уют нашей крале. А я смотрю на жизнь проще. Проще и реалистичнее. Я знаю, что в ней чтутся только две вещи: деньги и сила. Вот, видел? – он показал на свои железные бицепсы. – Будь покоен, мне спасатели не потребуются. И женщин на мой век хватит. А ты...

– Прекратим этот разговор. Я сейчас пойду за рыбой, а вы с Жаном, когда он проснется, натаскаете дров. Пора подумать о завтраке.

– Это верно. Неплохо бы опять такой рыбки, как вчера.

Денис, не оглядываясь, зашагал к своей запруде. Нельзя сказать, чтобы его сильно задел наглый цинизм Курта. Иной философии он от него и не ждал. И все-таки неприятно, что журналистка была больше чем в приятельских отношениях с ним.

Ну, да черт с ними, с обоими! Что общего, в конце концов, у него с этими людьми? Еще день-два, от силы – неделя, и он расстанется с ними навсегда, вернется, если не на родину, то, по крайней мере, к людям своего круга, научным работникам, ученым.

Денис представил, как встретится со своими будущими коллегами-петрографами Пенсильванского университета, как будет работать в их лабораториях, слушать лекции ученых с мировым именем, заниматься со студентами-американцами, и – странное дело – в душе его не нашлось теперь и следов той панической робости, с какой он выехал недавно из Москвы. Катастрофа в океане, несколько дней, проведенных в обществе иностранцев, словно закалили его, заставили поверить в свои силы.

В душе, правда, не исчезала тревога за то, что уходят сроки, что администрация Пенсильванского университета или наше посольство могут аннулировать договор о стажировке или затребовать из Союза другого специалиста. Но время еще было. Только бы не засидеться здесь на этом острове, не опоздать к началу занятий в университет. И что так долго нет ни кораблей, ни самолетов? Как можно быть равнодушным к судьбам сотен людей? Вот она, хваленая американская гуманность! Денис поддел носком ботинка корягу, лежавшую у него на дороге, и сильно швырнул ее с обрыва. Но что это? Вынырнув из воды, коряга закружилась на месте, потом остановилась и медленно двинулась в сторону открытого океана. Денис отказывался верить глазам. Выждав с минуту, он метнул в воду трухлявый пенёк. Тот потянулся вслед за корягой. Он бросил палку. Она тоже поплыла прочь от берега.

Что за наваждение?! Он отлично помнил, что вчера течение шло здесь вдоль береговой кромки, в сторону залива с запрудой. Что же произошло с ним сегодня?

Полный недоумения, Денис вышел к заливу и снова присвистнул от удивления: воды в лагуне почти не было, она обмелела больше чем наполовину. Однако рыбы в ней оказалось не меньше, чем вчера, а плетеная дверка, которую он перед уходом отсюда поднял и закрепил прутиком, была опущена до предела вниз.

Это было, конечно, очень кстати: сейчас, по мелкой воде, рыба, пожалуй, и не пошла бы в залив. Но кто закрыл дверку? Или все произошло само собой, вода или ветер обломили прутик, и дверка опустилась под собственной тяжестью? Во всяком случае, никакого иного объяснения пока не придумаешь. Да и некогда было долго раздумывать: там, в лагере, его ждали. Зайдя в воду, Денис выловил несколько увесистых рыбин и принялся нанизывать их на кулан.

Между тем вода в лагуне постепенно устоялась, рябь погасла, и он увидел свое отчетливое, как в зеркале, отражение: в мятой рубашке, с всклокоченными волосами, со связкой рыбы через плечо – настоящий Робинзон.

Денис усмехнулся: «И это в конце двадцатого века! А впрочем...»

Но тут мысли его оборвались, сбитые одним совершенно непонятным происшествием: птицы, до того спокойно щебетавшие на деревьях вдоль залива, вдруг с шумом поднялись и скрылись за холмом. Кто спугнул их? Крупных хищников на острове быть не могло, для этого он слишком мал. Травоядных птицы обычно не боятся.

Что же потревожило их? Движимый любопытством, Денис нырнул в заросли и начал осторожно пробираться по склону холма. Но все кругом было как будто тихо. Он остановился, прислушался. И вдруг явственно услышал хруст треснувшей ветки. Кто-то был тут, рядом с ним! Денис бросился на хруст, поднялся метров

на сорок и тихо присвистнул, увидев почти на уровне своих глаз свежесломанный сучок. Кто мог сломать его на такой высоте? Никаких следов на земле видно не было. И ни малейшего звука не доносилось больше из чащи. Но сучок мог сломать лишь кто-то очень большой...

Идти дальше было страшновато. Не на шутку встревоженный, Денис вернулся обратно к заливу и, забрав рыбу, поспешил к костру.

«Надо все же осмотреть остров. Только всем вместе или, по крайней мере, с Куртом и Жалом. Что-то не нравится мне эта сломанная ветка,- думал он по пути к лагерю. – Придется вернуться сюда, прочесать весь холм. Может быть, даже сегодня после завтрака. Впереди целый день. А ребята, наверное, зубами шелкают от голода».

Однако не успели они кончить завтрак, как журналистка встала и начала к чему-то прислушиваться.

– Куда вы, мисс Эвелина? – остановил ее Курт. – Уверяю вас, по утрам в этом кафе музыки не бывает, а рыбка может исчезнуть в любой момент.

– Ах, что рыба, что музыка, когда находишься в обществе столь очаровательной спутницы... – начал галантный Жан, но Эвелина замахала на них руками.

– Да тише вы, тише! Слушайте!

Все замолчали, и Денис явственно услышал рокочущий звук, несущийся с океана. Он тоже поднялся.

– Кажется, вертолет...

– Да! Вон, вон! Смотрите! Это за нами! Нас ищут! – Эвелина сбежала к самой воде, вскочила на камень, замахала высоко поднятой рукой.

И в самом деле, далеко в океане, над самой чертой горизонта, показалась небольшая движущаяся точка.

– Сюда! Сюда! – закричала Эвелина, не переставая махать руками, словно там, в вертолете, могли ее услышать.

Однако прошла секунда, другая, и вертолет растаял в туманном мареве.

Теперь все четверо столпились у воды, жадно вглядываясь в далекий горизонт. Казалось, прошла вечность. Но вот снова послышался рокот, правда, чуть слышный, снова на миг мелькнула темная точка. И снова все смолкло.

Время для всех остановилось. Тишина сделалась невыносимой. Денис поднялся на обрыв, до боли в глазах всматриваясь в голубое небо.

– Ну, почему они не летят сюда? Почему ищут нас совсем в другом месте? – восклицала Эвелина, чуть не плача.

– Да, непонятно... – взъерошил волосы Денис.

– Но почему мы-то стоим? Надо что-то делать! М-р Крымов, может, костер разжечь посильнее?

– Просто надо навалить в него зеленых ветвей. Только слишком они далеко, спасатели...

Однако журналистка уже вскочила на обрыв, принялась лихорадочно обламывать ветки с деревьев.

– Не так, не так! Вы руки пораните. Идите сюда. Я буду резать их ножом, а вы носите в костер.

Через несколько минут в небо поднялся высокий столб густого черного дыма. Но горизонт был по-прежнему пуст. И больше ни звука не доносилось до измученных ожиданием людей.

Эвелина в отчаянии опустилась на землю.

– Да что же они! Корабль потонул неподалеку отсюда, а они ищут бог знает где.

– Но они не знают точно, где затонул теплоход,- возразил Денис.- Придется обождать. Прилетят и сюда.

Все молча уселись у костра. Солнце давно перевалило зенит, а вертолет больше не показывался.

Незаметно подкрался вечер. Денис натаскал побольше дров, не спал почти всю ночь, стараясь поддерживать пламя поярче. Но все было тщетно. Ни звука не нарушило ночной тишины.

Следующий день не принес ничего нового. В полдень, правда, опять послышался какой-то неясный звук. Но то мог быть и отдаленный раскат грома. Горизонт был теперь затянут тучами.

К вечеру все потеряли последние надежды. Журналистка беззвучно плакала, уронив голову на колени, Курт и Жан ссорились по любому пустяку.

Денис снова и снова ломал голову над тем, почему поисковые вертолеты так и не долетели до острова. Поиски велись почему-то совсем в другой части океана, словно в ту злополучную ночь и следующее утро все они, жертвы катастрофы, покрыли расстояние во многие десятки километров.

Глава восьмая

Прошло еще три дня. Исполнилась ровно неделя со дня гибели корабля – срок, по мнению Дениса, больше чем достаточный, чтобы прекратить любые спасательные работы. Что явилось причиной того, что спасатели так и не появились в районе острова, продолжало оставаться загадкой для всех. Но что толку было теперь разгадывать эту шараду! Важнее подумать над тем, как лучше устроиться на острове и что сделать, чтобы поскорее выбраться отсюда. А для этого нужно прежде всего осмотреть сам остров. Сегодня же, сразу после завтрака.

Однако, когда Денис пришел с рыбалки в лагерь, то увидел, что костер еле теплится, Жан с лицом, перемазанным сажей, тщетно старается раздуть огонь в толстых сырых сучьях, а Курт с Эвелиной валяются на своих жилетах, рассматривая бумаги немца.

Денис сбросил с плеч рыбу, склонился над костром.

– Что, не получается, Жан? Так разве это дрова! Откуда вы такого сырья натащили?

– Натащили! – Жан бросил негодующий взгляд на Курта. – Думаешь, этот миллионер принес хоть одну палку? Он пальчики боится занозить.

– К чему столько слов, столько эмоций? – лениво протянул Курт, не поворачивая головы.

– Я уже сказал, в каждом приличном обществе должно быть какое-то распределение обязанностей. В самом деле, м-р Крымов, у меня есть вполне деловое предложение, – немец бережно уложил бумаги в чемодан, тщательно запер его на оба замка, подошел к костру. – Давайте начистоту. Вы славные ребята, особенно ты, Крымов. У тебя золотые руки. Я никогда не смог бы так быстро наловить рыбы или поставить шалаш. Просто меня никогда не приучали к такого рода делам. Я вообще не умею работать. Но у меня есть деньги, много денег. Так пусть будет каждому свое. Вы с Жаном займетесь хозяйственными делами, а я заплачу вам. Хорошо заплачу. И за себя и за мисс Эвелину. Идет?

Денис переглянулся с Жаном. Сначала он принял все за шутку. Однако немец, похоже, не шутил.

– Ну, что же вы молчите? Не верите? Хотите, чтобы я доказал? Вот! – он раскрыл чемодан и выхватил из него чековую книжку. – Я сейчас выпишу вам чек. На пятьсот долларов! Что, неплохой аванс? Держите! И знайте, что это лишь для начала. Только, надеюсь, вы не будете все время глушить нас этой рыбой. На острове полно птиц да, верно, и другой живности. Мы не откажемся и от дичи. Верно, мисс Хинтон?

– Ну, зачем так, Курт?

– А как же иначе? Мы говорим, как деловые мужчины. Без всяких сантиментов. Крымов и Пуатье не так глупы, чтобы терять время, когда можно хорошо заработать, а я не настолько беден, чтобы менять свои привычки даже здесь, на этом острове. С таким чемоданчиком, как мой, можно позволить себе и не такие прихоти. Ну, по рукам, ребята?

Денис даже растерялся от такой наглости. А Жан так и взвился при последних словах немца.

– Что?! Что ты сказал? Быть нам твоими слугами? Ах ты, проклятый бош! Мало мы вас били в войну!

Курт презрительно усмехнулся.

– Это ты, что ли, бил? Может, тебе и сдачу получить не терпится?

– Не пугай! А деньги твои – вот! – Жан разорвал чек в клочья и бросил в костер. Немец побагровел.

– Ты... Ты изорвал мои деньги! Да знаешь ли ты...

– Скажи спасибо, господин банкир, что цела твоя физиономия.

– Ах так!- немец чуть пригнулся и коротким сильным ударом сбил Жана с ног. – Хватит или еще добавить? – Курт бросился на распростертого в траве француза. Но Денис схватил его за руку.

– Ну-ка кончай!

Немец обратил к нему перекошенное злобой лицо.

– Не ввязывайся, Крымов, таких надо учить!

– Учить надо таких, как ты! – снова подскочил к нему Жан. – Думаешь, если у тебя много денег, так тебе все дозволено. Ты и хозяином острова, я слышал, успел заделаться, и на мисс Эвелину смотришь, как на свою собственность, и м-р Крымов должен быть у тебя на побегушках, я же вообще по-твоему не человек. А мне плевать на тебя! Плевать!

– Так тебе мало?! – немец снова пригнулся, глаза его горели бешенством.

Но Жан ловко увернулся от удара и отбежал в сторону.

Тогда Курт обернулся к Денису.

– Ну, а ты что молчишь, Крымов? Или я для тебя тоже грязный бош?

– А я много говорить не люблю, – ответил Денис глухим голосом. – Но если ты еще раз сунешься со своими предложениями, то...

– Что то? Договаривай, Крымов! – немец снова сжал кулаки, пригнулся, как для прыжка. – Что то?! Или ты забыл, чей это остров, кто открыл его, по чьей милости вы спасаете тут свои шкуры?

– Вот как!

– Остров мой. И либо вы с этим крикуном французом уберетесь отсюда ко всем чертям, либо будете делать то, что я хочу. Просто так. Без денег! У меня хватит сил справиться с вами обоими. Ну?! – немец подступил к нему вплотную, глаза его горели ненавистью, на щеках вздулись желваки.

Денис понял, что настал момент, когда отступать нельзя ни при каких обстоятельствах. К тому же в глазах немца было столько животной ярости, что всякие дальнейшие разговоры были бессмысленными. Он коротко размахнулся и сильным ударом сбил немца с ног.

– Вот тебе мой ответ!

Но Курт мгновенно вскочил, и через секунду оба они повалились на землю. Денис был выше своего противника. Но тот отличался большей силой и, видимо, знал специальные приемы. Не прошло и двух минут, как он подмял Дениса под себя и вцепился обеими руками ему в горло.

– Ну, будешь на меня работать, красная скотина? Денис дернулся. Однако железные пальцы немца вцепились еще сильнее. Денис почувствовал, что начинает задыхаться. И не было никакой возможности вырваться из мертвой хватки врага. Эвелина лишь оглашала воздух пронзительными воплями, а Жан бестолково метался между ней и дерущимися.

– Будете работать, будете?! – хрипел Курт иступленным голосом. – Здесь вам не Москва. Здесь часть Германии, и я отыграюсь на тебе за все беды, какие вы, русские, принесли нам. Я...

Вдруг острый камень просвистел в воздухе и ударил немца в голову. Пальцы его сразу разжались. Лицо покрылось мертвенной бледностью. В волосах показалась струйка крови. Денис с трудом поднялся.

– Спасибо, Эвелина! Ведь еще бы минута и...

– За что спасибо? Ой, кровь! Что с ним?

– Как, разве не вы бросили этот камень?- удивился Денис, поднимая кусок обсидиана.

– Я бросила камень?! Как вы можете...

– Не понимаю... Но все равно. Надо помочь ему. Смочите скорее водой какую-нибудь тряпку.

Но Курт уже открыл глаза, медленно, пошатываясь, встал:

– Ну, что же... Ваша взяла. Пока... Но мы еще посмотрим, кто кого.

– Это мы посмотрим. Мы! Все трое! Верно, мисс Эвелина? – сказал Жан. – А ты делай, что говорит м-р Крымов.

– Замолчи ты!- прикрикнул немец. А то...

Но к ним подскочила Эвелина.

– Ну, мальчики, не ссорьтесь, пожалуйста! Какможно драться в таком положении, как у нас. Помиритесь, мальчики! Прошу вас. Курт! Жан! М-р Крымов!

Денис пересилил себя.

– Ладно, я готов. Только, повторяю, здесь не будет ни господ, ни рабов. Все мы друзья по несчастью.

– Нашел друзей! – процедил Курт сквозь зубы.

– Ну, Курт, умоляю вас! – Эвелина схватила его за руку.

– Только ради вас, Эвелина. Так и быть, наберу я

этих проклятых дров. Но, говорят вам, ничего другого я просто не умею делать.

– Хорошо,- окончательно остыл Денис- Рыбалкой и охотой я займусь сам. Но дрова, костер и все прочие дела по лагерю берите на себя вы, все без исключения.

– Согласны, м-р Крымов! – ответила за всех журналистка. – Согласны!

– Тогда давайте сейчас за сушняком, а я займусь рыбой.

Немец и француз сейчас же разошлись в разные стороны, а журналистка задержалась у костра.

– М-р Крымов, одну минутку. Или я не совсем поняла вас, или... Вы полагаете, что этот камень...

– Да не принимайте все так близко к сердцу, мисс Эвелина. Видите, все обошлось вполне благополучно. А если бы не ваш камень...

– Но я не бросала никакого камня!

– Как не бросали?

– Уверяю вас! Видно, это Жан как-то изловчился...

– Но камень прилетел с вашей стороны, я видел.

– Нет-нет, вы ошибаетесь, поверьте мне!

– Я вам верю, но...

– Да спросите у Жана наконец! – журналистка обиженно передернула плечами и отошла от костра.

Денис поднял с земли камень, повертел его в руках. То был небольшой кусок обсидиана со свежим блестящим сколом. Но не это было главное. Главное заключалось в том, что никаких выходов обсидиана поблизости не было и, следовательно, камень мог быть принесен только откуда-то издалека...

Глава девятая

Завтрак прошел в молчании. Все сидели, не поднимая глаз друг на друга. А как только рыба была съедена, Денис предложил:

– Ну, может, пойдем познакомимся, наконец, с нашим островом поближе? Давайте для начала обойдем его вдоль береговой линии. Все согласны?

– Конечно! – вскочил с места Жан.

Но Курт лишь поудобнее улегся на траве.

– Успеется, – протянул он нехотя.

– А вы, мисс Эвелина, пойдете, конечно, с нами? – продолжал француз, стараясь заглянуть в глаза журналистке.

– Нет, у меня тоже нет ни малейшего желания лазить по этим зарослям,- ответила американка, рассматривая свежую царапину на колене.

– Но вы будете не одна, – настаивал Жан.

– Даже с таким галантным кавалером, как вы, м-р Пуатье. Это ведь не Елисейские поля. Да и вы далеко не Тарзан.

– Конечно, мисс Эвелина, конечно. Но вы не смотрите, что я такой щуплый на вид. Там, у себя в колледже, я много занимался спортом.

– Греблей или боксом? – не преминула съязвить журналистка.

– Нет, я бегун. Бег на короткие дистанции.

– Понятно. Но здесь это едва ли вам поможет.

– И все-таки я советовал бы пойти с нами, мисс Эвелина. Согласитесь, эти живописные холмы и белые скалы...

– Боже, как мне все это надоело!

– Вам, журналистке? – искренне удивился Жан. – Но ведь если потом все это описать...

– Я не собираюсь конкурировать с Дефо, – сухо отрезала Эвелина.

– Нашли о чем спорить! – прервал их Денис. – Для того чтобы что-то написать, надо суметь хотя бы выжить. А для этого нужно по крайней мере знать, куда мы попали.

– И что вам даст это знание? – спросила журналистка.

– Знание может и ничего не дать. А вот за незнание обычно приходится расплачиваться. Кто скажет, что там, за этой стеной леса? И что нас ждет завтра, послезавтра, через неделю?

– А я не хочу, слышите, не хочу прожить здесь еще и один день. Боже, неужели нас так и не найдут!

Денис пожал плечами.

– Пошли, Жан.

– Но если мисс Эвелина не хочет... Спешить нам, действительно, некуда. И лучше всем вместе...

Денис покачал головой.

– Нет, я бы очень хотел пойти с вами, но...- Жан перевел глаза с Эвелины на Курта и обратно.

Денис махнул рукой.

– Ладно, смотрите за костром, а я все-таки обойду остров, может, найду хоть ручеек какой-нибудь. Это же не вода, которую мы пьем. День-два – и она пересохнет. Да возможно еще кто-нибудь из пассажиров так же бедствует где-нибудь на берегу. Соберемся все вместе, все-таки будет легче.

– Это почему?- подал голос Курт.

– Трудно сказать, что нас ждет, лишние руки не помешают.

– Нет, этот Крымов положительно собрался здесь зимовать!- воскликнула Эвелина с раздражением.

– Я очень хотел бы ошибиться, мисс Хинтон, но... Лучше рассчитывать на худшее.- Денис выбрал из кучи хвороста палку с тяжелым комельком и скорым шагом двинулся по-над берегом к своей запруде. Он надеялся еще до обеда вернуться в лагерь, но не успел пройти и нескольких шагов, как его догнал Жан.

– М-р Крымов, постойте! Я с удовольствием пошел бы с вами, но оставить девушку наедине с этим негодяем... Вы видели, как он смотрит на нее. А она, мне кажется... Словом, вы поймете меня.

– Я понимаю. Но сейчас, когда мы одни... Скажи, кто бросил камень в немца?

– Как кто? Она, мисс Эвелина. Вы же видели!

– Я видел только, что камень прилетел с той стороны, где стояла Эвелина. Да и в этом не вполне уверен.

– Как не вполне уверены? Кто же мог бросить, кроме нее? Да это такая девушка, м-р Крымов! Я ради нее...

– Постой, Жан. Я не собираюсь с тобой спорить, но Курт, кажется, уверен, что камнем ударил его ты.

– Дурак он, этот колбасник! Впрочем, если ему так кажется... Но я-то знаю, что камень в него бросила мисс Эвелина. И это такое счастье, м-р Крымов!

– Ладно, пусть будет так. Но ты слышал, Эвелина отрицает, что бросала камень. У нее какие-то свои соображения.

– Ну, ясно, м-р Крымов. Зачем навлекать ярость такого громилы? Пусть думает, что это сделал я. И вы ему так скажите. Я! Я это сделал, м-р Крымов! – довольно рассмеялся француз. – А теперь прощайте, побегу, а то мало ли что там может быть.

Денис пошел вдоль берега. Странные люди! Что за ребяческая беспечность! Как можно так вот сидеть, хныкать, спорить по пустякам, когда впереди одна неизвестность. Конечно, не исключено, что их и найдут здесь. Но за это время может произойти что угодно. Может иссякнуть вода, может обмелеть заливчик и перестать ловиться рыба, может обрушиться на остров тайфун или разыгаться такой шторм, что первой же волной их снесет с этого пятачка пляжа. А эта сломанная кем-то ветка! И невесть откуда взявшийся камень! Жан его, конечно, не бросал. Но Эвелина, кажется, вполне искренне отказывается. Значит, на острове есть люди? Но кто они, друзья или враги? Что можно ждать от них? И почему они скрываются, не выйдут им навстречу? А если это каким-то чудом сохранившиеся дикари?

При одной мысли об этом Денис замедлил шаг и начал пристальнее всматриваться в прибрежные кусты. Так он добрался до своей запруды, перебрался через залив и остановился у большого камня, над которым, как он помнил, вспорхнули в то первое утро потревоженные кем-то птицы. Он прислушался. Птиц сейчас не было. И ничто, кроме шороха прибоя, не нарушало тишины леса.

Постояв с минуту, Денис решил снова подняться вверх по склону холма, как вдруг прямо над головой его что-то хрустнуло, и знакомая рыжая обезьянка закачалась на верхушке соседнего дерева.

Так вот кто ломает здесь ветки! У Дениса словно гора свалилась с плеч. Ясно, что тот сук сломала она же, эта рыжеволосая шалунья! Она же, по-видимому, спугнула птиц, а еще раньше опустила крышку в запруде, подсмотрев, как это делает Денис. Словом, все объяснялось самым простым, самым естественным образом. Все, кроме камня. Но камень был, видимо, брошен все-таки журналисткой. Что удивительного, что она боится в этом признаться.

У Дениса вмиг пропали все страхи. Теперь можно было пойти дальше, попробовать обогнуть остров кругом.

Итак, в путь! Денис присвистнул не спускавшей с него глаз обезьянке и, перебравшись через небольшую скалу, вышел на узкую каменистую терраску, тянущуюся до самой северной оконечности острова, которая вдавалась далеко в океан в виде длинного узкого мыса. Этот низкий, с горбинкой на конце мысок, напоминающий чуть всплывшего крокодила, Денис заметил еще в то первое утро, когда они с Эвелиной только приближались к острову, и тогда же определил по солнцу, что он смотрит прямо на север. Теперь оставалось обогнуть мысок и посмотреть, что скрывается за ним, на противоположной восточной стороне острова.

Денис прибавил шаг. Утро было прекрасным. Ветер почти стих, и нежаркое еще солнце приятно пригревало плечи и спину. Внизу, под обрывом, носились в воде стаи вертких рыб, медленно проплывали огромные молочно-фиолетовые медузы, а выше, в пронизанной светом листве на все голоса распевали птицы, которых здесь было, видимо, великое множество.

Однако все это едва доходило до сознания Дениса. Мысли его неотступно вертелись вокруг утреннего происшествия у костра. Он понимал, что примирение с Куртом было временным, что тот затаил лютую злобу на них с Жаном и надо быть с ним крайне осторожным.

А Эвелина? Почему она не призналась, что бросила в Курта камень? Побоялась его мести или раскаялась уже в своем поступке? Во всяком случае, понять логику ее действий было несравненно труднее. Ясно было одно – пока она как будто не отдает предпочтения ни одному из них. Пока...

Он обернулся назад и невольно прикрыл глаза от нестерпимо яркого солнца. Оно поднялось уже довольно высоко, и все вокруг словно плавилось в его лучах. И тут мозг Дениса пронзила неожиданная мысль: почему солнце светит ему в спину?

Да, почему сейчас, в начале дня, оно стоит над южной оконечностью острова и даже чуть западнее, а не на востоке, где ему положено быть? Или он ошибся тем утром? Нет, он отлично помнил, что все время, пока они с Эвелиной, напрягая последние силы, старались достичь этой полоски земли, вытянутой по оси Крокодилова мыса, солнце не переставало бить им в глаза. Потому он и решил, что мыс смотрит на север. Что же произошло сегодня? Почему теперь остров вытянулся с востока на запад?

При всем старании Денис не мог придумать ни одного мало-мальски сносного объяснения. Можно было, конечно, допустить, что сам Денис, измученный бессонной ночью, борьбой с океаном потерял тогда всякую способность ориентироваться. Мало ли подобных случаев известно в истории кораблекрушений. И все-таки...

Но вот и мысок. Узкий, длинный, с небольшим холмиком на конце, он и здесь, вблизи, напоминал дремлющего крокодила. Берега у него круто обрывались в океан. Лес подступал почти к самой воде. Нечего было и думать идти дальше вдоль береговой кромки. Проще было пересечь мысок напрямик.

Так Денис и сделал. И, продравшись сквозь густые заросли, сплошь покрывавшие «спину крокодила», вышел к широкой бухте, правильный полукруг которой плавно изгибал береговую линию острова почти на девяносто градусов. Дальше берег тянулся почти прямо. И метров через триста-четырееста заканчивался высокой скалой с почти голой вершиной.

«Вот нам и смотровая площадка, – решил Денис, оценивая высоту этого естественного наблюдательного пункта. – Метров семьдесят, если не больше! Ни один здешний холм не имеет такой высоты. Там и валежника надо будет запастись на всякий случай. А здесь, в бухте – причал. Вон там, на пляже, любую шлюпку можно принять. Словом, лучшего места для базы не придумаешь. Далековато, правда, от рыбной заруды. Но ведь главное – выбраться отсюда».

Денис обогнул бухту, спустился на пляж. Пляж был просторным и таким ровным и чистым, будто песок на нем просеяли сквозь сито. Но не это больше всего поразило Дениса. Больше всего его поразило то, что из глубины острова, со стороны леса, на пляж спускалась тропинка. И хотя тропинка эта давным-давно поросла травой и по ней, по крайней мере, в этом году, видимо, еще никто не ходил, тем не менее это была несомненно тропинка и, следовательно, на острове когда-то жили или бывали люди.

Но если так, в лесу, откуда идет тропинка, должны быть остатки какого-то поселения или хижины.

Движимый любопытством, Денис направился по тропинке вверх и, поднявшись метров на сорок, вышел на поляну, где, в самом деле, были следы пребывания людей: пни, явно оставшиеся после пилы или топора, черепки разбитой посуды, обрывки полиэтиленовой упаковки, а в дальней части поляны, на небольшом пригорке, громоздилась даже куча полуистлевших досок и брусьев, бывших когда-то деревянным строением.

Да, здесь несомненно жили люди. Но сколько времени прошло с тех пор, если все, к чему прикасался Денис, мгновенно рассыпалось в труху, а сквозь щели досок и брусьев, еще хранивших следы масляной краски, проросли даже невысокие, в полметра дерева!

Обойдя еще раз поляну и окончательно убедившись, что люди не были здесь давно, Денис вернулся к развалинам хижины, чтобы покопаться в груде мусора, оставленного ее обитателями, и скоро откопал несколько бутылок из-под кока-колы, с десятков перламутровых пуговиц и пряжек, осколок зеркала, зубную щетку, дамскую серьгу,

помятую оправу от очков, пластмассовый корпус авторучки, обломок мужской запонки, несколько металлических монет и даже бумажник с полуистлевшими денежными купюрами.

Нетрудно было догадаться, что хижина принадлежала не рыбакам и не охотникам. По всей видимости, здесь жили достаточно культурные люди, мужчины и женщины. Скорее всего это были ученые-океанологи, высадившиеся для проведения каких-то научных наблюдений, или богатые туристы – искатели приключений. Ими, очевидно, и был построен легкий деревянный домик, рассчитанный на одно-два лета. Непонятно было только, почему, уезжая отсюда, они не взяли самое ценное – деньги?

Впрочем, сейчас Дениса больше интересовала чисто практическая сторона находки: что из найденных вещей можно было бы использовать с пользой для дела. К сожалению, из всех обнаруженных предметов могли найти применение лишь бутылки из-под кока-колы.

Придя к столь неутешительному выводу, Денис вернулся на берег океана и двинулся к возвышавшейся над ним скале. Скала оказалась, действительно, высокой, выше, чем он предполагал. Но забраться на нее не составило особого труда, поскольку вулканический туф, слагающий ее сверху донизу, местами сильно разрушился, образовав причудливые карнизы и гребни.

Не прошло и четверти часа, как Денис был на вершине, господствующей, как он и считал, над всеми холмами острова. Холмов таких было десятка полтора. Но только три из них поднимались на значительную высоту и так же, как этот, блестели голыми вершинами. Остальные больше походили на ископаемые дюны, широкие, плавно-пологие, поросшие лесом. Сплошной ковер леса выстилал и долины меж холмами, отчего весь остров напоминал большую зеленую клумбу. Впрочем, форма этой «клумбы» была довольно своеобразной; остров оказался вовсе не вытянутым в одном направлении, как считал Денис, а напоминал огромную греческую букву «со», с сильно утолщенной нижней частью.

С обеих сторон этой зеленой «омеги», подобно клешням фантастического краба, выдвинулись в океан два мыса: слева узкий и длинный Крокодилов мыс, справа – значительно более короткий, напоминающий голову кита и тут же названный Денисом Китовым мысом. В центре же «омеги», разделяя две аккуратные бухточки, горбился лесистыми дюнами еще один мыс, напоминающий массивную булаву, в конце которой и высилась скала, где стоял сейчас Денис, обозревая окрестности.

Лучшей смотровой площадки трудно было придумать. Со скалы отлично просматривался не только весь остров, но и вся линия горизонта. Дым костра, зажженного на такой высоте, был бы виден с любой точки обозримого пространства. Только как поддерживать здесь огонь? Верхняя часть скалы была открыта для всех ветров. Даже сейчас, в теплое солнечное утро, ветер, дующий со стороны Крокодилова мыса, пронизывал до костей.

Денис прошелся по узкой, ровной, как стол, поверхности вершины, спустился в небольшую седловинку с заветренной стороны. Однако холод пробирал и здесь. Он вернулся наверх.

«Придется соорудить тут укрытие и держать наготове запас дров, чтобы поджечь в нужный момент. Площадку же для постоянного костра лучше сделать под скалой, рядом с шалашами для жилья. Там вон, совсем рядом и вода, и валежника. хоть пруд пруди. Словом, пора переносить лагерь сюда. Лучшего места не найдешь на всем острове. Жаль только, что народ подобрался недружный».

Денис в последний раз окинул взглядом горизонт и собрался уже спускаться со скалы, как внимание его привлек небольшой серый холмик под ногами. То несомненно была слежавшаяся зола давнишнего костра. Вот и кусочки угля, вбитые дождем в туф. И полубогорелые обломки веток. Значит, люди, жившие на берегу Круглой бухты, были такими же жертвами кораблекрушения, как и они? По-видимому, так. Или уже здесь, на острове, с ними произошло какое-то несчастье. Иначе зачем разводить огонь на такой высоте? Ясно, что они сигнализировали таким образом проходящим судам.

И скала уже послужила им наблюдательной башней.

«А вот и еще одно подтверждение этому!»- Денис нагнулся к небольшой расселине, где заметил что-то блеснувшее в ноздреватом туфе, и извлек старый, позеленевший от времени бинокль.

«Все ясно! Людям, увидевшим идущее к ним на помощь судно, было уже не до бинокля. И не до денег. И вообще – ни до чего на свете!» Денис живо представил себе, как много лет назад, может быть, в такое же солнечное утро, другой человек, худой, изможденный, заросший бородой, до того яростно раздувавшей костер и с безумной надеждой всматривавшийся в приближающийся корабль, вдруг радостно вскрикнул, бросил в сторону бинокль и, размахивая руками, продолжая громко кричать, помчался вниз со скалы к бухте, где ждали его товарищи и куда входила, наверное, уже посланная с корабля шлюпка.

Настроение Дениса сразу поднялось. Найденный бинокль воспринимался как эстафетная палочка, переданная теми, кто уплыл отсюда, им четверым, ожидавшим теперь такого избавления. Да и сам бинокль был очень-очень кстати. Несмотря на всю внешнюю непривлекательность, он оказался вполне исправным и мог помочь увидеть даже очень далеко идущее судно, не говоря уже о том, что упрощалась проблема получения огня, потому что линзы бинокля были отличными зажигательными стеклами. Пока же Денис с удвоенным вниманием принялся рассматривать поверхность острова.

Впрочем, бинокль мало что прибавил к уже увиденному: слишком густыми были лесные заросли. Единственное, что привлекло внимание Дениса, был небольшой сильно обнаженный подковообразный бугор, резко выделяющийся на фоне яркой зелени лощины неподалеку от той поляны, где он нашел обломки деревянной хижины. Отсюда, сверху, было видно, что тропа, которая вела от пляжа к поляне, продолжалась и дальше, к этому бугру. Но какое это могло иметь значение, если по ней давным-давно никто не ходил...

Оглядев еще раз горизонт и убедившись, что океан по-прежнему пуст, Денис спустился со скалы и, спрятав бинокль в укромное место, двинулся дальше в обход острова. Теперь он шел по берегу второй бухты, широкой и, наверное, очень неглубокой, потому что даже вдали от береговой линии на поверхности ее кое-где плескались буровато-зеленые космы водорослей и темнели пятна мидиевых банок. Как непохоже это было на кристально чистую иссиня-бирюзовую гладь соседней бухты! Иными здесь были и берега. Низкие и пологие, с часто встречающимися болотцами и мочажинками, они поросли густым кустарником и высокой, в рост человека, травой. Но странное дело! Здесь, как и на всем острове, в океан не впадало ни одной речушки, ни одного ручейка. Что за удивительная земля!

Денис обогнул бухту и вышел к Китовому мысу. Здесь берега опять поднялись, стало суше, снова потянулся густой лес. Он простирался, должно быть, до самого конца острова, но казался вполне проходимым, и Денис решил пересечь мыс напрямик, тем более, что времени прошло уже много, пора было возвращаться к лагерю.

Заметив положение солнца, Денис свернул в чащу и самым скорым шагом направился к противоположному берегу океана. Но не прошел он и нескольких десятков метров, как столкнулся с одним чрезвычайно настораживающим обстоятельством: трава на его пути кое-где была заметно примята, словно здесь уже кто-то проходил.

Денис остановился. Обезьяны так сделать не могли. Эвелина или Жан с Куртом сюда, конечно, не забредали. Неужели на острове есть все-таки крупные животные? А почему бы и не быть? Травы кругом больше чем достаточно. Денис нагнулся к земле, надеясь увидеть следы копыт. Но никаких следов заметно не было. Значит, хищник?

Встревоженный таким предположением, Денис хотел уже снова отступить к берегу океана. Но в это время прямо у него из-под ног поднялось с десятков больших птиц. Денис раздвинул траву и увидел, что прямо на земле уютно расположилось несколько искусно сплетенных гнезд, в каждом из которых лежало по пять-шесть крупных голубоватых яиц. Вот это удача!

Денис стянул с себя рубаху, и связав ворот с рукавами, начал наполнять ее яйцами, оставляя в каждом гнезде одно-два яичка, чтобы не очень обидеть птиц. Впрочем, скоро оказалось, что он мог быть и более щедрым: гнезда попадались на каждом шагу. Не прошло

и получаса, а яиц набралось столько, что они уже еле умещались в его импровизированной кошелке. Довольный удачей, Денис поспешил к своим спутникам, забыв и думать о только что пережитых страхах. Весело насвистывая, он вышел уже почти к берегу океана, когда порыв ветра, дующего со стороны Крокодилова мыса, мягко прошелестел у него над головой листвой буков и донес запах цветущего жасмина.

Денис даже остановился от неожиданности: цветы жасмина здесь, на диком безлюдном острове? Или тут что-то другое имеет такой запах? Стриг посмотреть!

Он свернул в сторону, перебрался через небольшой пригорок, поросший орешником, и вышел на обширную поляну, белую от огромной массы цветов.

Да, это был жасмин. Точно такой, как дома, в университетском парке. Только здесь его было так много и цвел он так буйно, что, казалось, вся поляна вскипела желто-белой пеной. Трудно было не залюбоваться столь роскошным, невесть как возникшим цветником. Денис подошел вплотную к зарослям, решив сломить две-три веточки для Эвелины, и пригнул уже один из кустов, да так и застыл с протянутой рукой: кто-то уже опередил его, несколько веток жасмина было срезано. Срезано недавно. Срезано ножом!

В это было трудно поверить. Но это было так. Денис еще и еще раз осмотрел едва подсохшие пенечки обезглавленных стеблей, тщательно обследовал каждый комель, каждый срез – сомнений не оставалось: ветки были срезаны ножом или чем-то другим, достаточно острым, что могло быть только в руках человека.

Значит... Значит, на острове живут люди. Но кто они? Сколько их? И что от них Можно ждать, помощи или враждебных действий? Во всяком случае, надо быть осторожным. И не пугать, пожалуй, раньше времени этой новостью ни ребят, ни Эвелину.

Он внимательно прислушался и торопливо, все время оглядываясь, начал спускаться к океану.

Глава десятая

Спутников своих Денис нашел на прежнем месте, у костра. Курт лежал на разостланном жилете, положив под голову заветный чемодан, Эвелина сидела на куче валежника, прижав руки к вискам, не сводя глаз с тлеющих углей. При появлении Дениса оба не проронили ни слова.

– Ну, что приуныли, робинзоны? Смотрите, что у нас сегодня к обеду!- сказал Денис, распуская свою «кошелку».

Курт тотчас поднял голову.

– О, яички! Превосходно! Хотя лучше, если бы сами птички пожаловали сюда. А, Эвелина?

Та по-прежнему сидела, не двигаясь, совершенно безучастная ко всему происходящему.

– А где Жан? – спросил Денис, оглядев пляж и не увидев француза.

Журналистка бросила быстрый взгляд на Курта. Но тот, как ни в чем не бывало, продолжал дегустировать яйца.

– Придет! Остудит немного кровь и явится, – он ловко расколол очередное яйцо и отправил его содержимое в рот.- Гм... Очень, очень не дурно. Рекомендую, мисс Эвелина. Журналистка продолжала молчать. Денис подсел к ней.

– Снова была потасовка? – тихо спросил он.

Эвелина махнула рукой и отвернулась.

Через некоторое время из леса вышел Жан и, ни на кого не глядя, сел поодаль от костра. Верхняя губа у него была рассечена, под глазом набух синяк.

Все было ясно без слов. Денис счел за лучшее ни о чем не расспрашивать.

– Так вот, я обошел весь остров, – сказал он, разгребая золу и укладывая яйца в костер. – Остров, как я и думал, небольшой. Однако центральная часть его почти непроходима: всюду сплошные заросли. Никаких следов других пассажиров лайнера я не нашел, так что рассчитывать мы можем только на самих себя. Проточной воды здесь почему-то нет, на всем протяжении береговой линии в океан не впадает ни одного ручейка. Но на противоположной стороне острова есть приличное озерцо, которое, по-видимому, не пересыхает. Там же, почти над самым озерцом, – высокая скала. Я взбирался на нее – лучшей смотровой площадки не придумаешь: весь океан как на ладони. И любой сигнал, поданный оттуда, просто невозможно будет не заметить. Но придется, конечно, поработать. Слишком высока скала, и слишком трудно будет там поддерживать огонь. Ну да ведь нас четверо. Кто наверху, кто внизу. А у подножия скалы я присмотрел удобную площадку: и место высокое, и никакой ветер не страшен: с одной стороны лес, с другой – скала. Устроим под скалой хорошую базу...

– Какую еще базу? – нервно перебила журналистка. – Неужели нам в самом деле придется провести здесь полжизни!

– Полжизни не полжизни, но ведь и две недели...

– Что? Две недели?! О чем вы говорите?! Я не проживу здесь и двух дней.

– Так и на два дня надо иметь крышу над головой. Хорошо еще, до сих пор нет дождей. А если ливень или ураган? К тому же, мало ли какая опасность может подстеречь нас здесь...

– Что еще за опасность? – насторожился немец.

– Все может быть. Остров глухой, кругом лес.

– Что же ты предлагаешь, крепость построить?

– Крепость строить ни к чему, а по ночам стоило бы по очереди дежурить.

– Этого еще не хватало! Нет уж, уволь. По ночам я предпочитаю спать. И вообще, вся эта твоя затея со смотровой площадкой, сигнализацией – сплошная чепуха! Все равно рано или поздно район гибели теплохода прочешут метр за метром. Уж такой-то остров трудно не заметить. Только много охотников появится на лакомый кусочек. Но я своего не отдам. Главное сейчас – флаг. Флаг! Неужели вы, Эвелина, не поможете мне в таком пустяке? Да через неделю я засыплю вас любыми тряпками!

Американка молчала. Курт наклонился к костру.

– Испеклись, наверное?

Денис выкатил яйца из костра, сдул с них золу.

– Прошу к столу, господа, кушать подано!

Но шутку никто не поддержал. Обед прошел в молчании. Денис понял, что потасовка в его отсутствие окончательно сделала ребят врагами. Да и журналистка еще больше захандрила. Что же будет дальше? Надо немедленно установить наблюдение за океаном, чтобы дать знать о себе первому же проходящему судну.

Денис бросил в костер скорлупу и решительно поднялся:

– Ну, пойдем к скале?

– Зачем? – лениво зевнул Курт, снова укладываясь на свой жилет.

– Я же сказал, надо как можно скорее установить наблюдение. Теплоход может показаться каждый час, каждую минуту. Но разве мы знаем, с какой стороны он пройдет? Там, на скале, – совсем другое дело. Но ведь мало увидеть, надо еще и просигналить кораблю, надо натаскать на скалу дров для костра, соорудить там укрытие от ветра, надо наконец сделать под скалой шалаши для сна...

– А я сказал, все это чепуха! – отрезал немец.

– Ну, а ты, Жан? Что ты все молчишь? – обратился Денис к французам.

– Конечно, надо идти, о чем говорить, – вздохнул тот. – А вы как считаете, мисс Эвелина? Ведь вы у нас...

– Боже, как вы мне оба надоели! Один со своими миллионами, своим островом, своим флагом, другой с комплиментами. Оставьте наконец меня в покое. Слышите? Вы оба! И вы, м-р Крымов, тоже. Никуда я не пойду.

Денис не ответил. Молча вернулся он к костру и несколько минут сидел неподвижно, глядя на огонь, стараясь осмыслить все, с чем столкнулся в эти дни. Жизнь подбросила ему, конечно, не сладкую пилюлю. Оказаться вместо лабораторий Пенсильванского университета на этом жалком клочке суши, да еще в обществе таких спутников – удовольствие, прямо скажем, ниже среднего. Но ведь могло быть и хуже. Во всяком случае, даже здесь, на острове, все пока складывается не так уж плохо: огонь есть, еды достаточно, вода будет. Скверно, что ребята оказались такими неуживчивыми. Но и это в конце концов не так страшно. А вот срезанная ветка жасмина... Тут есть над чем подумать.

Значит, люди на острове все же есть. Люди, постоянно здесь живущие, ибо б противном случае их давно бы вывез первый же проходящий корабль. Кем же они могут быть? Можно было бы предположить, что это ученые-исследователи или просто здешние аборигены-рыбаки. Но они непременно заинтересовались бы четырьмя посторонними людьми, почти одновременно высадившимися на берег. Не зная об этом они не могут: надо быть слепым, чтобы на таком небольшом острове не заметить дым от костра, непрерывно горящего уже несколько суток.

Значит, они сознательно избегают встречи, намеренно прячутся в лесу. Но так могут вести себя либо преступники, скрывающиеся от правосудия, либо... все-таки дикари. И вот это уже страшно. Чего можно ждать от них? Как вести себя с ними? Что делать, если целая орава их вдруг вырвется из леса? Это надо было обдумать уже сейчас.

Денис встал и, не сказав никому ни слова, зашагал в сторону Китового мыса.

Глава одиннадцатая

«Нет, с этой компанией кашу не сварить!- мысленно досадовал он, прыгая с камня на камень. – Все придется делать самому: и сушняк на гору таскать, и шалаш там устроить, и дежурить с утра до вечера. Иначе, и вправду, застрянешь здесь на годы. Надежды на спасателей больше нет. Четыре дня прошло с тех пор, как их вертолеты мелькнули над горизонтом. Значит, все поисковые работы прекращены. Вся надежда теперь на рейсовые корабли».

Занятый такими мыслями, он вышел к Китовому мысу, спустился к самой воде. Океан встретил его гулом прибоя и фейерверком искристых бликов. Горизонт еле просматривался в сплошном аквамарине солнечного дня. В лицо повеяло освежающей прохладой. Запах морских просторов мгновенно оттеснил все запахи земли и леса, снял с души горький осадок, оставшийся от разговора с иностранцами.

А что если искупаться? Вода тянула, как магнит. В прозрачной голубизне ее даже отсюда были видны серебристые молнии рыб. Живые брызги прибоя словно манили своей свежестью. Денис спустился к небольшому пляжику и, быстро раздевшись, бросился в подступившую волну.

Однако вода оказалась холодной. Пришлось основательно поработать руками и ногами, прежде чем тело перестало ощущать неприятный озноб. Зато к мышцам вернулась привычная упругость. Проплыв, не теряя темпа, еще метров двести, Денис перевернулся на спину и, широко раскинув руки, начал смотреть на причудливо громоздящиеся облака. Давно он не испытывал такого удовольствия. Теперь из воды не хотелось выходить. Но когда, вволю нанырвавшись и наплававшись, он случайно взглянул на берег, то увидел, что пляж с его одеждой отодвинулся далеко влево.

Вот так сюрприз! Он совсем забыл о здешних сумасшедших течениях. Пришлось не мешкая поворачивать назад. Но в руках уже чувствовалась усталость, а пляж с одеждой уходил все дальше и дальше. Течение несло Дениса к самому концу Китового мыса.

«Этак, чего доброго, можно и остров проскочить!» – Денис собрал все силы. Взял круто наперерез течению.

«Быстрее! Еще быстрее!»- твердил он себе, бешено работая руками и ногами.

Вот уже и берег. Вот уже совсем неглубоко, можно встать на ноги. Но какое же здесь отвратительное дно!

Денис оттолкнулся от скользкой замшелой глыбы и снова поплыл. Берег был совсем близко, всего в нескольких метрах, но подступы к нему оказались усеянными торчащими из воды острыми камнями, и вода меж ними бурлила тысячами водоворотов.

А силы уже совсем оставили Дениса. Он постарался проскочить сквозь узкий проход между двумя камнями и чуть не вскрикнул от боли: видимо, он оцарапался о подводную глыбу. Денис рванулся в сторону и тут же почувствовал удар в плечо. Последним усилием воли он постарался вытянуть руки вперед, ухватиться за торчащую из воды корягу. Однако новый удар в голову оглушил его, перед глазами поплыли фиолетовые круги, и он полетел в черную звенящую бездну.

Очнулся Денис на берегу, у самой воды, на гальке. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота, сильно саднило плечо и бок. Он с трудом поднялся, смочил водой лицо. В двух шагах от него klokотал в камнях водоворот. Хорошо еще, что прибой вынес его на берег. Только почему он оказался правее той коряги? А, не все ли равно! Видно, от этого течения можно ждать чего угодно. Важно, что он жив. И получил хороший урок. Денис потер ушибленное плечо и двинулся к пляжу, где оставил одежду.

До пляжа было недалеко. Но когда он вышел к знакомой бухточке и прыгнул с обрыва, то увидел, что ни пиджака, ни рубахи на месте нет. У куста, где он повесил одежду, стояли лишь ботинки и валялись скомканные брюки, да и те, видно, успели побывать в чьих-то руках: карманы были вывернуты, ремень стянут в узлы. Впрочем, рубаха вскоре нашлась, здесь же неподалеку в кустах. Но пиджака не было, сколько Денис ни искал.

Что же делать? Оставаться на ночь в одной рубахе? Но это еще полбеды. Главное – кто мог похитить пиджак? Если это сделали люди, следы которых он обнаружил в зарослях жасмина, то от них, выходит, можно ждать чего угодно, вплоть до прямого нападения.

Словом, все складывалось – хуже некуда. Но не сидеть же здесь до вечера. Солнце спустилось совсем низко, длинные тени протянулись от деревьев. Черт с ним, с пиджаком! Денис надел рубаху и зашагал обратно к лагерю.

Впрочем, шел он теперь, пугливо озираясь, стараясь делать поменьше шума, часто останавливался и прислушивался. И вдруг что-то сильно зашуршало вверху, на деревьях. Денис прижался к стволу бука, подобрал голову в плечи. Страх пригнул его к самой земле. Да и было отчего: сверху, прямо ему на голову, обрушилось что-то большое, черное. Денис метнулся в сторону, и в тот же миг рядом с ним плюхнулся в траву... его пиджак. Вот так фокус! Денис даже присел от неожиданности. Однако удивляться особенно было нечему. Подняв глаза кверху, он успел заметить улепетывающую во весь дух обезьянку.

Так вот кто рылся в его вещах, вот кто соблазнился пиджаком. А он-то перетрусил! Денис вытер пот со лба, поднял пиджак. В который раз уже пугала его рыжая плутовка! Впрочем, она могла оставить его и совсем без одежды. Надо будет иметь это в виду. Что же заставило ее сейчас так галантно вернуть Денису позаимствованное у него имущество? Ну да кто разберется в обезьяньих душах! Страшно обрадованный, Денис принялся натягивать пиджак и тут... Или ему показалось?

Но он услышал, что там, в зарослях деревьев, обезьянка как-то по-особенному пискнула, а в ответ раздался приглушенный человеческий голос, голос женщины...

Денис притаился. Но больше не было слышно ни звука. Он крикнул. В ответ прозвучало только эхо. Нет, это ему определенно показалось. Денис ускорил шаги и через несколько минут вышел к лагерю.

Между тем день клонился к вечеру. В воздухе заметно похолодало. Солнце закрыли тучи. Денис решил покрыть шалаши еще одним слоем веток. Подбросив дров в костер, он поднялся на обрыв, чтобы нарезать сучьев, сунул руку в карман и застыл: ножа в кармане

не было. Лихорадочно обшарив все карманы, Денис вернулся к костру, осмотрел пляж – ножа не было нигде, видимо, он выпал, когда обезьяна возилась с пиджаком. А остаться здесь без ножа...

Денис снова и снова перебрал в памяти весь сегодняшний день. Да, нож мог потеряться только там, в прибрежных зарослях, может, обезьяна и вытащила его из кармана. Во всяком случае, не осталось никаких надежд вновь найти его.

Денис поднялся на обрыв и, кляня себя за непростительную небрежность, принялся ломать сучья руками. Однако без ножа дело шло медленно. В небе успели зажечься звезды, когда он смог, наконец, подумать о сне. Зато теперь можно было точно сориентироваться по странам света. Он отыскал Большую Медведицу, потом Малую. Полярная звезда стояла как раз над Крокодиловым мысом. Значит, остров вытянут все-таки с севера на юг, а мыс со скалой смотрит на восток. Оттуда и должны показаться корабли, идущие из Европы.

Глава двенадцатая

Проснулся Денис от чего-то непонятного. Ему показалось, что кто-то крадется вокруг шалаша. Он открыл глаза, прислушался. Было еще совсем темно. И ничего, кроме вздохов прибоя, не нарушало тишины ночи.

Что же разбудило его? Тревога, пришедшая во сне, не проходила. Он выбрался из шалаша, обошел его кругом, постоял у опушки леса. Здесь тоже все точно замерло в предутренней тишине. Ночь была на исходе.

Звезды побледнели. Легкий ветерок тянул с океана. Денис зябко поежился.

«Зря только тепло растерял». – Он хотел снова забраться в шалаш. Но случайно взглянул на небо, да так и застыл на месте: Полярная звезда стояла прямо над кромкой леса, что поднимался за пляжем! Произошло нечто невероятное, то, что Денис не переживал ни разу в жизни, то, что все человечество не переживало по крайней мере в течение нескольких веков – земная ось повернулась. Иначе чем еще можно было объяснить, что Полярная звезда, столетиями стоявшая в одной точке небосвода, переместилась вдруг почти на девяносто градусов.

А может, он еще спит и видит все это во сне? Денис тряхнул головой, попробовал ущипнуть себя. Нет, он не спал. А альфа Малой Медведицы по-прежнему сияла на востоке вопреки всякой логике, всякому здравому смыслу, вопреки всем законам небесной механики.

И тут Денис вспомнил, что нечто подобное происходило здесь и с солнцем. Ведь оно тоже вошло сначала над их пляжем, иначе его лучи не били бы в глаза в то утро, когда они подплывали к острову. А уже через сутки ему вздумалось подняться над Китовым мысом. Теперь Денис точно вспомнил, что именно там, над Китовым мысом, сиял солнечный диск, когда он, проснувшись у потухшего костра, начал искать Курта.

В чем же дело? Что происходит с Землей? Можно подумать, что уже несколько дней она кувыркается на орбите, как подхваченный ветром детский шарик. Но этого не может быть. Просто не может быть! Тогда остается предположить еще более невероятное, остается допустить, что остров, на котором они высадились, в силу чего-то непонятного поворачивается из стороны в сторону, подобно тому, как вертится брошенная в лужу щепка, как вертится плывущий по воде...

И вдруг Дениса осенило. Он вспомнил последний день перед отъездом в Америку, пробную лекцию по вулканизму и розовощекую девушку с поднятой рукой.

«Я тоже по поводу этих самых пемз,- будто снова раздалось у него в ушах.- Вы сказали, что они легче воды. Почему в таком случае они не плавают по морям и океанам?»

Почему они не плавают по морям и океанам?... А что, если... Что, если весь этот остров и есть гигантская глыба пемзы, оторванная вулканическим взрывом от донного субстрата и плывущая теперь по воле волн? Да нет, как можно...

А почему бы нет? Он вспомнил, что всюду, где видел незадернованные выходы местных пород, они оказывались именно вулканическими туфами. А отсутствие здесь приливов и отливов! А течения, которые так непонятно меняют направления! А длинные буруны, которые он видел вчера за Крокодиловым мысом!

Все это и можно объяснить только тем, что остров плывет, плывет, гонимый ветром, го в ту, то в другую сторону, вертится, как детский кораблик на воде, и никто никогда не предскажет, куда вынесут его бурные воды Атлантики.

Так вот о каких «островах-призраках» говорили старые моряки! А он-то, Денис, счел это лишь выдумкой подвыпивших балагуров. Да разве он один! Тот же Уильям Грей не допускал и мысли о существовании странствующих островов. А между тем...

А между тем в этом, по-видимому, и кроется разгадка таинственного исчезновения четы Томпсонов. С одним из таких островов встретила, очевидно, яхта Джорджа Томпсона в тот злополучный день, и это натолкнуло бывшего горного инженера на мысль столь легко и надежно избавиться от ненавистного брата и отомстить его жене.

Теперь все становилось понятным: и то, почему «Даная» случайно натолкнулась на такой остров, и то, почему Джордж Томпсон предложил брату столь странное пари, и то, почему он был так уверен в том, что остров не будет обнаружен, и так убежден в своей безнаказанности.

В самом деле, кто мог бы обвинить его в преднамеренном покушении на жизнь семьи Томпсонов? Ведь все они добровольно остались на острове. М-р Грей, присутствовавший при заключении пари, всегда мог подтвердить это. Как и то, что «Даная» вернулась за Робинзонами. Кто мог предположить, что остров исчезнет? Если уж на кого и могло пасть подозрение, так только на капитана «Данай», который вольно или невольно сбился с курса. Так все это и было. Только совесть преступника в предсмертный час заставила его открыться перед Греем. Но тайна исчезновения Томпсонов действительно умерла вместе с ним. Сколько же их, таких «островов-призраков», бороздят воды Мирового океана? Судя по рассказам моряков, немало. Но скорее всего, не так уж и много. Впрочем, бедняжке мисс Норме не легче оттого, что их немного. Как и ему, Денису. Какое же несчастье, что они оказались на таком каменном айсберге. Стоит ли удивляться, что к ним на помощь так и не пришли спасательные суда и самолеты. Они и не могли прийти. Остров ушел от места катастрофы. И не только от места катастрофы, но и от наиболее оживленных морских путей. Попав на остров, они обрекли себя на вечное скитание по океану. И теперь только случайная встреча с каким-нибудь экспедиционным судном поможет им вернуться в цивилизованный мир. Ждать этого придется, возможно, годы и годы. И все это время он, Денис, должен будет провести без книг, без любимой работы, без каких бы то ни было источников информации и, главное, - с такими чуждыми ему людьми.

Но теперь-то они должны осознать наконец всю серьезность положения, должны расстаться со своей беспечностью и ленью. Ведь под угрозой их возвращение домой, их молодые годы, наконец, их жизнь.

Бледный рассвет забрезжил над морской гладью. Спать больше не хотелось. Денис сходил за валежником, раздул костер и, навалив в него побольше дров, решил оправиться за рыбой. Теперь, когда он понял, куда их забросила судьба, ему было даже жаль своих спутников. Каким ударом будет эта новость для Эвелины! Да и для Жана с Куртом. А для него самого?

Впрочем, сам он скоро примирился с удивительным открытием и, возвращаясь с рыбалки, с особым интересом присматривался ко всем незадернованным выходам пород, слагающих остров. Чаще всего это были действительно пемзы, светло-серые сильно пористые камни с мягким неправильным изломом. Но изредка попадались и более плотные, более тяжелые туфы, не плавающие в воде. Это обстоятельство, казалось, разрушало все его предположения и никак не вязалось с прекрасной плавучестью острова. Непонятно было и то, почему основная часть его так высоко поднята над океаном, ведь пемза, как и лед, обычно лишь слегка всплывает над водой.

Но все это лишь разжигало любопытство Дениса. В нем уже проснулась неистребимая страсть к раскрытию истины, какая живет в душе каждого ученого-естествоиспытателя. И где-то в глубине души он даже боялся, что помощь придет слишком скоро, и он не успеет изучить это уникальнейшее чудо природы.

А как здорово было бы исследовать каменный айсберг и написать об этом книгу! О таких странствующих островах в научном мире еще почти ничего неизвестно. После той злополучной лекции он специально навел справки в библиографическом отделе: о плавающих глыбах пемзы упоминалось лишь в одном из номеров журнала «Природа», да и там этому было посвящено каких-нибудь десятка полтора строк. И он, Денис, восполнит этот пробел.

Но вот и лагерь. Здесь все уже встали. Курт и Жан с заспанными лицами стояли у костра, лениво подбрасывая в огонь сучья. Эвелина сидела чуть поодаль, волосы у нее были не прибраны, плечи поникли. Трудно было просто по-человечески не пожалеть эту совершенно растерявшуюся, вконец отчаявшуюся женщину. Денис заложил рыбу в костер и, стараясь придать голосу как можно больше беззаботности, сказал:

– А что я узнал сегодня! Остров-то наш, оказывается, совсем не остров.

Глаза всех тотчас обратились к Денису.

– Что вы хотите этим сказать? – насторожилась Эвелина.

– Что это всего лишь полуостров? – воскликнул Жан.

– Нет, остров, – поспешил объяснить Денис. – Только совсем необычный остров. Точнее, это гигантская глыба легкой вулканической породы, которая вследствие, должно быть, вулканического взрыва, оторвалась от подводного основания и уже много лет плывет по воле волн.

– Вы это серьезно? – даже привстала от удивления Эвелина.

– Постой, постой! – перебил ее Курт. – Как не остров? Какая глыба? А как же этот лес, и птицы, и вообще?...

– Глыба всплыла очень давно. Может быть, много десятков тысяч лет назад. Постепенно на ней образовалась почва, выросла трава, а затем и деревья.

– Но с чего вы это взяли? – воскликнула Эвелина. – Почему решили, что остров плывет?

– Мне с самого начала показалось, что остров необычен. Помните, я как-то обратил ваше внимание на то, что здесь нет приливов и отливов. Это же совершенно неестественно для открытого океана. А этот шелестящий прибой... Где вы видели такой прибой? Но главное – течение! Вспомните, с каким трудом мы подплывали к острову. А потом я заметил, что течение здесь меняет направление и всегда идет против ветра. Но все бы это пустяки, если бы сегодня ночью... – И Денис рассказал о странном поведении Полярной звезды. – Словом, больше я не сомневаюсь. Остров плывет по океану.

– Не может быть! Вы что-то путаете! – не сдавалась Эвелина.

– Я и сам долго не мог поверить собственным глазам. Но спутать с чем-то Полярную звезду! А потом я вспомнил... Кстати, скажите, где было солнце в то утро, когда мы подплывали к острову?

– Солнце всходило прямо из-за острова, я помню, – вступил в разговор Курт. – Стало быть, вот из-за этого холма.

– Верно. А где оно сейчас?

Все повернули головы к солнцу. Оно стояло чуть правее Китового мыса и, казалось, даже заметно для глаз уходило все дальше и дальше в сторону океана. У костра воцарилось молчание.

– Невероятно... – произнесла наконец Эвелина. – И все-таки я не могу представить, не могу поверить... Ведь если это так...

– Да, если это так, – закончил за нее Денис, – то мы давно ушли от места катастрофы. Да и от обычной трассы кораблей, которые...

– Замолчите! Я не верю вам! Давно ли вы с такой же убежденностью говорили совсем другое. Я не хочу верить ни одному вашему слову!

– Словам поверить, конечно, не просто. А вот смотрите! – Денис отыскал под обрывом небольшую глыбу пемзы и, подойдя к берегу, бросил ее в набежавшую волну.

Глыба сначала ушла под воду, но уже через мгновение вынырнула на поверхность и, чуть покачиваясь, медленно двинулась вдоль береговой линии.

– Ну, чудеса! – воскликнул Курт, обрушивая в воду обломки пемзы. – Никогда бы не поверил, что камни могут плавать.

А Эвелина опустилась на песок и обхватила голову руками.

– Боже! Боже мой, значит, все эти рассказы об «островах-призраках»...

– Да, мисс Эвелина, в любой легенде, какой бы ни казалась она невероятной, есть рациональное зерно. И в этом смысле рассказ старика Грея...

– Да что там рассказ Грея! Мы сами теперь обречены. Ведь это все равно, что остаться среди океана на плоту.

– Нет, почему же, – возразил Курт, – плывущий остров – это интересно. И если подойти тут с головой... М-р Крымов, как ваша рыба?

– Рыба, пожалуй, готова.

– Мисс Эвелина, прошу!

– Да как вы можете говорить о какой-то рыбе, когда эта отвратительная глыба, это чудовище, несет нас неведомо куда, и неизвестно, сколько еще времени придется пробыть в этой грязи, в этом кошмаре. Боже, что нам делать? Что делать?!

– Я уже говорил, что делать. Надо организовать там, на скале, круглосуточное дежурство, и рано или поздно...

– Но когда оно придет, это «рано или поздно»? Я с ума сойду! Я... – она закрыла лицо руками и затряслась в рыданиях.

– Денис не знал, что сказать, чем успокоить ее.

– Надо запастись терпением, – вымолвил он наконец. – Да, терпением! И взять себя в руки! Ну, что вы, в самом деле, раскисли, как девятистолетняя старуха?

– М-р Крымов! – негодуя подскочил к нему Жан. – Вы забываетесь, м-р Крымов! Перед вами дама. А вы... вы...

Денис подошел к плачущей журналистке.

– Простите меня. Жан прав, я погорячился. Но поймите, что только от нас с вами, от всех нас зависит теперь, как скоро мы выберемся отсюда. Ведь мы с той высокой скалы скорее сможем заметить дымок теплохода, чем они наш в общем-то невысокий остров. А уж если они увидят поданный нами сигнал, то, поверьте, сама необычность нашего острова только поможет нам, ибо где бы остров ни появился, какому бы кораблю ни встретился, он всегда будет воспринят как некая таинственная, доселе не известная земля и привлечет к себе внимание любого мореплавателя. Успокойтесь, мисс Эвелина, и поешьте немного. Я вот сейчас... – Денис наклонился над костром, выбирая рыбу для журналистки, и застыл на полуслове – там, у костра, в каком-нибудь полуметре от разворошенной золы был воткнут в землю... его нож. Тот самый нож, который он считал навсегда потерянным. Но как он попал сюда?

– Курт! Жан! Мисс Эвелина! Кого мне благодарить за эту находку? – воскликнул Денис, вытаскивая нож из земли. – Ведь без него мы как без рук. Я был уверен, что потерял его в лесу, далеко отсюда. А оказывается...

Но все в один голос заявили, что знать ничего не знают о ноже.

Это становилось загадочным. Можно было, конечно, предположить, что нож выпал из кармана здесь, в лагере, еще до того, как Денис пошел купаться. Но кто раскрыл его, кто вогнал по самую рукоятку в землю? Все это было абсолютно необъяснимым. Оставалось лишь теряться в бесчисленных догадках.

Денис невольно покосился на безмолвную стену леса, подступившую к самому обрыву. Лес этот очевидно хранил какую-то большую тайну. И кто знает, что можно ожидать от него в ближайшие дни. Денис не мог отделаться от мысли, что кто-то неотступно следит

за ними. Внезапный порыв ветра, прошумевший в деревьях, заставил его вздрогнуть от тревожного предчувствия.

Он оглянулся на своих спутников. Но те, должно быть, не придали происшедшему ни малейшего значения. Да и могло ли привлечь их внимание пусть даже самое загадочное появление какого-то ножа после той ошеломляющей новости, какую обрушил на них Денис.

Эвелина точно оцепенела в своем отчаянии. Жан не переставал переводить взгляд с берега на воду и обратно, будто стараясь найти хоть какую-нибудь зацепку, которая позволила бы усомниться в словах Дениса. И только Курт, усердно работающий челюстями, казалось, совсем не унывал.

– Гм... Плавающий остров! – повторял он время от времени. – Нет, как бы там ни было, а это чертовски здорово, что я открыл такую землю. Кто бы мог подумать, что вся эта махина с ее холмами, лесами, пляжами плывет, точно щепка, только успевай по сторонам глядеть. М-р Крымов, а что заставляет остров двигаться?

– Как что? Ветер. Эти лесистые холмы создают отличную парусность.

– Понятно. Но почему за столько лет он ни разу не сел на мель, не натолкнулся на какой-нибудь другой остров?

– А кто сказал, что всего этого не было? Все могло быть. Мог он и на мель садиться и к другому острову причаливать. Даже наверняка так было. Иначе откуда появиться здесь трава, деревьям, даже животным, скажем, обезьянам. Но тот же ветер, который выбрасывал остров на мель, наталкивал на другие земли, потом снимал его с мели, отгонял от других земель и снова выносил в открытый океан.

– А как же штормы, тайфуны? Как они не разрушили его за много лет?

– Шторм не так страшен тому, что плывет в открытом океане по воле волн. Он больше опасен неподвижным берегам. Вспомни, ведь во время шторма даже корабли специально выводят подальше в море.

– Да, это так. А как ты думаешь, Крымов, можно было бы управлять этой машиной?

– Нам с тобой?

– Нет, я имею в виду в будущем. Если привлечь к этому делу знающих инженеров, вложить капитал, построить тут... Ну, поставить, скажем, для начала какие-то рули, может быть, двигатели...

– В принципе это возможно. Но управлять островом будет нелегко. Слишком необтекаема у него форма. Один мыс со скалой чего стоит. Недаром мы вертимся из стороны в сторону.

– Чепуха! Форму можно подправить. Два-три хороших направленных взрыва, и никакие мысы не будут мешать.

– Но зачем это нужно? – пожал плечами Денис – Остров и без того интересен.

– Мало ли зачем! – загадочно улыбнулся немец. – Хватит болтаться ему без дела. Все должно приносить пользу. И я как первооткрыватель... Кстати, Крымов, я надеюсь, наш договор останется в силе? Ты не претендуешь на эту землю?

– Я не помню, чтобы мы договаривались о чем-то подобном.

– Но ты не собираешься объявить себя собственником острова?

Денис усмехнулся.

Да зачем он мне нужен? Дачу загородную на нем строить?

– Нет, ты не смейся! А скажи прямо, претендуешь на остров или не претендуешь? Только одно слово!

– Ну, изволь, не претендую. Да и как можно претендовать на такой феномен? Это же уникум. Чудо природы. Явление, может быть, единственное в своем роде. Можно быть его первооткрывателем, первоисследователем. Но кто позволит претендовать на него, как на собственность?

– Ну, это мы еще посмотрим, позволят или не позволят. Мне важно, чтобы ты на него не претендовал. А ты дал слово, Крымов! – он впери в Дениса холодный цепкий взгляд.

«Такой ни перед чем не остановится!» – подумал Денис.

– Мисс Эвелина, будьте свидетелем, – продолжал немец прокурорским тоном, – м-р Крымов официально заявил, что не претендует на эту землю.

– О боже! – слабо откликнулась журналистка.

Но Жан не преминул возразить:

– А почему ты спрашиваешь об этом только Крымова, почему думаешь, что мы с мисс Эвелиной...

– Что вы с Эвелиной? – не дал ему договорить Курт. – Уж не собираешься ли ты тоже предъявить какие-то права на остров?

– А если бы и так?

– А если так, то запомни раз и навсегда: на вновь открытые острова могут претендовать только те, кто первыми ступают на их землю, а не те, кого, как слепых щенят, полуживыми выволакивают на берег.

– Но ты не спрашиваешь и мисс Эвелину, – не сдавался Жан.

– А что касается мисс Эвелины, то мы с ней как-нибудь сами разберемся, без таких вот плюгавеньких посредников. Понял? – Немец недвусмысленно потряс кулаком.

– Плевал я на твои угрозы.

Денис видел, что дело опять идет к потасовке. С каким удовольствием он бы и сам поставил на место этого новоявленного колонизатора. Но он понимал, что сейчас не место и не время.

– Да будет вам петушиться! – крикнул он, становясь между немцем и французом. – Неужели до вас и теперь не дошла вся серьезность нашего положения? Поймите, наконец, что если мы сейчас же не переберемся отсюда к скале и не будем изо дня в день, с утра до вечера следить оттуда за океаном, чтобы дать сигнал проходящему кораблю, нам до конца дней своих не выбраться из этой ловушки.

– Верно, Крымов! – неожиданно согласился Курт. – Хватит сидеть в этой яме. Веди нас к скале. И вообще, я горю желанием получше осмотреть наш замечательный дредноут.

– Дредноут?

– Ну, не дредноут, так прогулочную яхту. Кому что больше нравится.

Глава тринадцатая

Весь этот день ушел на сооружение лагеря. К удивлению Дениса, Курт на сей раз и не думал отказываться от работы. И хотя, как оказалось, у него, в самом деле, не было ни малейшей сноровки к такого рода делам, он, тем не менее, все время суетился, давал советы и чуть не каждый час взбирался на вершину скалы и подолгу стоял, как заправский капитан, озирая далекий горизонт.

Зато Эвелина с Жаном оказались прекрасными помощниками. Втроем с Денисом они сделали два просторных шалаша, расчистили площадку для костра, навалили и разложили для просушки целую грудку травы.

Лагерь приобрел жилой вид. Пора было подумать об обеде.

Денис разложил костер и предложил Эвелине пойти пособирать яйца. Она, не раздумывая, согласилась. Курт снова забрался на скалу. Француз же улегся у костра, всем своим видом показывая, как он обижен на Дениса, не пригласившего его с собой в лес.

День выдался жарким. Впервые за все время пребывания на острове солнце пекло совсем по-летнему, и Денис с удовольствием нырнул под плотный шатер деревьев. Эвелина последовала за ним.

Здесь, в лесной чаще, было прохладнее, шум океана полностью терялся в гомоне птиц, и никому в голову не пришло бы, что где-то внизу, под ногами, таилась морская бездна.

Несколько минут они шли молча, время от времени вспугивая птиц и тщательно обшаривая густую траву. И лишь после того, как Денис нашел сразу с десяток гнезд, журналистка воскликнула:

– Вот не думала, что пищу можно добывать так легко!

- Да, птиц здесь достаточно, – отозвался Денис – Жаль, что они не кладут яйца круглый год.
- А рыбу вы ловите так же просто, как собираете яйца?
- Почти так же. Хотите, пойдем завтра утром вместе, посмотрите.
- С удовольствием.
- А сейчас мне хотелось бы поговорить с вами, мисс Эвелина.
- Она сразу насторожилась.
- Тоже станете объясняться в любви?
- Нет, объясняться в любви я не умею. Да и не до этого сейчас. Мне хотелось попросить вас помочь разобраться в одной загадочной истории.
- Я вас слушаю...
- Мисс Эвелина, скажите, только честно, в тот раз, во время нашей ссоры с Куртом, когда Жан разорвал его чек, а он чуть не задушил меня, вы действительно не бросали в немца камнем?
- Она резко взмахнула головой.
- Почему вы снова задаете мне этот вопрос? Я уже говорила, что не бросала. Или вы не верите мне?
- У меня нет оснований не верить вам. Но в тот день такой вопрос мог показаться просто беспредметным, вы могли не придать ему значения и ответить первое, что придет в голову. Но если не бросали камня вы, его бросил кто-то другой. Бросил со стороны леса, бросил удивительно точно и, главное, очень вовремя.
- Как кто-то другой? Разве здесь есть другие люди?
- Вот это я и пытаюсь выяснить сейчас. Потому и повторяю свой вопрос.
- Нет, я не бросала камня. Честное слово! Но может быть, вы ошибаетесь, может, здесь просто какое-то недоразумение?
- Едва ли. К тому же, это еще не все. Я уже показывал вам воткнутый в землю нож. Скажите, вчера вечером, когда я уходил из лагеря, и вправду никто из вас не находил этого ножа и не вонзал его в землю?
- Нет, никто.
- Значит, это тоже сделал кто-то посторонний, ночью, во время нашего сна.
- Невероятно!
- Но и это еще не все. В лесу, неподалеку отсюда, я нашел кусты со срезанными ветвями, срезанными недавно, срезанными ножом. Это мог сделать тоже только человек.
- Значит, вы полагаете...
- Да, можно, кажется, не сомневаться, что на острове живут люди.
- Какой ужас!
- Да нет, я не вижу пока в этом ничего ужасного. До сих пор эти люди проявляли себя лишь тем, что вступались за справедливость или помогали нам в беде.
- Но почему они прячутся от нас?
- Представить не могу, загадка на загадке.
- И потом, кто они, по-вашему, дикари-туземцы?
- Не думаю.
- Почему?
- Трудно допустить, чтобы дикарь-туземец так просто, добровольно расстался с попавшим в его руки ножом. И потом... Я уже сказал вам о срезанных ветках. Так вот, ветки эти были срезаны с цветущего жасмина, словно кому-то понадобился букет цветов. Но такая прихоть могла прийти в голову лишь весьма цивилизованному человеку. И не просто цивилизованному человеку. Букет, скорее всего, был сделан женщиной или предназначался женщине...
- О! Уж не думаете ли вы, что мы попали на тот самый остров, о котором рассказывал капитан Грей, а таинственные аборигены – когда-то высадившееся сюда семейство Томпсонов?

– Я хотел бы так думать. Очень хотел бы! Но разве стали бы эти милые интеллигентные люди прятаться от нас, разве не вышли бы сразу нам навстречу? Да и можно ли предположить, что так точно пущенный камень...

– Был пущен рукой американской леди?

– И даже рукой американского преподавателя всемирной литературы и искусства, – закончил со смехом Денис.

– Да, пожалуй, исключено и то и другое. Но что же, в таком случае, это за люди, где они живут, что делают?

– Не знаю, Эвелина. Ничего пока не знаю. Время покажет.

– А что нам делать теперь, как вести себя?

– По крайней мере не ссориться по пустякам, не давать повод этим людям считать нас дикарями.

– Вы говорили об этом Курту?

– Нет, не говорил. Но сказать придется. Хотя и трудно представить, как он воспримет это с его бредовой идеей стать первооткрывателем, собственником острова.

Журналистка вздохнула.

– Там, в Европе... В общем, пора мне сказать вам...- голос Эвелины перешел на шепот.- Пора сказать вам, что он страшный человек.- Она зябко поежилась и закусила губу, точно эти последние слова вырвались помимо ее воли.

Денис посмотрел на Эвелину долгим испытующим взглядом.

– Не смотрите на меня так. Я знаю, вы не понимаете меня, может быть, даже осуждаете кое за что. Но, во-первых, я много старше вас...

– Полно, мисс Эвелина! Вы еще...

– Я не о годах. Я хочу сказать, что вы не пережили того, что успела пережить я. В этом смысле вы, простите, еще просто ребенок. И потом... Разве вы не знаете, что значит власть денег?

– Власть денег? Здесь, на острове?

– Ах, при чем тут остров! Я говорю о власти денег вообще. И, поверьте, знаю, о чем говорю. Не могу не знать. Для этого достаточно по крайней мере родиться в семье мелкого чиновника, девчонкой потерять отца, остаться с больной, ни к чему не способной матерью и в довершение ко всему иметь еще более или менее привлекательную внешность.

– Я понимаю, Эвелина. Я давно чувствую, что Курт чем-то шантажирует вас. Но ведь не вечно нам жить на этом острове. Пройдет неделя, две, ну, месяц, и вы вернетесь домой, в свою страну.

– В свою страну! А знаете ли вы, что в этой богатейшей, культурнейшей стране мою мать сживут со света только потому, что я не угожу какому-то «денежному мешку». Золото! Кругом одно золото! Как «гибли люди за металл», так и до сих пор... – она махнула рукой и отвернулась.

– Но не везде же так поклоняются золотому тельцу. У нас, например...

– Что у вас? Уж не хотите ли сказать, что все вы там, в вашей стране, бессеребренники? Видела я ваших туристов! А вы сами? Вы не броситесь хоть сейчас в самую отчаянную авантюру, предложите вам мешок денег?

Денис невольно улыбнулся. На память почему-то пришла Тоня. Вспомнились ее последние слова: «Кстати, сколько тебе будут там платить?»

– Я не могу сказать вам за всех моих соотечественников, Эвелина. Но что касается меня, то единственный золотой телец, которому я готов поклоняться, это наука, истина, знания. Ради них я действительно мог бы, наверное, броситься, как вы говорите, даже в отчаянную авантюру. Правда, люди гибнут иногда и за это «золото». Но оно доступно везде и всем. Я рассчитываю даже здесь собрать кое-какой материал.

– Как, вы еще собираетесь заниматься здесь наукой?

– Конечно. Неужели вы думаете, что можно упустить такую редкую возможность? Где и когда еще геолог оказывался на плывущем айсберге из пемзы? Да я облажу его вдоль и поперек! Здесь еще столько непонятого, столько всяких тайн и загадок. Зато, если я смогу во всем разобраться, это будет такой вклад в науку, какого я не сделаю больше за всю жизнь. Вот оно, мое «золото», Эвелина! Впрочем, я надеюсь поделиться им и с вами.

– Нет уж, спасибо! Здесь, сейчас мне такого золота не нужно. И хватит об этом! Пойдемте. И я надеюсь, разумеется, на вашу скромность.

Они выбрались из зарослей, спустились в небольшую ложину.

– Одну минуту, мисс Эвелина, – Денис перебрался через заболоченную низину и, сорвав несколько крупных нежно-розовых орхидей, подал их американке.

– Позвольте тогда подарить вам хоть это.

– Благодарю вас. Цветы... Как это странно, в такой дикой, безнадежно тоскливой обстановке эти роскошные цветы. Вы знаете, Крымов... Ой, мамочка!- она вдруг дернулась, как от удара, подалась назад и, должно быть, зацепившись за корягу, упала навзничь на острые сучья валежника.

– Эвелина, мисс Эвелина, что с вами? – Денис успел заметить, как острый камень молнией просвистел над ее руками и, срезав нежные стебли цветов, с хрустом вонзился в стоящее неподалеку дерево. Камень не причинил Эвелине никакого вреда. Но, падая на сучья, она сильно ободрала руку и теперь с ужасом смотрела на кровоточащий локоть.

– Что это? Снова они?

Денис помог журналистке подняться, осмотрел руку.

– Ничего страшного, небольшая царапина. До свадьбы заживет.

– Вы еще смеетесь! А ведь каких-нибудь двадцать сантиметров выше, и все было бы кончено. Но за что? Что я им сделала?

Денис чувствовал себя так, будто сам был повинен во всем случившемся.

– Успокойтесь, Эвелина. Встаньте на всякий случай вот сюда, за эти кусты,- он подошел к дереву и извлек из коры тонкий, искусно обколотый кусок обсидиана – вулканического стекла, прочного и острого, как лезвие ножа. И сразу вспомнил, что точно такой же обломок камня был брошен и в Курта. Значит, обсидиан служил постоянным оружием островитян. Вот тебе и цивилизованные леди и джентльмены!

Денис вернулся к Эвелине, показал ей свою находку.

– Словно из каменного века.

– А вы говорили, не дикари. Да это звери! Людоеды! Напасть так вот, ни за что, ни про что на беззащитную женщину!

– А вы уверены, что камень был предназначен вам, а не мне?

– Да какое это имеет значение! Идемте скорее отсюда. Я больше шага в лес не сделаю.

«Да, все это, конечно, не совсем понятно, – размышлял Денис, стараясь двигаться так, чтобы оставаться по возможности под прикрытием деревьев. – В кого они все-таки целились, в нее или в меня? И что им не понравилось? То, что мы собирали яйца? Или то, что я нарвал цветов? Но яйца я собирал и прежде. А цветы... Цветы могли быть для них неким табу, некой святыней, связанной с их религиозными канонами. Тогда можно понять их гнев».

Денис поделился своими мыслями с журналисткой. Та нервно передернула плечами.

– Вы, кажется, пытаетесь еще их оправдывать?

– Я хочу их понять. Без этого невозможно будет здесь жить, мы не можем ссориться с ними. К тому же я не могу поверить, что это просто акт бессмысленной жестокости.

– Боже, какой идеалист!

– Тише, Эвелина. – Денис прислушался. Ему показалось, что из зарослей доносится знакомый писк обезьяны. Но в лесу по-прежнему слышался лишь птичий гомон. Камень упал будто с неба. И это было особенно страшно.

Но вот и берег. Они вышли к океану почти у самой скалы и еще издали услышали проклятья и вопли Курта. Что там еще случилось? Они поспешили в лагерь и стали свидетелями отвратительной сцены.

Курт с перекошенным от бешенства лицом, как разъяренный бульдог, насккивал на пятащегося от него Жана и кричал срывающимся голосом:

– Где мой чемодан? Где мои бумаги? Куда ты подевал?!

– Да что ты взъерился? Что пристал? – отвечал побледневший француз. – Не нужны мне твои бумаги. Не знаю я, куда они девались.

– Ах, ты не знаешь? Не хочешь сказать? Так получи еще!

Жан дернулся от сильного удара, но, отскочив в сторону, закричал на весь лагерь:

– Бей! Бей, проклятый бош! Только знай, если найдутся твои мерзкие бумаги, я их брошу в океан!

– Что-о?! – Курт снова метнулся к Жану, но Денис успел схватить его за руку.

– А ну стой! Что тут происходит? Что случилось?

– Что случилось? А то, что этот паршивец выкрал мой чемодан, мои бумаги.

– Но почему ты думаешь, что он?

– Кто же еще? Нас двое было в шалаше. Я уснул на какие-нибудь полчаса. Просыпаюсь – нет чемодана! И если он сейчас же не скажет, куда запрятал мои вещи, я... – Курт снова бросился к Жану.

– Да стой, тебе говорят! – крикнул Денис – Давай разберемся. Ты, значит, спал?

– Говорят тебе, уснул на полчаса, а он...

– А ты, Жан?

– Я тоже спал. И с какой стати понадобились бы мне эти проклятые бумаги? Что я, такой же ростовщик, как Курт! Да послушайте-ка, м-р Крымов, что я недавно узнал. Оказывается, этот подонок вовсе не...

– Заткнись, щенок! – Курт молнией рванулся к француз.

Но еще прежде раздался испуганный возглас Эвелины:

– Ни слова больше, Жан! Пожалуйста, замолчи!

– Но м-р Крымов еще не знает...

– Я умоляю тебя, Жан!

– Ты слышал, что тебе сказали? Только пикни! – Курт яростно рванул его за плечо. – И попробуй еще подслушивать!...

– Да что вы все на меня!- взмолился француз.- Не подслушивал я. Сами кричали на весь остров. И не брал я никакого чемодана. Не брал!

– Подожди, Жан, – остановил его Денис – Я, кажется, начинаю понимать, в чем дело. Если вы оба спали, то... Пеняй на себя, Курт. По-видимому, твой чемодан выкрали те же, кто только что напал на нас с Эвелиной. Видишь, что у нее с рукой?

– Напали на вас?! Кто?

– Кто живет здесь, аборигены острова.

– Какие аборигены? Разве остров обитаем?

– Теперь ты сам убедился в этом.

– Проклятье! Не хватало еще каких-то черномазых!

– Почему обязательно черномазых?

– Кто еще может жить в этой дыре. Ну, попадись они мне сейчас!...- Курт скрипнул зубами и, даже не взглянув на окончательно сникшую Эвелину, не поинтересовавшись, что у нее с рукой, побежал к лесу. Впрочем, скоро он вернулся и, не говоря ни слова, забрался в свой шалаш.

Денис проводил его взглядом.

– Что вы обо всем этом думаете, мисс Эвелина?

– Не знаю! И, честно говоря, не хочу знать! Я устала, понимаете, устала! Никогда не думала, что в наше время возможно что-нибудь подобное. Не хватает только пиратов с черным флагом. – Она нервно рассмеялась и отошла к Жану.

– Пойдем, Жан, к воде. У тебя кровь идет из носу, надо остановить.

– Спасибо, мисс Эвелина. Вы так добры. А что у вас с рукой?...

Денис подсел к костру, подбросил хвороста. На душе у него было невесело. Кто же были хозяева острова? Неужели все-таки дикари?

Он попробовал раздуть костер, но взглянул случайно вверх и мгновенно замер, прижался к земле от страха: там, на верхушке большой старой груши, притаилось что-то сажисто-черное с огромными свирепо горящими глазами.

Денис затаил дыхание, потом, крадучись, стараясь не показывать спину, отступил к шалашам и встал в тень скалы. Чудовище по-прежнему не сводило с него страшных глаз. Что это, какое-то дикое животное или?... Но в следующую секунду ветер всколыхнул листья дерева, и Денис едва удержался, чтобы не разразиться хохотом: там, в ветвях груши, висел, блестя на солнце никелированными замками, злополучный чемодан Курта. Вот так сюрприз!

– Курт! Курт, иди сюда, где ты запропастился? – крикнул Денис, возвращаясь к костру.

– Что там еще? – глухо раздалось из шалаша.

– Иди сюда, говорю. Дело есть.

– Нашел время для каких-то дел! – огрызнулся немец.

– Ну, если тебя не интересует даже твой чемодан...

– Чемодан?! – Курт пулей вылетел из шалаша. – Ты знаешь, где мой чемодан?

– Знаю.

– Где?

– Подними глаза вверх. Да не туда, не туда. Вон на то дерево!

Курт послушно повернул голову и стремглав бросился к груше.

– Чемодан! Мой чемодан! Вот счастье! Как же он там оказался? Кто затащил его в такую высь? Птицы?

– Ну, птицам это едва ли по силам. Похоже, тут побывали люди. И люди, не лишенные чувства юмора.

– Хорош юмор: ограбить человека! – Курт попытался вскарабкаться на дерево. Но, поднявшись метра на полтора, сорвался вниз и рухнул в колючий кустарник.

– Проклятье! Тысячу чертей в глотку этим черномазым! – рычал он, стараясь выбраться из цепких зарослей. – М-р Крымов, прошу тебя, помоги мне достать чемодан, придумай что-нибудь, я знаю, тебе это раз плюнуть.

– Ладно, поужинаем, попробую.

– Поужинаем! Я не знаю даже, целы ли там бумаги. Может, чемодан давно пуст?

– Тогда нет смысла и лезть в такую высь.

– Не шути, Крымов! Для меня это, сам знаешь, равносильно жизни или смерти. В тех бумагах все мое будущее. Умоляю тебя, придумай что-нибудь. Сейчас, до ужина!

– Ну, если речь идет о жизни и смерти! – Денис сбросил ботинки, поплевал на руки и, подтянувшись к нижнему сучку, полез вверх по стволу.

Лезть на грушу было не просто. Ветки ее оказались колючими. Чемодан висел высоко. Но карабкаться по деревьям было для Дениса делом привычным. В детстве у себя в поселке он забирался и не на такие лесины.

Не прошло пяти минут, как сокровище немца было у него в руках.

– Эй, Курт, лови! – крикнул он, свесившись вниз. Однако немец затряс головой, замахал руками.

– Нет-нет, не бросай, пожалуйста. Он может раскрыться.

Вот морока с этими капиталистами! Денис мысленно выругался, но спустился, не выпуская чемодана из рук.

– Получай свое «будущее»!

Курт схватил чемодан, дрожащими руками раскрыл замки.

– Все цело! Все-все! Чемодан даже не раскрывали. Спасибо, Крымов. Теперь я его из рук не выпущу. – Он прижал чемодан к груди и полез в шалаш.

– Куда же ты? А ужинать?
– Да-да. Я сейчас. Вот только спрячу.
– Давай-давай! Мисс Эвелина, Жан, куда вы подевались? Пожалуйте ужинать! – крикнул Денис, закладывая яйца в костер. На душе у него снова стало легко и спокойно: люди, которые умели так весело шутить, не могли быть злыми. А вся эта история с камнем несомненно была лишь каким-то недоразумением. Все дело заключалось, видимо, в цветах. Недаром камень был пущен так, чтобы только выбить их из рук Эвелины. Иначе они могли бы бросить и второй и третий камень.

Глава четырнадцатая

Бутылки из-под кока-кола оказались очень кстати. Теперь хоть было в чем приносить воду. Но ее надо было и кипятить. При той жаркой погоде, какая наступила в последние дни, стоячие водоемы могли превратиться в рассадник любой инфекции.

Так возникла мысль заняться изготовлением посуды. Однако настоящей глины найти не удалось. Всюду, и на холмах и в распадках, под тонким слоем почвы лежал сплошной массив пемзы. Денис облазил почти весь остров, прежде чем в небольшом обрывчике, неподалеку от Крокодилова мыса обнаружил полузадернованную жилу диабаз. Жила была небольшой, чуть толще телеграфного столба. Но, подчистив ее ножом, он увидел, что диабаз сильно выветрил местами превратился в липкую труху, которая легко сминалась в пальцах. Это было уже кое-что. Фарфора из такой массы, конечно, не сделать, но слепить что-нибудь вроде чаши стоило попробовать.

Набрав этой «глины», Денис направился к лагерю.

Здесь, у костра, он нашел лишь Эвелину.

– Вы одна? А где ребята?

Она пожала плечами.

– Жан пошел, кажется, поискать яиц. А вслед за ним отправился и Курт, сказал, что хочет получше познакомиться со своими владениями.

– Вот как! Давно ушел?

– Не очень. И чемодан с собой прихватил.

– Ну, пусть погуляет. А у меня идея, мисс Эвелина.

– Вы без идей не приходите. И снова что-то принесли. Я вижу, какая-то земля... Что-нибудь интересное?

– Нет, это всего лишь глина. Точнее, что-то вроде глины. Хочу попробовать сделать кое-какую посуду, хотя бы для кипячения воды.

– Вот хорошо!

– Только не знаю, что получится. Настоящей глины найти не удалось. Да и не приходилось мне заниматься этим делом.

– Ничего, попробуем вместе, – оживилась Эвелина. – Когда-то в колледже нам преподавали основы ваяния. Я понимаю, это далеко не одно и то же, но... Давайте вашу глину, несите воды.

– Денис сбегал за водой, и работа закипела. Не прошло получаса, как приготовленное им мягкое пластичное «тесто» превратилось в руках Эвелины в два аккуратных, даже красивых сосуда, напоминающих среднеазиатские пиалы. Денис должен был признать, что ничего подобного он не смог бы сделать, несмотря на все старание.

– Прекрасно, Эвелина. Вы прирожденный гончар. Теперь мы их подсушим и в огонь! – Денис поставил пиалы на солнце и, вымыв руки, опустился на груды валежника. Журналистка присела рядом, но тут же вскочила,

– Ой, смотрите – дым!

– Где?

– Вон, прямо в океане, чуть правее Крокодилова мыса, видите? Неужели это... – Эвелина даже побледнела от волнения.

- Да, в самом деле, только... – Денис внимательно всмотрелся в темный, вздымающийся над горизонтом столб дыма.
- Что только? – нетерпеливо теребила его за рукав журналистка.
- Да понимаете, мисс Эвелина... Впрочем, сейчас я взгляну на него со скалы.
- Денис быстро вскарабкался на смотровую площадку и, приставив к глазам бинокль, отчетливо увидел, что дым клубится над самой водой и не просто клубится, а будто вырывается упругими струями из гигантской форсунки, взлетая то выше, то ниже, увлекая за собой какие-то светящиеся сгустки, тут же рассыпающиеся снопами искр.
- Денис мгновенно забыл и об Эвелине и о ее невысказанных надеждах.
- «Так я и думал – вулкан! Подводное извержение вулкана. Вот если бы подплыть к нему ближе! Но нет, ветер дует вбок, значит остров пройдет стороной. Какая жалость!»
- А снизу все настойчивее, все нетерпеливее несло:
- Ну, что там, корабль, да? Корабль?
- Денис с сожалением оторвал глаза от вулкана и спустился вниз.
- Нет, мисс Эвелина, там всего лишь извержение вулкана. Может, хотите взглянуть с высоты? Картина впечатляющая!
- В глазах девушки блеснули слезы. Она молча покачала головой и, махнув рукой, отошла в сторону. Но несколько минут спустя снова вернулась к Денису.
- Там что же, остров?
- Нет, вулкан подводный. Но не исключено, что в недалеком будущем здесь родится остров. Помните, мы говорили о таких островах при первой встрече у вас в каюте?
- Помню, но до сих пор не могу понять, откуда берутся такие острова в самой середине океана. Ведь здесь, должно быть, такая бездна.
- Вы ошибаетесь, Эвелина. Как раз центральные части океанов не имеют больших глубин. Если бы чаша Атлантики вдруг осушилась, вы увидели бы, что вдоль всей срединной ее части простирается громадный хребет с вершинами, поднимающимися чуть не до поверхности воды, хребет чрезвычайно геологически активный. Он вздымается до сих пор. И по сей день происходят разломы, разверзаются трещины, изливаются магматические расплавы, то есть возникают такие вот подводные вулканы. И когда кратеры этих вулканов поднимаются выше поверхности океана, мы видим рождение острова. Сложены такие острова темными глубинными породами. Недра Земли как бы выворачиваются в этих разломах наружу. И именно за счет этого Америка до сих пор все дальше отодвигается от Европы.
- Америка отодвигается от Европы?!- воскликнула пораженная журналистка.
- Да, точные измерения со спутников показали, что береговая линия Америки непрерывно отдалается от береговой линии Европы примерно на один сантиметр в год.
- Так что же, значит, теория Вегенера, о которой нам когда-то рассказывали в колледже и которую, как я потом слышала, опровергли, все-таки восторжествовала? – заметила Эвелина. – Материки плывут?
- Нет, Вегенер был не совсем прав, хотя доказательства, приведенные им в свое время, легко убедили современников. Почти точное совпадение очертаний восточного берега Южной Америки и западного берега Африки, продолжение американских геологических структур на Африканский континент и далее в Индию и Австралию служили, казалось, бесспорным подтверждением того, что материки эти составляли в далеком прошлом одно целое, а затем разошлись, раздвинулись. Но скоро было доказано, что материки не могут так просто плыть. Расширяется океан.
- Боже, час от часу не легче! Расширяется океан... Да отчего же? Значит, сокращается площадь материков?
- Ни в коем случае. Материки своих позиций не уступают. Увеличивается поверхность Земли. Поверхность всей планеты в целом.
- Но почему?
- Потому что объем Земли непрерывно растет. И растет очень существенно.

– Как объем растёт? Ведь масса Земли...

– Масса Земли практически не изменяется. Но вспомните, ведь плотность ее глубинных частей значительно больше, чем плотность поверхностных образований. Даже плотность верхней мантии почти в полтора раза больше плотности земной коры. А между тем, именно оттуда, из верхней мантии, непрерывно, в течение всей истории Земли поступают магматические расплавы, отвердевающие затем в виде базальтов и иных поверхностных пород небольшой плотности. Таким образом, Земля наша, по крайней мере в верхней ее части, непрерывно разуплотняется. А это неизбежно должно вести к увеличению объема. Но раз увеличивается объем, то увеличивается и поверхность планеты.

– Понятно... Но чашечки наши, кажется, подсохли, – вспомнила Эвелина.

Денис взял одну из пиал, пощелкал по ней пальцем.

– Больше чем достаточно. Попробуем обжечь, – он закопал чашки в золу костра и, навалив побольше сушняку, вернулся к Эвелине.

– Да-а, все дело в увеличении поверхности планеты и срединных океанических хребтов, вроде того, какой вздымается со дна Атлантики. В разломах этого хребта и идет подъем расплавленного мантийного вещества к поверхности земли. Ну, а дальше... Вы слышали, может быть, что вся твердая оболочка Земли состоит из нескольких гигантских подвижных плит. Такие плиты лежат и по обе стороны Срединно-Атлантического хребта. Так вот, в области хребта эти плиты непрерывно наращиваются за счет отвердевания расплавленного вещества и, как бы отталкиваясь от него, скользя по более вязкой астеносфере, отодвигаются, подобно ленточному конвейеру, все дальше на восток и запад, увлекая с собой и «впаянные» в них континенты. Следовательно, материки не «плывут», а «едут» на бесконечно движущихся плитах, отдаляясь все дальше друг от друга и расширяя таким образом акватории океанов. Кстати, последние измерения возраста донных пород Атлантики вполне подтверждают это. Оказалось, что базальты в районе самого Срединного хребта образовались всего каких-нибудь три-пять миллионов лет назад. По мере же удаления от него возраст этих пород постепенно возрастает до ста двадцати миллионов лет.

– Очень интересно! Но почему в таком случае не понижается уровень океанических вод? Ведь если площадь океанов увеличивается, они должны катастрофически мелеть.

– Никоим образом! Дело в том, что мантийные расплавы, поднимающиеся из земных недр, содержат колоссальное количество водяных паров. На каждую тонну базальта приходится не менее семидесяти килограммов воды. Это громадная цифра. За всю историю Земли на ее поверхности скопилось таким образом... В общем, если выразить ее в кубометрах, то получится циферка с восемнадцатью нулями. Вы только представьте такую величину! Кстати, легко подсчитать, что если бы океанические впадины не расширялись, то эта масса воды давно бы залила все континенты Земли.

– Та-ак. И все-таки... Как бы ни увеличивалась поверхность Земли, эти ваши плиты не могут двигаться бесконечно, рано или поздно они должны столкнуться друг с другом.

– Верно! И это самое интересное. Плиты действительно сталкиваются друг с другом и либо уходят, подныривают одна под другую на глубину до семисот километров, где снова смешиваются с мантийным веществом – недаром я сравнил их с ленточным конвейером – либо вздымаются вверх, образуя гигантские хребты типа Гималаев или Анд. Но пора взглянуть на наш с вами «фарфор», – Денис разгреб золу и еле удержался от крепкого словца: обе пиалы растрескались на мелкие кусочки.

– Эх, мать честная! Что же мы сделали не так, как нужно? – он долго мял в руках оставшуюся глину, даже попробовал ее на вкус. И вдруг стукнул себя кулаком по лбу. – Эх, растяпа! В ней же нет ни крупинки песка. Ну, это дело поправимое. Начнем все сначала.

– Эвелина послушно поднялась с валежника. Денис принес песку и принялся снова месить свое «тесто».

– Теперь должно получиться...

– Будем надеяться.

Но только после пятой или шестой попытки, когда они потеряли всякую надежду на успех, из золы показалась совершенно целая, без единой трещины посуда, напоминающая перевернутую шляпу.

Журналистка попыталась скрыть улыбку. Но Денис готов был плясать от радости.

– Смейтесь, смейтесь, мисс Хинтон. Я сам вижу, это не китайский фарфор. Но чайком вас сейчас угощу, – весело приговаривал он, извлекая из золы шляпки поменьше, долженствующие играть роль чайных чашек.

– Кипятчком, вы хотите сказать?

– Нет, чаем, именно чаем! Я листьев смородины и мяты прихватил по пути. Не пробовали?

– Честно говоря, не приходилось.

– Жаль...

Эвелина снисходительно улыбнулась. Но когда минут через двадцать Денис поставил перед ней чашку горячего душистого напитка, она искренне призналась, что ни разу в жизни не пила ничего подобного.

– Не хватает разве только маленького кусочка пирожного.

– Я согласился бы и на маленький кусочек хлеба, но... пока могу предложить вам только это, – Денис положил перед Эвелиной небольшой букетик земляники.

– Ягоды? Спасибо! Где вы их нашли?

– Там же, неподалеку от Крокодилова мыса. Только почему-то очень мало. Видимо, слишком много здесь тени, – Денис взглянул на потемневший лес и нахмурился: – Куда однако запропалились наши молодцы?

– Не знаю. Без них так спокойно...

– Да, пожалуй. И тем не менее не пришлось бы идти на поиски.

– Как на поиски? Ведь уже почти ночь.

– Именно потому, что уже ночь. – Денис встал, прошелся вдоль опушки леса. – Да, надо идти. Вы ждите меня здесь, и если они появятся...

– Как ждать здесь? Вы намерены оставить меня одну? Я не останусь. Ни за что!

– Что ж, если хотите, пойдем вместе. Я знаю, там есть одно опасное место. И если они вздумали искупаться...

– Хорошо, я иду с вами.

– Однако поиски не дали никаких результатов. Они обошли весь Китовый мыс, выбрались к старому лагерю, кричали, обшаривали каждый куст – Курт с Жаном словно сквозь землю провалились.

Эвелина в изнеможении опустилась на камень.

– Больше не могу. Да и ни к чему все это. Они, наверное, давно в лагере спят, а мы тут ноги ломаем.

Денис не видел в темноте ее лица, но чувствовал по голосу, что Эвелина окончательно выбилась из сил.

– Да, больше пока ничего не сделать. Придется подождать утра. Вот что, Эвелина, забирайтесь-ка в свой старый шалашик и спите.

– А вы?

– И я тут где-нибудь пристроюсь до рассвета.

– Не валяйте дурака, Крымов. Места в шалаше хватит на двоих.

– Да нет, мне так удобнее.

– Ну... как знаете.

Глава пятнадцатая

Рассвет застал Дениса на ногах. Он быстро ополоснул лицо и, не окликая Эвелины, напрямик через лес направился в лагерь под скалой. В шалаше спал Курт, но место

француза было пустым. Денис обшарил весь лагерь, заглянул в шалаш Эвелины – Жана не было нигде. Денис растолкал немца.

– Курт! Да проснись ты, проснись! Где Жан?

– Не знаю.

– Но вас обоих не было всю ночь.

– Ничего подобного. Я пришел еще вечером. Это вы все куда-то запропастились.

– Запропастились! Мы искали вас.

– Очень тронут. Только зря старались. Я уже говорил, мне спасатели не требуются.

– Но Жана нет до сих пор. Он пропал. Понимаешь, пропал!

– Ну и черт с ним!

– Что ты говоришь! Надо найти его.

– Ты хочешь, чтобы я пошел искать этого паршивого французика? Нет уж, уволь!

– А где ты видел его в последний раз?

– Здесь, в лагере, вчера утром.

– Но где ты сам-то пропадал весь день?

– Я не спрашиваю, куда уходишь ты. Что ты пристал ко мне?

– Я уже сказал, пропал Жан.

– А я здесь при чем?

– Неужели тебя совершенно не тревожит судьба товарища?

– Нашел товарища! И хватит о нем! Я спать хочу. Денис понял, что больше от немца не добиться ни слова. Он раздул огонь в костре, навалил туда побольше хвороста и вернулся к Эвелине. Она еще спала.

«Что же, схожу пока за рыбой», – решил Денис.

Он двинулся, как всегда, по-над берегом и прошел с полпути, как увидел на песке чьи-то большие свежие следы. Следы тянулись вдоль самого берега по направлению к запруде, потом круто сворачивали вверх и терялись в прибрежных зарослях. Денис присмотрелся к ним внимательнее и даже присвистнул, поняв в чем дело.

– Это же следы Жана, следы его модных остроносых ботинок! Вот оно что! Француз, видимо, устал, проголодался, решил спрямить путь, пройти к лагерю этим поперечным распадком и либо сбился с пути, либо... Во всяком случае, теперь ясно, где его искать.

Денис вернулся к шалашу.

– Эвелина! Мисс Эвелина! Вы спите?

– Да, сплю. И вам советую.

– Нет, я спать не хочу. Я уж и к лагерю сходил.

– И что же?

– Курт там, а Жана нет. Но сейчас здесь, неподалеку, я нашел, кажется, его следы. Они ведут в лес. Вы пойдете со мной?

– Никуда я не пойду. Думаю, так вам будет «удобнее».

– Ну, простите... – Денис вздохнул, махнул рукой и решительно двинулся в путь.

Теперь он мог рассмотреть следы. Шел француз уверенно, обходя малейшие неровности пути, значит, свернул в лес еще до наступления сумерек. Но вот здесь, в лесу, проследить его путь оказалось значительно сложнее, трава успела подняться, моховой ковер подернулся свежей росой. Лишь предположение, что Жан выбирал наиболее легко проходимые участки распадка, позволяло Денису угадывать направление его движения. Однако скоро распадок раздвоился, пришлось осматривать оба отвержка. Наконец, оба уперлись о крутой, сильно заросший склон холма.

Денис принялся кричать:

– Жан! Жа-а-ан!

В ответ раздавалось только эхо. Денис вернулся к началу развилки и снова крикнул:

– Жа-а-ан, откликнись! – И вдруг валежник у него под ногами как-то странно осел, прогнулся, затрещал, а в следующее мгновение он полетел куда-то вниз.

Падение закончилось удачно. Денис по колено увяз в мягкой древесной трухе. Но когда он глянул вверх и по сторонам, то вмиг похолодел от ужаса. Он стоял на дне глубокой ямы, напоминающей огромный пузатый графин. Стенки ямы были абсолютно гладкими, словно отполированными, дно завалено мокрым полусгнившим валежником, а сверху, на высоте не менее пяти метров, светилось большое круглое отверстие.

Денис догадался, что это бывший газовый пузырь, явление обычное для вулканических толщ. Но как выбраться отсюда? Эвелина понятия не имеет, куда пошел Денис. Курт пальцем не пошевелит, чтобы найти его. А Жан? Жан сам, наверное, сидит на дне такой ямины. Выбраться же отсюда самому...

Он еще раз обшарил глазами свою западную. Нет, выбраться отсюда самому, без посторонней помощи труднее, чем бежать из крепости.

Денис закусил губу, крепко, до боли сцепил пальцы рук. Что же делать? Кричать? Но кто услышит? Ждать? Но чего? Даже если в ближайшие дни прибудет теплоход, и тогда никто не придет ему на помощь. Кому взбрет в голову обшаривать каждый метр этих зарослей?

Денис вскочил на ноги и снова заметался по яме, лихорадочно соображая, что можно было бы предпринять для своего спасения. Однако все было тщетно. В стенах ямы ни выбоины, ни трещины, сверху она замыкалась крутым массивным сводом, а на дне не было ничего, кроме мелких гнилых сучьев.

Обшарив еще раз весь пол и стены подземелья, перебрав и перепробовав все возможные варианты спасения, он в отчаянии опустил на валежник. Потянулись длинные, нестерпимо длинные минуты...

И вдруг!

Денис прислушался. Словно кто-то ходит вокруг ямы... Нет, все стихло. А вот опять! Он быстро вскочил.

– Ого-го! Кто там? В ответ ни звука.

Денис поднялся на носки, приложил ладони ко рту.

– Э-гей! Люди! Помогите! Здесь, под землей, человек. Помогите-и-те!

И снова тишина.

– Нет, показалось... Или зверь какой-нибудь проходил, – Денис снова сел, обхватил голову руками.

И как он не заметил этого предательского провала, как мог забыть, что в толщах пемзы всегда могут быть такие газовые пузыри?

Теперь время словно остановилось. В горле стало сухо, страшно захотелось пить. Смертельной тоской сдавило сердце. Неужели вот так и закончится его жизнь?...

Но что там шуршит, наверху? Отчетливо шуршит! Он хотел снова крикнуть. Но не успел поднять головы, как что-то с шумом свалилось к нему в яму.

Денис вскочил.

– Лесина?...

Да, то была длинная, до самого верха ямы, тщательно очищенная от сучков жердь. И сучки с нее были срезаны ножом, что не смогли сделать ни Курт, ни Жан, ни Эвелина, потому что единственный нож был в кармане у Дениса. Значит, это опять те, здешние аборигены, его таинственные покровители? И сейчас он увидит их?

Денис бросился к жерди, быстро, обдирая руки, вскарабкался наверх, выскочил из ямы. Но вокруг никого не было. Лишь груды свежесрезанных сучьев лежала чуть в стороне да громко, на все голоса распевали птицы.

– Снова все попрытались... Но почему? Что за странные существа!

Денис пристально всмотрелся в обступившие его заросли и крикнул:

– Люди, где вы? Выйдите, прошу вас! Поверьте, я друг вам. Только друг! Мне так важно увидеть вас!

Он трижды прокричал это по-английски, по-французски и по-русски. Других языков Денис не знал. Никто не откликнулся на его призыв.

– Удивительно...- Подождав еще несколько минут, Денис на всякий случай затесал ножом кору на ближайшем к провалу дереве и медленно, все время оглядываясь, двинулся вниз по распадку.

Из-под ног его то и дело поднимались птицы. Денис машинально нагибался и, если находил в траве гнездо, тут же на ходу выпивал два-три яйца. Думы его неотступно вертелись вокруг происшествия на провале, в голове билась одна мысль – кто же они, эти таинственные аборигены, снова спасшие ему жизнь? В том, что это добрые, благородные люди, можно было, кажется, не сомневаться. Но что в таком случае заставляет их прятаться? И где они скрываются до сих пор на острове?

Занятый такими мыслями, Денис вышел к океану и еще издали увидел Эвелину, нервно вышагивающую возле шалаша.

– Крымов! Наконец-то! Где вы запропастились? А Жана нет?

– Пока нет.

– Что значит пока?

– Я подозреваю, что он провалился в одну из глубоких ям, каких, должно быть, немало на этой вулканической глыбе. Я сам сейчас провалился в такой погреб. Как раз там, где обрываются его следы. Но найти его будет непросто: ямы сверху прикрыты валежником. Придется осторожно обшарить весь этот распадок.

– Однако, вы, я слышала, кричали, звали его?

– Да, и не один раз.

– И думаете, он не услышал бы вас, не подал голоса?

– Как вам сказать... Я теряюсь в догадках.

– А что сказал Курт?

– Сказал, что не видел Жана с утра.

– И вы верите ему?

– У меня нет оснований...

– У вас нет оснований! А где он сам пропадал весь день? Почему пришел в лагерь так поздно?

– Я спрашивал, он не говорит.

– Еще бы он все выложил вам!

– Вы что же, подозреваете...

– Я ничего не подозреваю, просто я знаю Курта больше, чем вы. И уже говорила вам, это страшный человек.

– Вы боитесь его?

– Да, боюсь. И чем дальше, тем больше.

– Но ведь вы здесь не одна, мисс Эвелина. Мы с Жаном... Я, по крайней мере... Вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

– Спасибо, Крымов. Только знаете, что я вам скажу. Простите, конечно, за откровенность. Но с вами мне еще страшнее.

– Почему? – удивился Денис.

– Потому что я между вами и Куртом... Как бы это лучше объяснить? Ведь вы, как два тигра в клетке. Мира между вами не будет никогда. А вы будто нарочно еще больше обостряете отношения. Зачем это? Мне многое нравится в вас, Крымов. Но много в вас и такого, что я не могу понять, не могу увязать с вашим умом, вашим трезвым взглядом на жизнь. С одной стороны, вы принципиальны, прямолинейны сверх всякой меры. А с другой... Как бы это сказать?... Слишком добры, слишком покладисты, мягкотелы, слишком доверчивы, что ли. Ну, зачем вы тогда, чуть не в первый день, ударили Курта? Ведь можно было просто отказаться от его предложения, не обостряя обстановки, тактично. А вы, как еж, оцетинились всеми своими иглами... И в то же время фактически все тянете на себе, работаете за всех. А вчера даже после того, как Курт устроил

настоящее побоище из-за мнимой пропажи чемодана, вы не нашли ничего лучшего, как полезть за этим чемоданом на дерево. Мне хотелось надавать вам за это пощечин. А Жан, который вначале готов был молиться на вас, наверное, возненавидел вас после этого. Или вот еще – вы, я знаю, прячете от всех какую-то безделушку, а ножом вашим, единственным здесь оружием, может воспользоваться кто угодно. Словом, вы постоянно бросаете Курту вызов и в то же время показываете ему свои слабые стороны, которыми – поверьте мне, Крымов! – он не преминет воспользоваться. Я же между вами, как между двух огней... Вы понимаете меня?

Денис нахмурился.

– Я понимаю вас. Но хочу, чтобы и вы поняли меня. Не ударить Курта в тот день я не мог. Есть вещи сильнее здравого смысла и общепринятой логики. То, что вы назвали «предложением», я воспринял как величайшее оскорбление. И тут мне добавить больше нечего. Что же касается моей нетактичности, то я просто не считаю себя обязанным быть тактичным с этим фашистским вырожденком. Потому что я чту свое достоинство и свою гордость. Гордость советского человека.

– Боже, какое значение это имеет здесь, сейчас!

– Это имеет значение везде и всегда, а в таких экстремальных условиях – тем более. Вы, насколько я понял, хотели бы убедить меня поступиться этой гордостью, стать ради мира в нашей колонии более терпимым к этому негодяю. Этого не будет никогда. Я могу пожалеть женщину, больного человека, даже обезьянку. Но потакать прихотям богатого бездельника меня не заставит никто, чем бы мне это ни грозило. А почему я, тем не менее, сам все «тяну», как вы выразились? Так это я делаю ради себя, немного ради вас. Просто, чтобы выжить, чтобы вырваться из этой западни. Ведь не сделаю этого я, этого не сделает никто. Обычный разумный эгоизм! Ну не могу же я, наловив, скажем, рыбы, не пригласить к столу даже ненавистного мне Курта. У нас так не делают...

Денис сильно потер лоб.

– А вот то, что вы сказали относительно ножа и эта история с чемоданом... Тут вы правы. Да, правы! Не стоило мне лезть на дерево. И я извинюсь за это перед Жаном.

– Если вам представится еще такая возможность.

– Что вы хотите этим сказать?

Журналистка отвела глаза в сторону.

– Я не могу сказать еще ничего определенного. Но боюсь, что больше мы не увидим нашего Жана.

– Нет! Я найду его. Найду во что бы то ни стало! Хотя бы мне на четвереньках пришлось исползть весь этот распадок.

Но многодневные поиски закончились ничем. Денис обшарил и весь распадок и все прилегающие холмы, нашел еще два газовых пузыря, даже спустился в них – Жана нигде не было.

Зато недели полторы спустя на противоположной стороне острова, на наблюдательной скале, где он проводил теперь большую часть времени, его ждала другая находка, другое открытие, которое перевернуло всю его жизнь.

Глава шестнадцатая

Солнце спустилось к самой воде, когда Денис, вынув из тайника бинокль, в последний раз в этот день забрался на скалу. Вечер выдался ясным. Зной спал. Ветра почти не чувствовалось. Воздух был так чист и прозрачен, как бывает лишь в открытом океане, за тысячи миль от берегов.

Но тщетно всматривался Денис в бесконечную линию горизонта. Океан был пустынен. Ничто не нарушало золотисто-аквамаринового буйства красок, каким залит был весь океан, весь опрокинувшийся над ним небосвод.

Денис сел на теплый от дневного зноя камень и, положив бинокль на колени, провожал глазами солнце. Сейчас, когда оно уходило все больше в воду, на него можно было

смотреть незащищенными глазами. Но по воде еще бежала ослепительно яркая дорожка, и крохотные золотинки мерцали на металлических обоях бинокля.

Мысли Дениса вновь обратились к неведомым предшественникам их судьбы. Кто же были они, те, кто оставил здесь эту вещицу, и долго ли пришлось им вот так, сидя на вершине скалы, провожать уходящее солнце? Денис снова поднес бинокль к глазам и вдруг заметил на тубусе полустертую надпись. Что бы это могло быть?

– Дап... Или Даи... Нет, Дан... – дальше буквы были неразборчивы.

Он почистил рукавом позеленевший металл и вдруг отчетливо прочел:

– Даная.

Солнце блеснуло в последний раз и ушло под воду. Узкий зеленый луч взметнулся в небосвод, качнулся из стороны в сторону, растаял в ранних сумерках. Свежей сырой прохладой дохнул внезапно окрепший ветер. Но Денис не заметил всего этого.

– Даная... Даная... – шептал он, не сводя глаз с бинокля. Память настойчиво подсказывала, что где-то, что-то было связано с этим словом. Что-то очень большое, очень важное. – Даная...

И вдруг он вспомнил. Это же название яхты, на которой, по рассказам Грея, вышли на последнюю морскую прогулку м-р и миссис Томпсон со своей дочерью, яхты, которая высадила их на необитаемый остров и которой не суждено было забрать их обратно.

Но если бинокль с «Данаи» оказался здесь, то... Денис вскочил с места и в сильном волнении заходил по скале.

– Как это рассказывал м-р Грей?... «Остров крохотный, на картах моих не был даже обозначен... Пальм там, правда, не было, но столько зелени, такая чистота, свежесть...» И потом: «Вошли мы в красивую круглую бухту и причалили к небольшому пляжику...» Ну ясно, это о нем, об этом самом острове говорил старый моряк! Это здесь, на этом пустынном берегу, коварный Джордж Томпсон высадил обманутого брата с женой и дочерью, чтобы вечно странствующая каменная глыба унесла их в бескрайние океанические дали!

Здесь, все здесь... Предчувствие не обмануло Дениса. Судьба забросила его туда же, где три года назад осталась пленницей океана синеглазая мисс Норма. Теперь это было очевидным, как и то, что именно им, Томпсонам, принадлежала хижина, развалины которой он обнаружил на берегу Круглой бухты, что именно они разводили здесь на вершине скалы огонь, чтобы сигнализировать проходящим кораблям, что именно они оставили здесь и этот бинокль с надписью «Даная».

Словом, можно больше не сомневаться, что все, о чем рассказывал старый капитан, произошло здесь, на этом каменном айсберге. Но что было дальше? Как сложилась дальнейшая судьба мисс Нормы и ее родителей? К себе на родину они вряд ли вернулись. Ибо такая сенсация, конечно, не осталась бы незамеченной газетчиками. Не говоря уже о том, что об этом не могли бы не знать ни Джордж Томпсон, ни м-р Грей. Не было как будто смысла и сохранять им инкогнито в какой-либо другой стране. Остается предположить, что они так и остались на острове и либо погибли здесь, либо...

У Дениса даже во рту пересохло от вновь вспыхнувшей догадки. Неужели те люди, что прячутся в лесу, трижды спасли его от смерти, и есть до сих пор живущие здесь Томпсоны?

Но почему, почему в таком случае, эти милые американцы не выйдут к ним? Не заговорят с ними, не расспросят, кто они, откуда, не поинтересуются, что делается в мире? Почему они только следят за Денисом и его спутниками, лишь время от времени напоминая о себе столь оригинальным способом. Нет, м-р и миссис Томпсон так поступить бы не могли. М-р и миссис Томпсон... Но ведь с ними была еще мисс Томпсон, мисс Норма. А что если старшие Томпсоны погибли и в живых осталась только она, синеглазая Норма, о которой с таким восторгом говорил м-р Грей?

Тогда, кажется, можно объяснить все. Все, вплоть до... выбитых из рук Эвелины орхидей. И что, в самом деле, вздумалось ему дарить цветы журналистке? Вот если бы он встретил Норму!...

Денис окинул взглядом лежащий у его ног остров и тут только заметил, что день совсем уже угасает. Он начал поспешно спускаться со скалы. Однако мысли его по-прежнему витали вокруг синеглазой хозяйки острова. И от одного предположения, что это она запустила в немца камнем, она помогла выбраться из провала, она не хотела, чтобы он дарил цветы Эвелине, все существо его наполнялось таким острым пьянящим чувством, какого он не испытывал никогда в жизни.

Между тем, стало совсем темно. Ночь наступила сразу. Тьма словно упала на остров, в несколько минут затопив все холмы и лощины. Денис осторожно, почти на четвереньках, миновал последние метры спуска и вышел на берег океана.

Здесь было светлее. Внизу, под обрывом, глухо рокотал невидимый прибой, да где-то высоко над головой тихо шелестели листвой деревья. И больше ни звука не слышалось над спящим островом. Лишь слабый, еле ощутимый запах цветущего жасмина плыл со стороны Китового мыса, напоминая о той, которая, может быть, также стояла сейчас где-то на берегу, вдыхая бодрящую свежесть океанических просторов.

О сне не хотелось и думать. Постояв с полчаса над обрывом, Денис прошел к костру и, подбросив хвороста, начал смотреть на бегущие струйки пламени, вспоминая все то, что говорил м-р Грей о юной мисс Томпсон. Временами ему казалось даже, что он видит во тьме красноватый отлив ее пышной прически, но всякий раз это оказывалось лишь отблеском костра. И все-таки почему бы ей не подойти сейчас сюда?

Денис готов был уже шагнуть во тьму леса и окликнуть ее по имени, как вдруг внимание его привлек шум и приглушенные голоса в шалаше Эвелины. Опять Курт? Впрочем, что ему до них обоих! Денис хотел отойти, но шум в шалаше усилился. А в следующую минуту послышался громкий, переходящий в крик, голос Эвелины:

– Сейчас же убирайся отсюда! Сию секунду!

И тут же показался Курт. Пыхтя и отдуваясь, он подошел к костру и, плюхнувшись на кучу валежника, принялся тереть щеку, словно у него нестерпимо болели зубы. Под ногой Дениса хрустнула сухая ветка. Немец вздрогнул.

– Ты... не спишь?

Денис промолчал.

– Ну, знаешь, подкинула нам судьба попутчицу! – снова заговорил Курт. – И что ей, спрашивается, надо? Тебя она ненавидит. Да-да, так она мне и сказала как-то на днях. Меня, видишь ли, презирает. Презирает! А? И что за спесивый народ эти американцы! А уж эта цаца... И было б отчего ломаться! Будто я не знаю, что она за праведница. Одно слово – журналистка! А, м-р Крымов?

– Я уже сказал, что не привык говорить о женщинах в таком тоне.

– Да, ты идеалист, я это сразу понял. Но я с такой дрянью...

– Перестань, Курт!

– Верно, не стоит на нее и слов тратить. Но вот эти местные жители, аборигены, как ты их называл... О них стоит потолковать. Кто они, как ты думаешь, дикари или цивилизованные люди?

– Думаю, такие же люди, как мы с тобой.

– Ну нет, Крымов! Какой цивилизованный человек не воспользовался бы такими бумагами, как у меня? Там, в чемодане, были ведь и чековые книжки.

– Странное у тебя понятие о цивилизованных людях.

– Я реалист, Крымов. Я современный деловой человек. И я предлагаю тебе союз против этих... аборигенов. Почему бы нам не договориться...

– Ты что, собираешься воевать с ними?

– Пока нет. Но когда мы окажемся в цивилизованном мире, когда сделаем соответствующее заявление и предъявим права на эту землю, они тоже могут выступить с претензиями.

– Ну, разумеется. Они здесь живут.

– Что значит, здесь живут? Мало ли куда могут забраться дикари! Разве они понимают, что это не просто земля, что это своего рода движимое имущество, это ценность? А всякая ценность должна иметь своего хозяина, цивилизованного хозяина, который мог бы закрепить это соответствующим юридическим актом. Я тут прикинул, Крымов... За этот остров, если все обставить, как следует, можно отхватить такие деньги! Голова идет кругом. И я предлагаю тебе, официально предлагаю, стать пайщиком в этом деле. Я, как ты знаешь, первым открыл этот остров. Но поскольку теперь появились еще эти черномазы... Словом, объединимся, Крымов! Вместе мы разделаемся с любыми дикарями. Что же касается доли, какую я могу тебе предложить...

– Постой, Курт! Не надо мне никакой доли. Да и ты не получишь никаких денег. В самом деле, по какому праву ты хочешь распоряжаться этим островом?

– Как по какому праву? По праву первооткрывателя. Во все времена было непреложным законом, что тот, кто первым вступает...

– Куда вступает? Ты сам сказал, что это необыкновенная земля. Это уникал, явление, может быть, единственное на всей планете. И потому принадлежать оно должно всем людям, всему человечеству. Остров этот, конечно, представляет громадную ценность. Но ценность прежде всего научную. И я считаю, что здесь должна быть создана международная научная станция.

– Нет, ты просто неисправимый идеалист! Международная станция! Это в современном мире, где только и глядят, как бы схватить друг друга за горло. Будь уверен, если остров не захватите вы, русские, его сейчас же приберут к рукам американцы. Только частная собственность сейчас может еще дать какую-то гарантию. Что же касается всех этих утопий о принадлежности всему человечеству...

– Почему утопий? Возьми Антарктиду. Там прекрасно сотрудничают ученые ряда стран, и никто ничего не собирается прибирать к рукам.

– Так то Антарктида. О ней слишком хорошо все знают. А кто и что знает об этом острове? Не будь наивным мальчиком! Представь себе, что завтра здесь пришвартуется американский авианосец и высадится американская морская пехота. Пустят они сюда каких-то ученых, каких-то представителей «человечества»? Как бы не так! На пушечный выстрел не подпустят ни одну шлюпку, ни один катер. Даже ваши подводные лодки сюда нос не сунут!

– Вот чтобы не случилось ничего подобного, мы и должны сделать все, чтобы еще до этого об острове узнал весь мир, все люди Земли.

– И ты действительно хочешь сделать это?

– Все, что будет в моих силах!

– Но ведь ты дал мне слово, что не претендуешь на остров.

– Я и сейчас не претендую. И сделаю все, что смогу, чтобы никто не мог претендовать.

– Та-а-ак... Значит, ты решительно отказываешься от моего предложения.

– Отказываюсь.

– И не дашь мне самому распорядиться островом, как я хочу?

– Не дам.

– Вот как ты заговорил! – глаза немца блеснули холодом металла. – Смотри, не обожгись, Крымов! Пора тебе, пожалуй, узнать, с кем имеешь дело. Буквы НДП тебе ничего не говорят?

– Во всяком случае, ничего нового. Я давно догадывался, что ты из породы неофашистов.

– Оставь свои ярлыки при себе, г-н коммунист! НДП – это будущее Германии. Но главное, что тебе следует знать, – в достижении своих целей мы не останавливаемся ни перед чем.

– Знаю и это.

– И хочешь все-таки встать на моей дороге?
– У каждого своя дорога. Я со своей не сверну.
– Ну, хор-рошо! – процедил немец, направляясь к шалашу. Ты пожалеешь об этом.
«Бедный Жан!...» – внезапно пронеслось в голове у Дениса. Только теперь он отчетливо осознал, что тот едва ли стал просто жертвой несчастного случая. Эта мысль мелькала у него и прежде. Но, занятый поисками пропавшего товарища, Денис гнал ее от себя, несмотря на все намеки Эвелины. А вот сейчас стало ясно, что Курт в самом деле мог убить Жана.
Денис вспомнил, как незадолго до своего исчезновения Жан порывался что-то сказать ему о немце, видимо, случайно открыв какую-то его тайну. И это стоило ему жизни.
А вот теперь Денис сам вступал в открытую борьбу с фашистом. Так, может, остановиться? Учесть страшный урок Жана?
Нет! Нет и нет! Именно в память о Жане, в память о миллионах других французов, поляков, русских, павших от рук нацистов, он не отступит.

Глава семнадцатая

Утро следующего дня снова застало Дениса в пути. Встав с восходом солнца, он решил еще до завтрака походить по острову в надежде встретить кого-нибудь из тех, кто так недвусмысленно оказывал ему свое расположение. Он не был, конечно, уверен, что встретит обязательно юную мисс Томпсон. Но надежда на это не покидала его ни на минуту.

Прежде всего он двинулся к берегу Круглой бухты, с тем, чтобы еще раз побывать на развалинах хижины и попробовать пройти по тропинке, которую заметил в бинокль со скалы. Тропинка эта была небезынтересной сама по себе, поскольку имела в прошлом несомненную связь с хижинкой. Однако еще больший интерес вызывала подковообразная скала, в которую упиралась тропинка. Наблюдая за ней со смотровой площадки в бинокль, Денис заметил, что именно там чаще всего вертелась рыжая обезьянка. Между тем, он давно обратил внимание на то, что обезьяна была как-то связана с живущими здесь людьми, а вчера вспомнил к тому же, что Грей рассказывал, будто с мисс Нормой на острове осталась ее ручная обезьянка. Все это могло быть, конечно, лишь случайным совпадением, но... Во всяком случае, у скалы стоило побывать.

Приняв такое решение, Денис спустился к океану и зашагал вдоль берега бухты. Утро только начиналось. Солнце едва поднялось над Китовым мысом, и добрая половина бухты оставалась в тени. Но воздух был уже достаточно теплым, на остров окончательно пришло или остров окончательно вошел в настоящее лето.

Денис вышел на пляж, от которого начиналась тропа, и остановился: трава на тропинке была сильно примята, словно по ней проволокли что-то большое и тяжелое. Озадаченный этим неожиданным обстоятельством, он начал всматриваться в непонятные следы на земле, как вдруг услышал... стон.

Денис насторожился, напряг слух. Через минуту стон повторился – ясно, отчетливо. Не оставалось сомнения, что стонал человек, по-видимому, мужчина, где-то совсем неподалеку.

Подавив невольный страх, Денис поднялся вверх по склону и, раздвинув кусты, действительно, увидел мужчину, распростертого на траве. На вид ему можно было дать лет сорок-сорок пять. Глаза у незнакомца были закрыты. Одежда, брови, волосы на голове казались белесыми от соли. Видимо, несчастного долгое время носило по волнам, и теперь он страдал от жажды.

Однако воды поблизости не было. Пришлось снова бежать к лагерю, разыскивать там запропастившиеся, как всегда, бутылки и, набрав в них воды, возвращаться к пляжу. На все это ушло не меньше получаса. Но когда Денис вернулся к пострадавшему, тот лежал все в той же позе, по-прежнему не открывая глаз, и все так же стонал.

Денис смочил ему лицо, расстегнул ворот куртки, побрызгал на грудь. Незнакомец жадно облизал спекшиеся губы. Денис вылил остатки воды ему в рот. Мужчина открыл глаза и

что-то прошептал. Денис склонился к самым его губам. Но пострадавший говорил, по-видимому, на немецком языке, который Денис почти не знал, поэтому единственное, что он понял, это то, что несчастный много дней провел в океане, что у него кружится голова и он сильно хочет есть.

Денис помог ему подняться, подхватил под руки – благо незнакомец был много ниже его – и повел к базе у скалы. Пляж от шалашей отделяло не больше километра – расстояние, которое можно пройти за десять минут. Но незнакомец еле передвигал ноги, временами Денису приходилось тащить его на себе, поэтому, когда они подошли наконец к костру, Курт и Эвелина уже пробудились ото сна и оба, как по команде, встали им навстречу.

– Это и есть один из твоих аборигенов? – брезгливо поморщился Курт.

– Нет, надо полагать, он такой же несчастный, как и мы.

– Зачем же ты притащил эту падаль?

– Выбирай выражения, Курт! Человек нуждается в помощи. К тому же это, кажется, твой соотечественник,

– Только этого и не хватало! Надеюсь, ты не хочешь этим сказать, что я должен его выхаживать?

– Выхаживать его придется всем. Кстати, Эвелина, попоите его еще, а я схожу поищу яиц. Кроме сырых яиц, он едва ли что сможет съесть пока. Давай, Курт, положим его в шалаш, здесь становится жарко.

Но Курт лишь презрительно сузил глаза.

– Так он и спать будет вместе с нами?

– Где же еще? – Денис втащил незнакомца в шалаш, подложил ему под голову сена.

Курт состроил гримасу.

– В таком случае, я там больше не лягу.

– Хорошо, режь сучья и сооружай себе особняк. А сейчас положи ему под голову жилет, сено колет лицо.

– Клади свой пиджак. Я в санитары не нанимался. – Курт сплюнул и отошел к костру,

– Ну, знаешь! – Эвелина, до сих пор молча наблюдавшая за этой перепалкой, метнулась к Курту с перекошенным от гнева лицом и затрясла кулачками перед самым его носом, – А если бы ты сам... если бы ты сам...

Денис тронул ее за плечо.

– Оставьте его, Эвелина. Займитесь лучше больным. А я побегу в лес. Человек совсем ослаб от голода. Слышите, опять стонет.

– Идите, идите! Я позабочусь о нем. Сейчас принесу воды, – Эвелина взяла бутылки и побежала к лощине. Денис зашагал к лесу.

А когда, часа полтора спустя, незнакомец выпил несколько яиц и окончательно пришел в себя, они узнали через Курта, что он действительно немец, бывший моряк с потерпевшего несколько дней назад кораблекрушение рыболовецкого траулера, долгое время носимый на обломке доски по океану и наконец выброшенный волной на берег острова. Во время катастрофы ему, видимо, повредило обе ноги, они были в бесчисленных синяках и кровоподтеках, но кости, к счастью, оказались целы, и можно было надеяться, что через несколько дней он окончательно поправится.

Придя к такому заключению, Денис решил, что теперь больного можно вполне оставить одного и весь остаток дня использовать для оборудования наблюдательного пункта на вершине скалы.

– Мисс Эвелина, – обратился он к журналистке, – я хочу поработать на скале, вы не можете мне?

– Разумеется, помогу.

– Тогда берите вот эти колья и полезем наверх, – Денис пристроил на плечах вязанку нарезанных с вечера сучьев и начал карабкаться вверх по склону.

– Эвелина последовала за ним.

– Только не так быстро, Крымов, я и без того уже вся взмокла.

- Пойдем медленнее, нам торопиться некуда. А кстати, вы не хотели бы устроить себе баню, помыть голову?
- Вы шутите, Крымов? Я, кажется, отдала бы сейчас полжизни за флакончик шампуня или крохотный кусок мыла. Мне противно даже прикоснуться к своим волосам.
- Ну, жизнь вам еще пригодится для другого, не стоит ей так разбрасываться. Что же касается мыла... Я нашел вчера здесь неподалеку линзочку кила – нечто вроде отбеливающей глины, образовавшейся за счет вулканического пепла. А этот кил, как, может быть, вы слышали, не уступает лучшим сортам мыла. Им можно пользоваться даже в морской воде. Я уже испробовал на себе. Видите? – тряхнул Денис пышными рассыпающимися волосами.
- Боже, и вы до сих пор молчали!
- Я хотел сказать еще утром, да этот наш новый знакомый...
- Да, то Курт, то теперь этот немец... Жаль, конечно, несчастного. Но не кажется ли вам, что многовато становится здесь арийцев?
- Думаете, что со временем они с Куртом...
- Вы угадали. Ворон ворону глаз не выклюет. А для нас с вами такое немецкое землячество...
- Понятно. Но неизвестно еще, что за человек этот второй немец. А потом... Иначе я поступить не мог. Да и вы тоже.
- Да, пожалуй... К сожалению.
- Почему к сожалению? Человек не может не помочь человеку.
- Однако человек может и убить человека.
- Я имею в виду людей, настоящих людей. Разве вы, к примеру, могли бы убить человека?
- Не знаю. Скорее всего, нет. Да и не о нас с вами речь. Но я вот о чем сейчас думаю. Кому она нужна здесь, наша человечность? Кто оценит ее?
- А зачем нужна чья-то оценка? Человек прежде всего сам себе судья.
- Ну, об этом мы еще поговорим. Пока вы меня не убедили. А сейчас я хотела бы спросить, что произошло тем утром, когда мы искали Жана? Мне показалось тогда, что с вами что-то случилось в лесу. Или это секрет?
- Зачем секрет! Я могу рассказать вам теперь все, только давайте сядем вот сюда, на карнизик, передохнем,- Денис сбросил с плеч вязанку. – Так вот, тем утром... И он подробно рассказал, как угодил в провал и как выбрался из него, не утаив вмешательства таинственных аборигенов.
- Вот как! – оживилась Эвелина.- Значит, снова ваши покровители? Не иначе, Крымов, в вас влюбилась какая-то дикарка.
- А почему не счесть это ответом на ваш вопрос?
- Какой вопрос?
- Вы уже забыли! «Зачем нужна человечность?»
- О! Вон как вы это расцениваете! К сожалению, отношения людей сложнее, чем вы думаете. И жизнь преподносит иногда такие сюрпризы. Кстати, вы знаете, кто наш Курт?
- Пустое место, если не считать его миллионов, – Денис поднялся. – Полезем дальше, Эвелина!
- Боюсь, что вы недооцениваете своих врагов. Это опасно. Впрочем, я имела в виду другое. Вы слышали, наверное, что он носит фамилию Томпсон. Так вот, имя американского благодетеля, который узаконил Курта в сыновьих правах и завещал ему все наследство, – Джордж Томпсон.
- Джордж Томпсон?! И вы полагаете...
- Да. Нет сомнения, что это тот самый Джордж Томпсон, о котором некогда рассказывал нам капитан Грей. Я внимательно просмотрела все бумаги.
- Другими словами, наш Курт – сын этого миллионера-убийцы?
- Да, по крайней мере по бумагам. Вы понимаете меня?

- Кажется, да... Но вот мы и поднялись. Садитесь, отдыхайте. И дайте-ка я наброшу на вас пиджак: ветер...
- Благодарю вас. А это вы тоже делаете только потому, что человек, или...
- А это я делаю, чтобы вы не простудились. Сами знаете, какое это было бы несчастье в нашем с вами положении.
- Понятно... Вы всегда, со всеми женщинами говорите так?
- Да мне, знаете, очень мало приходилось говорить с женщинами.
- Не хитрите, дружок. Вы явно сторонитесь меня. Почему? – в голосе Эвелины послышалось непонятное Денису волнение. Он промолчал.
- Я отношусь к вам лучше, чем вы думаете, Крымов... – продолжала Эвелина, понизив голос, стараясь заглянуть ему в глаза. – Особенно в последнее время. А вы... Ну, почему вы молчите? О чем вы думаете сейчас?
- О чем я думаю?... – Денис подошел к самому краю площадки и глубоко, всей грудью вдохнул пахучий морской воздух. Разве мог он сказать, о чем думал теперь, когда в любой день, в любую минуту мог встретить синеглазую мисс Норму... – Я просто люблюсь всей этой красотой, мисс Эвелина.
- Что-то я не очень понимаю вас, Крымов. И никакой красоты не вижу. Кругом одна вода, – возразила журналистка, стараясь скрыть досаду»
- Конечно, вода. Но ведь это и есть самая большая красота, самое большое богатство планеты.
- Нашли чем восторгаться! Самое большое богатство! А я так ненавижу ее, эту воду, видеть не могу! Это она вышвырнула нас из цивилизованного общества, из-за нее мы уподобились животным.
- Животными мы, положим, еще не стали. И надеюсь, не станем и дальше. А без воды не было бы ни цивилизованного общества, ни нас с вами.
- Не изобретайте велосипеда, Крымов! Я говорю не о воде вообще, а вот об этой воде, воде океанов.
- И я говорю о воде океанов. Только ведь и «велосипед» может иногда высветить совершенно новые проблемы. Вы знаете, вероятно, какова обстановка на поверхности нашей соседки Венеры?
- Там, кажется, полтысячи градусов?
- Ну, положим, не полтысячи, а всего четыреста двадцать пять градусов Цельсия. Но жарковато, конечно. А знаете, почему это так?
- Отлично знаю и это: углекислый газ, парниковый эффект...
- Да, все дело в углекислом газе, – оживился Денис, довольный возможности переменить неприятную для него тему разговора. – Вы совершенно правы, все дело в том, что углекислый газ, свободно пропуская солнечные лучи к поверхности Венеры, практически полностью блокирует тепловое излучение планеты. Солнечное тепло оказывается как бы в ловушке. Но откуда там столько углекислого газа, это вы тоже знаете?
- Ну, мало ли откуда, – неуверенно ответила журналистка, – так уж шло развитие планеты...
- Да, пожалуй. Но ведь и в атмосфере Земли в свое время было немало углекислоты. Да и теперь человек готов забить ее этим злополучным газом. И несмотря на это, вот уже многие годы, даже столетия содержание его не превышает четырех сотых процента. И знаете, почему? Только потому, что вся остальная углекислота поглощается водами морей и океанов. А теперь представьте, что было бы, если бы на Земле не было этой ненавистой вам воды. Увеличение углекислого газа в атмосфере всего лишь в три раза увеличило бы температуру поверхности нашей планеты на девять-десять градусов. А если бы содержание его достигло нескольких процентов, мы с вами, да и все живое Земли просто-напросто изжарилось бы, что и произошло на красавице Венере.
- Вот этого я не знала, – призналась Эвелина. – Значит, вся беда Венеры в отсутствии там воды?

– По-видимому так.

– Но ведь и поглотительная способность наших океанов, наверное, не бесконечна? Правда, вы говорили прошлый раз, что количество воды на Земле все время увеличивается...

– Да. Но дело не в этом. В водах наших морей и океанов вот уже два миллиарда лет безотказно действует изумительный механизм освобождения их от углекислоты, механизм перевода ее в карбонатные породы: известняки и доломиты. Вам приходилось, наверное, видеть целые горы, сложенные этими породами. И все это – углекислый газ, изъятый из атмосферы Земли морскими и океаническими водами. Вот что значат эти неоглядные просторы для судеб нашей планеты и цивилизации. И если бы не они...

– Поймите! А как же зеленые растения? Я до сих пор полагала...

– Все верно. Зеленые растения также поглощают углекислый газ из воздуха. Но, во-первых, это в полном смысле – капля в море. А во-вторых, вам должно быть понятно, что вся та масса углекислоты, которая переводится растениями во всякого рода органические соединения, должна рано или поздно возвратиться в атмосферу, потому что удел органики один – сгореть или сгнить. Но мы с вами заболтались, Эвелина. Займемся-ка делом...

Глава восемнадцатая

Несмотря на все старания Дениса и Эвелины, здоровье немецкого матроса поправлялось медленно. Лишь три дня спустя Денис смог позволить себе оставить его наедине с Куртом и снова отправиться в длительный поход по острову, чтобы осмотреть окрестности подковообразной скалы. Это нужно было сделать во что бы то ни стало: в последние дни он не раз замечал там какое-то странное поблескивание, а вчера перед заходом солнца увидел даже что-то вроде мелькнувшего в воздухе камня. Может быть, в скале и было пристанище живущих здесь людей? Но прежде чем идти туда, следовало покопаться еще раз в развалинах деревянной хижины; теперь каждая мелочь, каждый пустяк, найденные там, могли сказать очень многое.

Итак, в путь! Покинув своих спутников еще спящими, Денис быстро добрался до знакомой поляны над пляжем и, не теряя времени, принялся заново ворошить старые развалины. Предчувствие не обмануло его. На одной из полусгнивших досок он обнаружил отчетливо проступившую надпись: «...НАЯ, 19...»

– Ная... Даная! И год высадки на этот берег...- задумчиво произнес Денис, стараясь разобрать последние две цифры даты.

К сожалению, начало и конец надписи исчезли безвозвратно. Однако и того, что удалось прочесть, было вполне достаточно, чтобы окончательно убедиться, что разрушенный домик принадлежал семейству Томпсонов. Ими же, очевидно, была протоптана и дорожка, поднимающаяся сюда с пляжа: следы ее вели прямо к развалинам хижины.

Но если это так, то они же проложили и тропинку, идущую дальше, к подковообразной скале и, следовательно, сама эта скала играла какую-то роль в их жизни на острове. Играла? А может быть, они живут там до сих пор? По крайней мере их дочь Норма.

Так что же он медлит? И где эта тропа, идущая в глубь острова, с которой он не спускал глаз все последнее время, стоило ему подняться на смотровую площадку? Денис прошел чуть выше по склону и сразу увидел небольшой просвет в сплошной стене деревьев. Тропинка была тут, прямо перед ним. И хотя, как и ожидал Денис, она густо поросла травой и кустарником, различить ее было можно. По ней, как оказалось, и полз три дня назад выбившийся из сил матрос. След, оставленный несчастным, до сих пор сохранился в траве. Он тянулся от самого пляжа, пересекал поляну с хижинкой и заканчивался чуть выше ее, в кустах орешника.

Денис обогнул эти кусты и двинулся дальше по тропе. Она теперь круто сворачивала влево, и на ней...

Денис даже вздрогнул от неожиданности: дальше в глубь леса трава на тропе тоже была слегка примята, примята недавно – на ней не успела осесть роса – примята так, как это мог

сделать только человек. Но не выбившийся из сил матрос, который был в состоянии лишь ползти по тропе, а кто-то легкий, стремительный, едва касавшийся ногами земли.

Денис постарался унять охватившее его волнение. Следы шли прямо по тропе. Значит, если пойти по ним... Нет, если пойти по тропе, то его могут заметить, прежде чем он доберется до скалы, и он снова никого не увидит. Лучше двигаться лесом, вдоль тропы.

Денис прислушался и, убедившись, что все кругом тихо, начал медленно и осторожно, стараясь не делать лишнего шума, пробираться в сторону скалы.

Солнце еще только-только взошло. Трава в лесу была белой от росы. Не прошло и минуты, как Денис вымок насквозь. Но он упрямо продирался сквозь густые заросли подлеска, не спуская глаз с загадочных следов и пригибаясь к земле при малейшем подозрительном шорохе.

Так прошел он метров триста или чуть более и собирался уже выйти из своего укрытия, чтобы посмотреть, не свернули ли следы с тропы, как вдруг услышал отчетливо доносящиеся звуки ударов. Впечатление было такое, будто кто-то бьет молотком по камню. Денис насторожился. Такие звуки могли производить только люди. Люди, которых он искал! Денис юркнул в заросли орешника и затаился.

Удары не прекращались. Они следовали в едином ритме, один за другим, лишь время от времени прерываясь довольно длительными паузами, и раздавались где-то совсем неподалеку, видимо за ближайшим пригорком, куда сворачивала тропа и где должна находиться таинственная скала.

Денис провел языком по внезапно пересохшим губам. Неужели сейчас он увидит их, своих друзей и покровителей? Неужели еще минута – и осуществится самая заветная его мечта: он встретится с той, которая занимала теперь все его мысли? Или наоборот – он похоронит последнюю надежду на встречу? Да, сейчас может решиться все.

Денис выбрался из кустов и пошел еще осторожнее, двигаясь теперь лишь в то время, когда слышались непонятные удары, и мгновенно припадая к земле всякий раз, как только они прекращались.

Но вот и пригорок. Денис, крадучись, поднялся на самый гребень, густо поросший молодым можжевельником, и сразу увидел то, что привлекло его внимание еще при первом обзоре острова со смотровой площадки. То была невысокая полузадернованная скала в форме подковы с почти отвесно падающими склонами и абсолютно голой, белеющей на солнце вершиной. Звуки шли, очевидно, оттуда, из-под этой скалы, и, значит, где-то там укрывались хозяева острова, но густые заросли не позволяли видеть, что делается у подножия скалы.

Денис пригнулся к самой земле и, спрятавшись за мшистой корягой, осторожно раздвинул ветви. Однако звуки прекратились, и никого под скалой уже не было. Впрочем, отсюда, с высоты пригорка, где он притаился, укрытый кустами орешника и можжевельника, можно было рассмотреть, что в передней части скалы, особенно круто обрывающейся к крохотной чистенькой полянке, темнеет широкая расселина, внутри которой открывался, по-видимому, вход в подземный туннель или пещеру.

Туда, очевидно, и проскользнули те, кто только что был под скалой. Теперь Денис ясно видел их следы: трава на поляне была притоптана, с одной стороны расселины лежало толстое ошкуренное бревно, служившее, вероятно, чем-то вроде скамьи или стола, а по другую сторону ее лежала примятая куча сухой травы и громоздились сучья валежника, в центре же поляны высился большой черный камень и поблескивала груда свеженаколотых обломков, явно приготовленных с какой-то определенной целью.

Впрочем, Денис скоро понял, что камень этот был глыбой обсидиана, острые осколки которого, как он уже знал, использовались на острове в качестве метательных снарядов и что заготовка таких осколков и была, по-видимому, причиной звуков, какие он только что слышал.

Так вот где живут и скрываются таинственные аборигены! Жаль только, что он не оказался здесь несколькими минутами раньше. Жди теперь, когда кто-нибудь из них снова выберется из пещеры! Да и сможет ли он заговорить с ними отсюда, на таком расстоянии? Денис решил пробраться поближе к скале, спрятаться за большим камнем на опушке, но не успел сделать и шага, как на поляну выскользнула та, встречи с которой он так ждал, в существование которой и верил и не верил.

– Норма...- произнес он одним вздохом, боясь даже шепотом спугнуть волшебное видение.

Да, то, несомненно, была Норма Томпсон. Высокая, на голову выше его, Дениса, с густым ворохом бронзово-красных волос, с тонкими, стремительно вскинутыми руками и удивительно гибким станом, с быстрыми, почти неуловимыми движениями и трепетно раздувающимися ноздрями, – она поражала какой-то особенной – жгучей, пьянящей, пронзительной красотой.

Крепкие, сильные, идеально очерченные ноги ее были босы, голова открыта, грудь обнажена. Волосы свободно струились по спине, плечам, закрывали большую часть бюста, падали на лицо. Она не пользовалась никакой одеждой, если не считать некоего подобия юбки из клетчатой красно-синей ткани, едва прикрывающей верхнюю часть бедер. На шее у нее висел небольшой золотой крестик, а на бедре у пояса блестел узкий и, должно быть, очень острый нож.

Денис затаил дыхание, прижал даже руки к груди, чтобы унять бешено колотящееся сердце. Однако подошвы его вдруг скользнули по влажному мху, он попытался сохранить равновесие, ухватиться за куст орешника, но наступил на сухую ветку, та хрустнула, и синеглазая красавица мгновенно скрылась во тьме пещеры.

Денис готов был проклясть себя за такую досадную неосторожность. Как мог он так неосмотрительно спрятаться тут, на мшистом склоне! А впрочем... Почему, собственно, он должен прятаться? Почему не может просто подойти к ней, объяснить, кто он, как сюда попал, поблагодарить за все, что она для него сделала, сказать, как он рад, как бесконечно счастлив встрече с нею.

Денис выбрался из своего укрытия, спустился на поляну и остановился перед входом в пещеру. Дальше идти едва ли стоило. Нельзя же было так бесцеремонно вламываться в жилище незнакомой девушки. И без того он напугал ее своим неожиданным появлением. Что же делать?...

Пещера сразу за расселиной круто сворачивала вбок, поэтому увидеть там что-либо было невозможно. Постояв с минуту в нерешительности, Денис поднял кусок обсидиана и постучал им о бревно.

– Девушка, выйдите, пожалуйста, мне нужно с вами поговорить.

В ответ ни звука.

Денис постучал снова, подошел к самой расселине:

– Выйдите, прошу вас. Клянусь, я не сделаю вам ничего плохого!

В пещере по-прежнему молчали. И тут Дениса осенило:

– Норма! Норма Томпсон! – крикнул он негромко.

– А?! – в пещере раздалось что-то похожее на вздох или всхлипывание, и прекрасное лицо Нормы, испуганное, растерянное, недоумевающее, снова показалось в проеме скалы.

– Норма!... – Денис шагнул ей навстречу, протянул обе руки. – Здравствуйте, Норма!

Она не шелохнулась, не произнесла ни звука. Денис судорожно глотнул воздух.

– Я пришел к вам, Норма... Я хотел сказать... – начал он, стараясь побороть охватившее его волнение, и замолчал, смешавшись на полуслове под взглядом огромных девичьих глаз. Глаза эти, застывшие в страхе и надежде, полные ожидания и муки, будто молили открыть тайну ее несчастий, рассеять страшный сон, затянувшийся на целых три года. Но можно ли было так сразу, глядя в эти глаза, выразить все то, что переполняло сейчас Дениса: его радость и смятение, его счастье встречи и горечь собственного положения, его

чувство безмерного восхищения, любви, благодарности и полного бессилия изменить что-либо в судьбе девушки.

– Я не знаю, как выразить... Не знаю, как благодарить судьбу...- снова заговорил он, сделав над собой усилие, и снова осекся, заметив, как дрожат от страха длинные ресницы Нормы.

– Да вы не бойтесь меня! – постарался успокоить ее Денис. – Я давно узнал о вас и ваших несчастьях.

– Я только и думал, как встретиться с вами, как найти вас, помочь вашей беде...

Она по-прежнему молчала, будто не понимая его слов.

– Вы не верите мне? Не верите в мое дружеское расположение к вам? Не верите, что я...- Денис запнулся. А почему, собственно, она должна верить ему? Почему он решил, что именно с ней, Нормой, были связаны все случаи вмешательства каких-то таинственных доброжелателей в их жизнь на острове? А если она впервые видит его? Если он не внушает ей сейчас ничего, кроме подозрения и страха? Он снова взглянул в глаза девушки. В них было одно страдание.

– Простите, Норма, я, кажется, напугал вас и вообще явился непрошеным гостем. Простите! – он повернулся и пошел прочь. Но не сделал и двух шагов, как ясно услышал звук сдавленных рыданий.

Он обернулся.

Норма стояла, все так же не двигаясь с места, но как-то поблекла, надломилась, руки ее поднялись к лицу, словно защищаясь от удара, плечи вздрагивали от сдерживаемого плача.

Сердце Дениса переполнилось жалостью к ней, такой юной, чистой, несказанно прекрасной и беспомощной. Все в нем будто опалилось болью за ее страдания. Он бросился обратно к девушке, коснулся руками ее сникших, вздрагивающих плеч:

– Что с вами, Норма? Вы плачете? Я обидел вас? Сказал что-то не так?

Из груди ее вырвался слабый вздох, губы чуть шевельнулись, она тихо всхлипнула. – Не уходите... пожалуйста...

– Я и не хотел уходить, мне показалось, что вы сами... – он легонько отнял ее руки от залитого слезами лица, осторожно отвел в сторону упавшие на глаза волосы. Мокрые ресницы ее еще дрожали, в глубине глаз металась тревога.

– Не плачьте, успокойтесь! И не бойтесь меня. Поверьте, я вам друг. Только друг! И сделаю все, чтобы облегчить вашу участь.

– Я... знаю... это... Но кто вы?... Откуда?...- произнесла она прерывающимся от рыданий голосом.

– Успокойтесь, Норма. Сейчас я все объясню. Скажите только, там, в пещере, вас никто не ждет?

– Нет... Никто...

– А ваши папа и мама, разве они не с вами?

Она покачала головой, глаза ее вновь наполнились слезами.

Несколько минут прошло в мучительном молчании. Больше Денис не решался произнести ни слова. Наконец губы девушки разжались.

– Папа и мама... умерли...

– Значит, вы здесь совсем одна?

Совсем одна... – она присела на бревно, опустила плечи, сникла, как подстреленная птица.

Денис сел с ней рядом, легонько погладил пальцы девушки. Норма вздрогнула, но не отняла руки.

– Совсем одна... – повторила она чуть слышно. – Уже больше двух лет... Папа и мама умерли от ожидания. А я живу... сама не знаю зачем...

Она говорила тихо, с длинными паузами, видимо, с трудом подбирая слова.

– Вы ждали дядю Джорджа? – спросил Денис.

- Они ждали. Я не ждала... Я знала, что он плохой человек. Я всегда боялась его...
- Вы не ошиблись, Норма. Он обманул вас. Но теперь его нет. Он умер.
- Да? Как жаль, что это не случилось раньше... прежде чем он завез нас сюда. – Она помолчала, робко подняла глаза на Дениса. – А зачем вы и... эти люди с вами прибыли на остров? Вы обещали объяснить.
- Мы тоже здесь не по своей воле. Корабль, на котором пришлось нам плыть, затонул в открытом океане. Многие погибли. А мы четверо добрались до этого острова.
- Вы плыли из Америки?
- Мы плыли в Америку. Из разных стран: Эвелина из Англии, Курт из Германии, Жан из Франции, а я из России.
- Вы русский?! Боже, какое совпадение, моя бабушка по маме тоже была русская...
- Значит мы с вами... Как это будет на вашем языке?
- Не знаю... Не помню... Но я сразу поняла, что вы не такой, как эти... трое. Моя бабушка... Вы даже чем-то похожи на нее... Я очень любила ее. Только теперь ее тоже, наверное, нет в живых. Теперь нет ни одного человека на Земле, который вспомнил бы о Норме...
- Нет, Норма, вы ошибаетесь. Вас помнят все, кто знал ваших отца и мать. А я вот... Я все последние дни только и делал, что искал вас...
- Вы искали меня, это правда? Вы хотели со мной встретиться?
- Да! Да, Норма! – воскликнул Денис с жаром.
- А как вы узнали обо мне?
- О, это целая история. На теплоходе по пути из Европы в Америку я познакомился случайно с одним отставным капитаном, неким Уильямом Греем...
- Уильямом Греем? Дядей Уильямом? – Глаза Нормы расширились. Она вцепилась в рукав Дениса. – Вы сказали, с Уильямом Греем? Он жив? Скажите, он жив?
- Он был жив месяц назад. А теперь... Может, ему так же, как нам, повезло высадиться на каком-нибудь острове, может, его подобрало спасательное судно, а может быть... Наш теплоход затонул, я говорил вам...
- Бедный дядя Уильям! – вздохнула Норма. – Но вы обещали рассказать...
- Так вот, Уильям Грей и поведал нам с Эвелиной обо всем, что случилось с вами и вашими родителями, вернее, о том, как Джордж Томпсон оставил вас на необитаемом острове и как этот остров исчез самым таинственным, самым непонятным образом. Мне самому многое было неясно в рассказе Грея. Но вот случилось так, что судьба забросила нас на этот каменный айсберг, и я понял, какое кошмарное злодеяние совершил по отношению к вам ваш дядя. Он, видимо, знал, что остров дрейфует по океану...
- Он безусловно это знал. Мы с мамой не раз говорили папе...
- А он, ваш отец, сомневался в этом?
- Он был очень добрый, очень доверчивый человек. Он верил дяде Джорджу. Хотя... Как можно было верить такому негодяю. Вы даже представить не можете, что это было за чудовище!
- Я знаю. Уильям Грей довольно подробно описал нам его...
- Вам с Эвелиной? – внезапно насторожилась Норма.
- Да.
- А почему дядя Уильям всегда говорил с вами обоими? И сюда, на остров, вы приплыли вдвоем... Вы... очень дружите с ней?
- Нет! Совсем нет! – понял наконец причину ее настороженности Денис – С м-ром Греем у нас был один-единственный разговор, мы чисто случайно оказались все трое вместе, до этого я и не знал Эвелины. Случайно я встретился с ней и во время катастрофы. Уже в открытом океане. Мы просто товарищи по несчастью.
- Товарищи по несчастью?
- Ну да. Так же, как я с Куртом. Или теперь вот еще с одним немцем.

– Понимаю, понимаю... – лицо Нормы постепенно просветлело. Несколько минут она молчала, видимо, вдумываясь в то, что сказал Денис. Потом внезапно спросила:

– А почему вам захотелось найти меня?

– Это очень трудно объяснить, Норма... Капитан Грей так много говорил о вас, что я... Что меня чрезвычайно заинтересовали и вы, и ваша судьба. А потом... У каждого человека есть мечта. Мечта о другом единственном человеке, лучше которого нет на свете. И капитан Грей словно подслушал эту мою мечту, сделал ее еще красивее, а главное, вдохнул в нее жизнь. После того разговора с ним я просто не мог не думать о вас, ни там, на корабле, ни здесь, на острове. И мне захотелось увидеть вас. Хоть мельком, хоть один-единственный раз. Сначала, правда, это тоже было лишь мечтой. Но когда судьба занесла меня на этот остров, и я понял, что он движется и что, возможно, на такой же остров высадил вас Джордж Томпсон... Нет, я и тогда еще боялся поверить в возможность нашей встречи. И только после того, как мне попался бинокль с надписью «Даная», мечта превратилась в надежду.

Глаза Нормы потеплели:

– Как вы говорите... Из всех людей, которых я знала, так говорил только мой отец. Как хорошо, что вы встретились с дядей Уильямом. Я всегда знала: он поможет мне. Это такое счастье, что вы высадились здесь...

– Почему?

– Ну... Теперь мне не так страшно.

– А прежде было страшно?

Она кивнула.

– Чего же вы боялись?

– Не знаю. Всего. Боялась, что приплывет дядя Джордж. Боялась, что никто не приплывет. Боялась океана... Ой, Ника, не мешай! Иди на место, Ника! – эти последние слова были обращены к обезьянке, которая вдруг выбежала из пещеры и бросилась на колени к Норме.

Обезьянка послушно соскочила на землю.

– Вы так дружны с местными обезьянами? – улыбнулся Денис.

– Диких обезьян на острове нет. Ника ручная обезьяна. Она приехала сюда с нами. И если бы не она... Без нее я не выжила бы...

Норма замолчала. Потом вдруг спросила:

– А как собираетесь жить здесь вы?

Вопрос был не из простых.

– Не знаю еще. Мы надеемся, что в скором времени какой-нибудь корабль заберет нас. А пока...

Норма покачала головой.

– Такой же надеждой жили и папа с мамой. Они даже видели несколько раз на горизонте теплоход, сигналили кострами со скалы, но...

– Неужели ни один корабль так и не завернул на остров?

– Ни один. Моряки, видимо, принимали остров за мираж. Ведь это же необычный остров. Впрочем, вы уже догадались.

– Да. Но я полагал, что как раз это обстоятельство...

– Как вы похожи на моего отца. Он тоже думал, что диковинный остров заинтересует любого капитана. А на самом деле... Но может быть, вам посчастливится больше, чем нам. Только я хотела бы предостеречь вас...

– Предостеречь от чего?

– От ваших спутников. Ведь этот немец... Он очень опасный человек. Неужели вы не видите?

– Я знаю, Норма. Но мне казалось, что все это скоро кончится, что мы не засидимся здесь. Если же наше пребывание растянется на годы... – Денис невольно вздохнул.

Норма тронула его за плечо.

– Я расстроила вас? Разрушила ваши надежды? Но вы не огорчайтесь. Ведь я давно уже не предпринимала никаких попыток сигналить проходящим кораблям. И как знать...

– Нет-нет, я не расстроился. Нисколько! У меня есть одна идея. Только до сих пор я не знал, как ее осуществить. А теперь, если вы дадите мне свой молоток...

– Пожалуйста! – Норма вскочила и притянула ему молоток.

– Нет, не сейчас. Это дело долгое. Я придумал выбить в верхней части той высокой скалы, прямо под костром, три большие буквы SOS. Тогда всякий, кто захочет рассмотреть столб нашего дыма в бинокль, сразу поймет, что это сигнал людей, потерпевших бедствие.

– Верно! Это вы хорошо придумали. И я помогла бы вам. Только...

– Что только?

– Да ведь там этот немец и мисс Эвелина.

– Вы боитесь их?

– Боюсь. Особенно немца. Его нельзя не бояться. – Норма вздрогнула.

– Ну, что вы! – постарался успокоить девушку Денис. Но в это время из пещеры вновь выскочила обезьяна с полными пригоршнями орехов и, устроившись у ног Нормы, принялась усердно щелкать их, аппетитно чавкая и с любопытством поглядывая на Дениса. Тот невольно глотнул слюну.

– А вы... голодны? – живо обернулась к нему Норма.

– Нет, не очень...

– Но не ели еще сегодня, не завтракали?

– Да вы не беспокойтесь.

– А я тоже еще не завтракала. Одну минутку! – Норма выбрала несколько кусков обсидиана, отошла к краю поляны, где на деревьях гомонила целая колония птиц, прицелилась, и не успел Денис моргнуть глазом, как одна из птиц камнем упала к ее ногам.

Это походило на цирковой трюк. Удар был настолько молниеносным и беззвучным, что большая часть птиц даже не поднялась в воздух. Не прошло и четверти часа, как на траве лежало несколько крупных подбитых птиц. Еще с полчаса ушло на то, чтобы ощипать и выпотрошить их с помощью ножа. Делала это Норма с виртуозной быстротой. Денис едва успевал следить за движением ее рук. Наконец, положив перед ним пару увесистых тушек, юная Диана выбрала одну себе и, вонзив в нее жемчужно-белые зубы, принялась лакомиться свежей дичиной.

Денис не знал, как ему поступить. Не было, конечно, ничего удивительного в том, что человек, долгие годы проживший наедине с природой, употребляет в пищу сырое мясо. Но он, Денис, при всем уважении к гостеприимной хозяйке, не мог заставить себя проглотить хотя бы кусочек такого угощения.

Брови Нормы удивленно приподнялись:

– Вы не едите... Почему?

Денис попытался улыбкой скрыть свое замешательство.

– Простите, Норма. Но я как-то... не привык еще к сырому мясу.

В глазах девушки мелькнуло искреннее недоумение. Однако оно тут же сменилось растерянностью, даже отчаянием.

– Да, вы правы... Как я могла забыть... Вам неприятно, наверное, даже видеть... Но у меня давно нет огня. Что же делать?

– У вас будет огонь. Я позабочусь об этом сразу, как только снова приду к вам. А сейчас...

– А сейчас я все же поищу, чем покормить вас, – она скрылась в пещере и через минуту возвратилась с полными пригоршнями сухих фруктов, орехов, вяленой рыбы. – Ешьте, пожалуйста. Это, конечно, не очень вкусно...

– Нет, почему же, ваши орехи – просто прелесть!

– Осенью их здесь бывает великое множество. Можно запасти хоть на пять лет. Это отнимает, правда, много времени. Но мне помогает Ника.

– Ваша обезьянка?

– Да. Вы не представляете, какая это отличная помощница. Она может делать все. И понимает меня с полуслова. Я говорю с ней абсолютно обо всем. Жаль только, что она сама не может говорить. Но если б не она, я, наверное, совсем разучилась бы разговаривать. Она и охраняет меня, и оповещает о любой опасности. Ведь и этого матроса, что лежит сейчас у вас в лагере, первой заметила она. Иначе мне не удалось бы спасти его...

– Вам?! Так это вы помогли несчастному выбраться из воды?

– Да, я... Только он потерял сознание, и я не смогла придумать, что делать дальше.

– Понятно...- Денис живо представил, как Норма выволакивала на берег безжизненное тело матроса, и вдруг внезапная догадка осенила его.- Скажите, Норма, а не вы ли вынесли и меня на берег несколько дней назад, там, у каменных глыб?

Норма опустила глаза.

– Ну, там тоже больше была заслуга Ники. Это она, увидев своего спасителя в водовороте, подняла такой визг...

– Постойте, а откуда вы знаете, что я ее спасал?

– Я сама видела...

– Видели сами?! – удивился Денис. – Значит, уже в тот первый день вы были в лощине, где я набирал воду? Были в двух шагах от меня?!

– Я всегда была в двух шагах от вас. И в той лощине, и у залива, в котором вы ловили рыбу, и на берегу, возле вашего первого костра.

– Но я ни разу не заметил...

– Я делала все возможное, чтобы остаться незамеченной. Однако не спускала с вас глаз, следовала за каждым вашим шагом. Может, это и не совсем прилично. Но войдите в мое положение. После двух с лишним лет одиночества увидеть людей... И потом... Это покажется вам, наверное, смешным, но сразу, как только я увидела вас...- она снова потупилась и замолчала. – Не знаю, поймете ли вы меня. Ведь первым высадился на остров этот ваш...

– Курт.

– Да, этот гадкий наглый немец. Я увидела его еще в воде, когда он подплывал к острову. И думала, умру от страха. В нем было что-то от дяди Джорджа... "Еще бы" – подумал про себя Денис. – Да. И мне показалось даже, что он что-то ищет на берегу. Мне вдруг представилось, что он приплыл специально за мной, чтобы найти и погубить меня. Я готова была реветь от ужаса. И вдруг увидела вас... Это очень трудно объяснить... Но весь мой страх почему-то сразу прошел. И в душе появилась радость... Такая, какой я не испытывала даже дома с мамой и папой. Мне захотелось быть рядом с вами, смотреть на вас, помогать вам, оберегать вас от опасности. Иногда мне это удавалось. Но чаще была тревога...

– Тревога?

– Да, тревога за вас. И еще: как вы отнесетесь ко мне, когда увидите. Ведь я стала совсем дикарка.

– Вы?! – Денис даже поперхнулся. – Да знаете ли вы, что вы... Что вы самая красивая, самая совершенная девушка на земле.

Она покачала головой:

– Вы говорите так потому, что слишком добры ко всем. Я же давно забыла вкус вареного мяса, не помню, когда надевала платье.

– Так разве дело в этом, Норма!

– Не только в этом, я понимаю. И все-таки... Вон Эвелина – другое дело...

– Эвелина?! Как можете вы сравнивать себя с ней? Эвелина! Это самая обыкновенная женщина, каких тысячи. А вы... Вы... Таких, как вы, нет больше во всем свете. Я даже представить не мог, что могут быть женщины такой красоты!

Норма покраснела.

– Вы не смеетесь надо мной? Значит, не из-за нее, не из-за Эвелины вы живете с этими людьми?

– Нет, конечно! Я же говорил вам. Просто мне жаль их. Все они слишком беспомощны. Как дети. А теперь еще этот Ганс...

– Понимаю. А я думала... Один бог знает, как я боялась встречи с вами. Боялась даже подойти близко к вам. Только в тот день, когда мне посчастливилось вынести вас из водоворота и вы были без сознания, осмелилась я посидеть возле вас. И то лишь самую малость. Как только я почувствовала, что вы вот-вот откроете глаза, мне стало так страшно. Даже не страшно, а... Не знаю, как это объяснить. Но я снова спряталась в кустах. А потом эта история с пиджаком... Ника все же глупая. – Норма вновь зарделась от смущения и опустила голову так, что волосы совсем скрыли ее лицо.

Денис легонько погладил ее по голове.

– Норма, милая, как мне благодарить вас?

– Благодарить меня? Зачем? Разве я могла оставить вас в беде? Ведь я, мне кажется, всю жизнь знала вас. И всю жизнь ждала...

– Норма!... И это говорите вы? Вы, ради которой я... – он обхватил ее за плечи, прижался лицом к шелковистым волосам. – Вы мне дороже жизни, Норма! Нет ничего на свете, что я не сделал бы для вас...

– Неужели это не сон?... – она подняла на него сияющие глаза, губы ее раскрылись, голова упала к нему на грудь...

Потом они долго бродили в лесу по одной Норме известным тропинкам, плавали в океане, грелись на солнце, слушали шум прибоя. Лишь поздно вечером, когда солнце спустилось за деревья, Денис вспомнил о своих спутниках и заторопился в лагерь.

– Как? Вы снова хотите уйти к этим людям? – вмиг потускнела Норма.

– Я вернусь к вам. Скоро. Очень скоро!

– Но что заставляет вас уходить? Разве вы чем-то обязаны им?

– Нет, но ведь они ждут меня, голодные. И потом этот больной матрос...

– А я?... – на глазах Нормы навернулись слезы. – Разве я... – но она тут же подавила вздох. – Да, конечно, к больному придется сходить. И знаете что, возьмите эту дичь, что я набила утром. Она, кажется, еще достаточно свежая, и если ее поджарить...

– Спасибо, Норма!

– Ну, что там спасибо! Иначе вам придется еще идти за рыбой. А времени и в самом деле много. Только... – она несмело посмотрела ему в глаза. – Вы правда придете ко мне еще? И скоро?

– Разве я могу не прийти?

– Я так боюсь этого... Я так устала жить одна. – Она в смущении склонила голову, и роскошные волосы совсем скрыли ее лицо.

Как необыкновенно хороша, как трогательно беззащитна была она в эту минуту! Денис отвел в сторону пышное облако волос и коснулся губами щеки девушки. Норма вздрогнула, склонилась еще ниже.

– Но вы придете? Придете? – услышал он ее прерывистый шепот.

– Да, я приду к вам, Норма. Завтра же утром. Что бы ни случилось.

– Я буду ждать вас. Очень. Очень! А пока возьмите, пожалуйста, вот это, – она сняла с себя цепочку с крестиком и, расстегнув ворот рубахи Дениса, быстро надела ему на шею.

– Что вы Норма, зачем это?

– Нужно, Денис. Я очень боюсь за вас. Ведь этот немец... Это ужасный человек! Он способен на все. А этот крестик, его дала мне еще мама...

– Но я не верю в это...

– Не буду вас разубеждать, этого никто не знает наверное. Однако я должна что-то сделать для вас. А ничего другого... Оставьте это ради меня, Денис!

– Хорошо, я оставлю, но...

– Не надо, Денис, не говорите больше ничего, идите. И не рассказывайте им обо мне. Я не хочу, чтобы Эвелина...

– Я никому ничего не скажу.

Она взяла обе его руки, сжала в своих ладонях.

– Я так боюсь за вас! Берегите себя, Денис. И приходите пораньше. Пожалуйста... – Норма постаралась улыбнуться, но в глазах ее блеснули слезы.

Глава девятнадцатая

От Нормы Денис шел как во сне, снова и снова перебирая в памяти все детали этого необыкновенного дня. Глаза девушки, черты ее лица, улыбка, слезы, ее то прерывающийся от рыданий, то звенящий от восторга голос, вся она, переполненная тревогой, ожиданием, счастьем, не покидала его ни на минуту. И лишь подойдя к самой скале, вспомнил он о заботах, приведших его сюда: больном матросе, открыто враждебном отношении к нему Курта, совершенно неприспособленной к невзгодам Эвелине, должно быть, не евшей со вчерашнего дня. Как они все там? Мысли, одна тревожнее другой, вмиг оттеснили счастливые воспоминания.

Каково же было удивление Дениса, когда он увидел прямо-таки идиллическую картину: оба немца, Курт и матрос, сидели бок о бок на куче валежника, у шалашей, и были до такой степени поглощены каким-то приятным для обоих разговором, что даже не заметили прихода Дениса.

Вот так сюрприз! У Дениса словно гора свалилась с плеч.

– Алло, Курт, хватит вам болтать, иди помоги соорудить вертел.

– Вертел? – Курт жадно впился глазами в принесенную дичь. – О, птички! – он мигом подскочил к костру. – И даже выпотрошенные! Давно пора им было пожаловать сюда! А вертел мы мигом! Вот Ганс вобьет сейчас две рогатины, – он что-то быстро сказал моряку по-немецки. – А я ошкурю эту жердочку.

Больше Денису не пришлось говорить ни слова. Оба немца словно всю жизнь только и занимались приготовлением дичи. Через несколько минут в воздухе поплыл аппетитнейший аромат поджариваемого мяса.

Денис подошел к шалашу журналистки.

– Мисс Эвелина, как вы себя чувствуете? Пора готовиться к ужину.

– Я слышу, м-р Крымов, – Эвелина вышла из шалаша, окинула Дениса быстрым взглядом.

– Вы сделали новое приятное открытие?

– То есть? Почему вы так решили?

– Потому что вы совсем не умеете управлять своим лицом, и оно сияет так, словно вам по крайней мере посчастливилось выиграть на скачках.

– Вы скажете, мисс Эвелина! – деланно рассмеялся Денис, поспешно запахивая ворот рубашки. – А скачки, кстати говоря, меня никогда не интересовали.

– Жаль! – коротко бросила американка. – Там вы могли бы кое-чему научиться.

– Чему же, например?

– Хотя бы умению отличать истинных призеров от подставных.

– Bravo, мисс Эвелина! – осклабился Курт. – Уж вы, конечно, не ошиблись бы в делах такого рода. А кстати, Крымов, где ты в самом деле пропадаешь целыми днями, что ищешь здесь, на острове?

– Он ищет золото, – усмехнулась журналистка.

– Золото?! – Курт перестал даже поворачивать вертел с дичью.

– А почему бы и нет? – спокойно ответил Денис. – На таких островах, как я слышал, пираты любили прятать награбленные сокровища. А так как наш остров не стоит на месте, то вернуться к нему и забрать эти сокровища они естественно не могли.

– А ты не шутишь?

– М-р Крымов никогда не шутит, – снова усмехнулась Эвелина.

– Но если ты найдешь такой клад, то ведь и мы с тобой... К тому же, остров мой. Нет, я не претендую, конечно, на все золото, но какую-то долю...

– Будьте покойны, Курт, Крымов человек не жадный, – продолжала подтрунивать журналистка, явно намекая на какую-то оплошность Дениса. Но он упорно старался избегать ее многозначительных взглядов. Зато Курт, торопливо пересказывая что-то Гансу по-немецки, казалось, готов был просверлить американку глазами.

Наконец журналистка не выдержала.

– А вам не кажется, что не совсем прилично говорить в обществе на языке, который не всем понятен?

– Нам это кажется, дражайшая Эвелина, – ответил Курт. – Но Ганс не знает вашего универсальнейшего английского языка. Что же ему молчать, как рыбе?

– А Ганс и без того молчит. Говорите только вы.

– Не будем ссориться по пустякам, – остановил их Денис. – Присаживайтесь к костру, птица, должно быть, готова.

Эвелина холодно поблагодарила его и за всё время ужина не произнесла больше ни слова. Зато Курт и Ганс болтали теперь без умолку и словно состязались в том, кто больше съест. Можно было только поражаться, с какой ловкостью работали они руками и челюстями. После Ганса не оставалось даже костей.

Наконец с дичью было покончено. Журналистка встала.

– Вы не хотите пройтись, м-р Крымов?

– Я столько исходил сегодня...

– А я засиделась здесь. Может, составите мне компанию?

– Но ведь уже вечер.

– Вы что, боитесь темноты? – Эвелина незаметно указала глазами на немцев.

Денис понимающе кивнул, постарался придать голосу игривый тон.

– Кто же боится темноты на прогулке с девушкой, мисс Эвелина?

– О, вы начинаете подавать надежды, м-р Крымов! – рассмеялась журналистка, подделяваясь под его тон. – Но я рассчитываю вернуться до темноты в лагерь.

Они спустились к океану и направились в сторону Китового мыса. Там, неподалеку от скалы возвышалась над водой небольшая закрытая со всех сторон терраска, на которой лежала поваленная ветром лесина. Эвелина опустилась на нее, жестом пригласила сесть Дениса.

– Так у вас, в самом деле, нет новостей?

Нет, я же сказал.

– Тогда я должна «обрадовать» вас кое-чем. Боюсь, вам придется все-таки пожалеть о том, что привели этого второго немца. Я немного знаю немецкий. А наши молодцы, не подозревая об этом, говорили так, что я могла их слышать даже в своем шалаше.

– О чем же они говорили?

– О великой Германии, о боевом немецком духе, об избранной арийской расе. Обычный фашистский бред. Но кое-что в их болтовне заставило меня насторожиться. Этот Ганс совсем, оказывается, не матрос и вообще не моряк, а какой-то проходимец-авантюрист, по которому давно плачут тюрьмы.

– Вот как!

– И он не так болен и слаб, как нам с вами показалось. Впрочем, сегодня за ужином он доказал это лучше всяких слов.

– Но все это еще, знаете...

– Да, все это еще цветочки. Слушайте дальше. Поняв, что за тип его соотечественник, Курт начал убеждать Ганса, что это он, Курт, спас его в океане, а вы, лишь выполняя волю Курта, приволокли Ганса в лагерь, причем сделали это против своего желания.

– Ну и на здоровье! Не переубеждать же мне его.

– Переубедить его вы не сможете, он ни английского, ни русского языка не знает. Да и Курт не допустит этого, можете мне поверить.

- Так шут с ними, с обоими! Пусть Курт строит из себя хоть Христа-спасителя, если ему так нравится.
- Дело не в том, что ему нравится, а в том, чего он хочет добиться. Добивается же Курт одного – чтобы у него был союзник или, если хотите, преданный сообщник. Он замышляет отчаянную авантюру: собирается запродать этот остров Пентагону или генштабу НАТО под военную базу и хочет сорвать за это солидный куш.
- Вот это уже серьезно.
- Серьезнее, чем вы думаете. Потому что единственным препятствием на пути к этой цели Курт считает вас. А любые препятствия люди, подобные Курту, не задумываясь, уничтожают. До сих пор ему было не просто справиться с вами. Все-таки вы не Жан.
- А вы по-прежнему полагаете...
- Я ничего не полагаю. Просто здраво смотрю на вещи. Теперь положение меняется. У них, кажется, уже созрел план.
- Спасибо за предупреждение.
- Благодарить меня не за что. Я едва ли смогу помочь вам. Но самому вам следует быть, конечно, осторожнее. Не подставлять немцам спину и не дразнить их всякого рода проектами международных научных станций.
- Но и превращения острова в военную базу я не допущу!
- Каким образом?
- Не знаю еще. Трудно сказать, как развернутся события. Но отныне это будет главной целью моей жизни.
- Журналистка посмотрела на него долгим оценивающим взглядом:
- Ну, что же, может быть, вы и добьетесь своего. А я пойму наконец загадочный русский характер.
- При чем здесь русский характер? Я уверен, что так же поступил бы на моем месте любой порядочный человек.
- Понятие порядочности всегда было условным. Ваша собственная судьба висит на волоске. Поймите же, странный вы человек, Курт мог еще сносить ваши идеологические шпильки, мог простить вам ваше моральное превосходство, но когда дело касается денег, больших денег... В таких случаях эти люди становятся беспощадными.
- Что же вы предлагаете, смириться с тем, чтобы это уникальнейшее творение природы стало носителем смерти?
- Не знаю. Я понимаю вас, сочувствую вам, но... Сами видите, как складываются обстоятельства. Их теперь двое. И я посоветовала бы вам не уходить пока одному с базы. Они могут в любой момент расправиться с вами.
- А что помешает им сделать это здесь, в лагере?
- Такие вещи делаются без свидетелей.
- Да, но...
- Но что помешает им убрать вместе с вами и меня, это вы хотите сказать?
- Допустим...
- Не вынуждайте меня говорить больше, чем позволяет мое достоинство, Крымов. Просто поверьте на слово, у Курта есть причины не покушаться на мою жизнь.
- Хорошо. Но кто позаботится о провизии, кто пойдет за рыбой, за яйцами?
- Можем ходить вместе, если хотите. Можете послать Ганса, рассказав ему, где и как вы рыбачите. Уверяю вас, он справится с этим не хуже вас. Кстати, сегодня он уже приносил яиц и каких-то съедобных кореньев. Словом, я прошу вас...
- Нет, мисс Эвелина, я тоже не могу сказать вам всего, но завтра утром мне придется уйти из лагеря. Я должен буду уйти. И надолго.
- Должны?! – брови журналистки удивленно приподнялись. – Вы снова что-нибудь нашли? Или встретили еще какого-нибудь скитальца?
- Простите, Эвелина, больше я вам сказать пока ничего не могу.

– Ну что ж! Я и не требую этого. Но если вас убьют...- голос ее задрожал.- Если вас убьют, я не переживу...
– Мне необходимо уйти, – упрямо повторил Денис.
Она встала.
– Я хотела вам добра...

Глава двадцатая

На другой день Денис встал рано. Солнце едва поднялось над лесом, а он уже вернулся с рыбалки, осторожно, стараясь не производить лишнего шума, уложил рыбу на видном месте, подбросил побольше дров в костер и, достав из тайника под скалой бинокль, спустился к океану.

Норма едва ли ждала его в столь ранний час. Лес еще только-только пробуждался. Но помня вчерашнее предостережение Эвелины и подозрительное поведение немцев, Денис торопился как можно скорее покинуть лагерь.

Следовало бы, конечно, заглянуть в шалаш, убедиться, что немцы еще не проснулись. Мысль эта мелькнула у него в голове, когда, пройдя метров триста по берегу бухты, он вдруг услышал у себя за спиной, в лесу, шум поднявшейся в небо птичьей стаи. Но очень уж не хотелось возвращаться назад. Все вокруг дышало таким спокойствием. И Денис поспешил к заветной тропе.

Но вот и знакомый пляж. Он быстро поднялся вверх по склону, миновал развалины хижин, за считанные минуты добрался до зарослей орешника. Теперь можно было не торопиться. Норма, наверное, еще спит в своей пещере.

Он прислонился к дереву, стараясь унять дыхание и хоть немного справиться с душившим его волнением. Сзади, у него за спиной, вновь поднялась в небо большая птичья стая.

Денис осторожно раздвинул кусты можжевельника, и словно вихрь взметнулся у него в душе: Норма уже бежала ему навстречу, еще издали протягивая руки.

– Доброе утро, Денис! Я так рада вас видеть! – тонкое лицо ее чуть побледнело от волнения, пышные волосы наполнились ветром, а глаза, огромные, широко раскрытые, будто источали море света.

Он взял ее за руки и несколько секунд не мог вымолвить ни слова.

– Здравствуйте, Норма! Как вы себя чувствуете? – наконец спросил он, лишенный способности сказать что-либо еще.

– Как я себя чувствую? – переспросила она с искренним недоумением, не сводя с него сияющих глаз. – Я всегда хорошо себя чувствую. А где же обещанный огонь?

– Огонь? – и сразу вернулась способность соображать.- Огонь мы зажжем прямо здесь, у вас.

– Будете высекать его из камня?

– Нет, постараюсь поймать кусочек солнца с помощью линзы вашего бинокля.

– Используете ее как зажигательное стекло?

– Конечно.

– Боже, как просто! А мы с мамой и не додумались, хотя так страдали без огня, так страдали! Но пойдемте ко мне, я уже и дров приговорила. Вон, видите!

– Только и всего? – не мог удержаться Денис от смеха, увидев кучу валежника чуть ниже своего роста.

Норма растерянно заморгала ресницами.

– Вы шутите... наверное?

– Конечно, шучу. Этих дров хватит на неделю, если не больше.

– Да? А я думала... Я все-все забыла, Денис. Забыла даже запах дыма, цвет огня. А где мы разложим костер? Давайте вот здесь, на этой полянке.

– Можно и здесь.

– Нести сюда хворост?

– Сначала сухих листьев, тонких веточек.

– Сена?

– Ну и сена немножко.

Костер разгорелся быстро. Тонкие золотистые змейки проворно вскарабкались по сухим сучьям. Веселый треск огня мгновенно пронизал кучу валежника. И вот уже шипящие космы пламени взметнулись высоко вверх.

– Огонь... – Норма опустила на колени, протянула руки к костру. – Как мне не доставало его в долгие холодные зимы! Особенно по ночам.

Денис поправил горящие сучья, подсел ближе к ней.

– Как же вы спасались от стужи?

– Спасалась, как могла. Надевала на себя все, что у нас осталось, с головой зарывалась в сено. Холод еще не самое страшное, что пришлось пережить. Страшнее было одиночество, сознание того, что ты одна. На всем острове, во всем океане! Я потеряла уже всякую надежду увидеть человека. А вот теперь... – она метнула на Дениса взгляд, полный нежности.

Денис обнял ее за плечи.

– Ой, смотрите, смотрите! Это Ника несет вам угощение. Боже, она дарит вам даже свою любимую красную тряпочку! Чем вы так покорили ее, Денис?

А полчаса спустя они шли, взявшись за руки, по пронизанному солнцем лесу в сторону Китового мыса. И. Денис забыл о всех своих бедах, всех опасениях и тревогах. День вновь промелькнул для них как одно мгновение. Но когда наступил вечер, Норма опять погрузилась.

– Вы снова уходите от меня, Денис? Но почему?

– Мне трудно объяснить, Норма... – Денис потер лоб. В самом деле, почему он должен расстаться с этой милой любящей девушкой и идти к людям чужим, готовым на любую подлость? Дело было, конечно, не в немцах. Но не мог он вот так сразу покинуть Эвелину, бросить ее на произвол судьбы в логове этих негодяев. К тому же надо было думать и о судьбе острова. Борьба за его будущее при любых обстоятельствах обещала быть очень непростой, и потерять журналистку как союзницу в этой борьбе было бы непростительной ошибкой. Словом, решить вопрос о немедленном уходе из лагеря оказывалось не так легко. Однако и оставаться в нем дальше, обрекая Норму на опасности, было бы по меньшей мере глупо. Что же делать? Разве предложить Эвелине просить Норму приютить ее в пещере? Что ж, это, пожалуй, выход. Сегодня же он и поговорит с журналисткой об этом. А пока... Он снова глянул в ждущие, полные недоумения глаза девушки. – Да, мне трудно объяснить это, Норма. У нас в лагере сложные взаимоотношения, в двух словах не расскажешь. Кроме того, мне приходится решать еще один вопрос... О судьбе этого острова. Но обещаю вам – еще несколько дней, и...

– И вы останетесь со мной? На все время?

– Если вы ничего не будете иметь против.

– Вы еще сомневаетесь в этом?! – она обвила руками его шею, прижалась лицом к груди.

– Нет, я не отпускаю вас туда. Мне страшно!

– Ну, что вы, Норма, ведь столько лет...

– Я не об этом. Мне страшно за вас, за вашу жизнь. Вы еще не знаете, что этот немец... Я не хотела говорить. Но надо, чтобы вы знали. Он убил вашего товарища.

– Жана?!

– Да. Он убил его и сбросил в океан, я видела. Это было неподалеку от нашего бывшего домика. А я... У меня не оказалось под рукой даже камня. И я сама чуть не умерла от страха. Я не могла ни есть, ни спать. Мне казалось, что каждую минуту он может расправиться и с вами. С тех пор я не расстаюсь со своим ножом и стараюсь все время быть поближе к вам. Но вот сейчас вы уходите от меня. А у меня такое предчувствие...

– Это в последний раз, Норма. Хорошо, что вы рассказали мне о Жана. Завтра я уйду из лагеря.

Глава двадцать первая

- Мне надо серьезно поговорить с вами, мисс Эвелина, – сказал Денис, когда вечером этого дня они вновь уединились неподалеку от лагеря.
- Мне тоже, – ответила журналистка, не скрывая досады. – Но сначала послушаем, чем порадуете вы.
- Радости мало. Сегодня я узнал, что Жан убит. И убил его Курт.
- Я была почти уверена в этом. Можно только поражаться вашей беспечности. Я не раз предупреждала вас. Но то, что вы делаете теперь... Это, простите, даже не ротозейство, это самоубийство. Меня не интересуют ваши сердечные дела. Но зачем вы сами лезете в петлю?
- Что вы хотите этим сказать?
- Присутствие других людей на острове, я знаю, чрезвычайно беспокоило немцев. А сегодня вы позволили им выследить вас и убедиться, что это всего лишь один-единственный человек, да к тому же женщина.
- Как? Они видели ее? Узнали дорогу к ее жилищу?
- Они узнали все, что им было нужно. И даже не сочли нужным скрывать это от меня. Так что зря вы вчера так упорно скрытничали.
- Да, мне еще вчера следовало рассказать вам все. Эта девушка...
- Мне безразлично, кто она и какие чувства вы к ней питаете, – перебила журналистка. – Но как можно было так просто вывести немцев к ее пещере! Видели бы вы, как ликовали они после такого открытия! Ведь это было последнее препятствие, которое могло бы помешать им расправиться с вами. А теперь? Страшно подумать, что может теперь произойти...
- Я не смог сказать вам вчера, потому что меня просили хранить тайну, я был связан словом. Теперь ситуация изменилась, и вы должны выслушать меня. Помните, незадолго до катастрофы старик Грей рассказывал нам о таинственном исчезновении семейства Томпсонов?
- Тех, что были высажены на какой-то остров?
- Они были высажены здесь, на этом острове...
- Что?! Значит, тот остров-призрак, о котором спорили подвыпившие моряки, и наша плавучая тюрьма...
- Один и тот же феномен, мисс Эвелина. Мы повторили судьбу Томпсонов.
- Но в таком случае... Нет, не могу поверить!
- И тем не менее это так. Именно сюда, к этому острову, причалила в тот роковой день яхта «Даная». Именно здесь Джордж Томпсон навязал брату иезуитское пари, в силу которого тот остался с семьей на острове и...
- И, надеюсь, вы не станете утверждать, что они живут здесь до сих пор? – перебила журналистка.
- Нет, не стану. М-р и миссис Томпсон умерли больше двух лет назад. А вот дочь их, мисс Норма, живет здесь до сих пор.
- Вот оно что! Так это ее видели вчера немцы? У нее вы проводите время? Ну, что же... горько усмехнулась Эвелина. – Как она здесь устроилась, как ей живется? Она по-прежнему хороша собой?
- Бесподобна! Я никогда не видел...
- Все ясно! Можете не продолжать. Ужасно романтическая история!
- Дело не в романтике. Ей очень трудно одной. А теперь и не безопасно, как сами понимаете. Знаете что, мисс Эвелина, давайте уйдем от этих негодяев, попросим Норму приютить нас в ее жилище.
- Вы смеетесь надо мной, м-р Крымов?
- Нет, почему же?
- Журналистка гордо выпрямилась.

– Потому что, во-первых, я женщина, во-вторых, – американка. И скорее соглашусь делить кров с негодяями, чем поклонюсь другой женщине, которая успела показать свое отношение ко мне.

– Но вы совсем не знаете ее...

– Зато я очень хорошо помню, как она выбила у меня из рук цветы. И хватит об этом! – Эвелина встала, по лицу ее пробежала жесткая усмешка. – А вы действительно не теряли здесь время, Крымов. Нашли не только «золото», которым собирались поделиться со мной, но и откопали такое сокровище! Вот и одарите ее своим «золотом».

– Вы не справедливы к ней, мисс Эвелина. Что же касается моего «золота»...

Но в это время в кустах хрустнула ветка и что-то сильно зашуршало. Американка отпрянула в сторону. Денис раздвинул ветви и увидел ехидно ухмыляющееся лицо Курта.

– Не пугайтесь, прекрасная Эвелина, это всего лишь ваш покорный слуга. Прошу прощения, что нарушил ваш тет-а-тет. Но понимаете – пересидел ногу.

Лицо Эвелины покрылось красными пятнами.

– Как вы могли... Как смели подслушивать?!

– Ну к чему столько эмоций, дорогая Эвелина? Вам это просто не идет. Вы разочаровываете меня. А я еще хотел сделать вам комплимент: поверьте, я в восторге от вашего благородного негодования. Вы стопроцентная американка!

– А вы стопроцентный подлец! – Эвелина метнула на него взгляд, полный ненависти, и быстро пошла прочь.

– Ха-ха-ха! – залился немец. – Как мы горды! Но отказаться от золота... Даже сумасшедшая ревность не может оправдать такой глупости.

Курт выбрался из-за кустов:

– Ну, а ты, Крымов, тоже кипишь возмущением, тоже готов взорваться эмоциями? И зря. Ты на моем месте поступил бы точно так же. А если бы не сделал этого, я считал бы тебя круглым идиотом. Кстати, наша дражайшая Эвелина, как ты знаешь, точно так же подслушала вчера мой разговор с Гансом. Вот цена ее благородных эмоций! И не преминула передать этот разговор тебе. Не удивляйся моей осведомленности: я и вчера после ужина сидел здесь, в кустах, и все слышал. А ты, оказывается, ловкач. Я бы тоже не прочь был завести себе здесь подружку. Но сам видишь, в этих американках столько спеси...

– Не паясничай, Курт!

– Ах да, я и забыл, ты не привык говорить о женщинах в таком тоне! Хватит прикидываться чистюлей. Мне это надоело. Поговорим начистоту. И предупреждаю – наш разговор последний.

Денис отвернулся.

– Нет, ты послушай, послушай! И потрудись запомнить все, что я скажу. – Курт зашел с другой стороны, стараясь не спускать с Дениса цепкого взгляда. – Во-первых, никакого француза я не убивал, ты не видел этого. А если тебе нашептала твоя краля, тем хуже для нее. Надеюсь, ты понял меня. И научишь ее впредь не распускать язык. Во-вторых, остров мой и я никому не позволю распоряжаться своей собственностью. То, что какая-то девчонка высадилась здесь прежде меня, не имеет никакого значения. И чем раньше ты ей втолкуешь это, тем лучше, – он нервно прошелся вдоль берега и остановился перед Денисом. – А раз остров мой, я могу делать с ним все, что хочу. Да, я решил продать его. Безразлично кому, хоть Пентагону, хоть самому черту, кто больше заплатит. И никто, слышишь, никто не помешает мне сделать это!

Он снова прошелся по бичевнику, копнул землю носком ботинка:

– Я мог бы не говорить тебе всего этого, не тратить времени. Но тут появилось новое обстоятельство... Я только сейчас узнал, что ты нашел золото, спрятанное здесь пиратами. Секрет твой лопнул!

«Дурак!» – мысленно усмехнулся Денис.

– Американке ты уже обещал поделиться кладом. А мне – молчок! Хорош борец за справедливость! А ведь сокровища-то, честно говоря, мои, раз они найдены на моей земле. Но не будем формалистами. Клад пока в твоих руках, и так просто ты его, конечно, не отдашь. Поэтому поговорим, как деловые люди. Я знаю, что такое золото. И если это действительно стоящий клад, вот мое предложение: я забираю его у тебя. Все золото. Ни на какие доли дробить его не будем. А ты... Ты можешь делать с островом, что хочешь, хоть всех ученых на него свози. Видишь, сколько возможностей я для тебя открываю: и доказать свое бескорыстие, и внести свой «вклад» в «дело мира». Ну, по рукам? Договорились?

Денис невольно отвел руки за спину.

– Не о чем мне с тобой говорить.

– Ты пожалеешь об этом, м-р Крымов. Золото твое я все равно заберу. По суду заберу! Что же касается острова, то у тебя ничего не выйдет. Нас теперь здесь двое. И мы ближе к Америке, чем к России. Я не остановлюсь ни перед чем, ты знаешь, – немец круто повернулся и зашагал к лагерю.

Денис опустил на лесину. Положение его было, в самом деле, незавидным. Но не капитулировать же перед фашистом!

Глава двадцать вторая

Неожиданный каприз Эвелины поставил Дениса в чрезвычайно затруднительное положение. Совесть его по-прежнему не могла смириться с тем, чтобы бросить журналистку в обществе столь опасных негодяев. Но и оставаться дольше в лагере он не мог. Как же быть? Снова поговорить с Эвелиной? Сделать это в более решительной форме? Но он не знал еще, как отнесется к его планам сама Норма. А если она тоже будет против?

Денис положил принесенную рыбу в траву и начал поправлять костер. С берега потянуло ветром. Солнце нырнуло в черную, быстро надвигающуюся тучу.

Из шалаша выглянула Эвелина.

– Наконец-то! А я уж думала... Вы знаете, что Курт и Ганс еще час назад отправились куда-то в лес?

– Зачем?

– Хотела бы я это знать.

Денис сунул руку в карман.

– Нож! Они похитили мой нож! Куда они пошли? В какую сторону?

– Вот так, прямо по берегу, – показала журналистка рукой в сторону Круглой бухты. – Теперь вы разожгли их любопытство. И «кладом» и пещерой.

– Пещерой? Они говорили о пещере?

– Да, кажется...

– Мисс Эвелина, я вынужден вас оставить. Эти двое... Словом, я боюсь за Норму. Она же ничего не подозревает. Они могут застать ее в пещере, и тогда... Я должен немедленно предупредить ее.

– Но сегодня, сейчас вам ни в коем случае не следует уходить отсюда. Я не могу сказать ничего определенного, но кое-какие реплики немцев...

Однако Денис уже не слушал ее. От одной мысли, что Норме грозит опасность, мозг его не воспринимал ничего другого, а ноги сами неслись к пещере.

Между тем черная туча с грозно клубящимися фиолетовыми краями закрыла уже полнеба. Тяжелые волны с грохотом обрушивались на берег. Птицы умолкли, спрятались в глубь леса. Ветер усилился. Воздух стал плотным и упругим. Все говорило о надвигающемся шторме.

Но вот и знакомая тропинка. Денис в два прыжка поднялся вверх по склону, миновал поляну с развалинами хижины и выбежал уже на дорожку, ведущую к зарослям орешника, как вдруг упал, споткнувшись о протянутую через тропу веревку.

Он попытался вскочить и бежать дальше, но тут же почувствовал, как на него навалилось что-то тяжелое, и четыре руки прижали его к земле.

Он дернулся, стараясь вырваться из неожиданной западни, но в одну минуту руки и ноги его крепко были связаны, а в рот затолкнута жесткая вонючая тряпка. После этого кто-то грубо перевернул его на спину, и он увидел над собой злорадно ухмыляющееся лицо Курта.

– Вот теперь поговорим, красная сволочь! Теперь ты ответишь мне за все! Ты, кажется, поклялся отдать жизнь за то, чтобы отнять у меня остров. Вот и пришла пора расстаться с ней, с твоей жизнью. Доволен?

Денис попытался разорвать путы, стягивающие руки. Но грубая веревка, сплетенная из свежего лыка, только сильнее врезалась в кожу.

Между тем стало почти совсем темно. Денис взглянул вверх. Черные тучи затянули все небо. Где-то вдали глухо пророкотали первые раскаты грома. В лицо повеяло прохладой. Вот бы сейчас дождя! Ливня, как из ведра! С этим ливнем где-то в подсознании связывалась надежда на спасение.

– А тебя мы не просто прикончим,- продолжал измываться Курт. – Не-е-ет! Это слишком мало – просто перерезать тебе глотку или пристукнуть. Мы повесим тебя вот на этом суку.

Денис дернулся.

– Что, не нравится? А мы можем и пожалеть, не вешать, если ты сейчас, сию минуту покажешь, где твое золото. Рта мы тебе не разоткнем, нас не обманешь, крикнуть тебе не удастся. А если согласен показать, где золото, кивни головой, и мы ослабим веревку на ногах, чтобы ты смог вести, куда надо. Да, только ослабим,- усмехнулся немец,- нам торопиться некуда. И без всяких фокусов, смотри! Назад, к шалашам, или по этой тропе, к логову своей красотики, и не думай сворачивать, враз прикончим. Вот когда золото будет в наших руках, тогда, пожалуйста, иди, куда пожелаешь, хоть к этой потаскухе-американке, хоть в пещеру, к своей дикарке. Ну, согласен? – немец склонился к его лицу, обнажив желтые крепкие зубы.

Денис содрогнулся от отвращения и ненависти.

«Далось тебе это «золото», фашист!» – он собрал все силы и, изловчившись, ударил немца головой в челюсть. Тот взвыл от боли:

– Ах ты так, русская свинья! Ганс, веревку! Веревку, я говорю!

Ганс протянул ему грубо скрученный лыковый жгут.

– Да разве это веревка, черт безрукий! Она и на шее не затянется. А ну, дай сюда! Курт взял веревку и начал подчищать ее ножом. Денис следил за каждым его движением. А дождя все не было. Что же делать? Что делать?! Мозг лихорадочно перебирал все возможные варианты спасения. Но все они были практически неосуществимы.

Наконец Курт покончил с веревкой, выразительно потряс ею перед глазами Дениса:

– Ну, в последний раз спрашиваю: золото или петля?

Смешно, конечно, надеяться, что можно будет долго морочить им голову, приведи он их, скажем, к диабазовой жиле, где когда-то брал глину для посуды. Но так можно выиграть время, оттянуть развязку на несколько часов. А за этот срок... Ведь Норма ждет его, он обещал прийти к ней. И если его не будет еще два-три часа, тревога может заставить ее выйти на поиски. Остров невелик, ей будет достаточно часа, чтобы обежать его вдоль и поперек. А может, и сам он что-нибудь придумает еще по пути к жиле или там, на месте.

Денис кивнул.

– Ну, то-то! – осклабился Курт.- Только без фокусов, как договорились. – Он сделал знак Гансу, и тот ослабил путы на ногах ровно настолько, чтобы Денис мог делать небольшие шаги.

– Вставай, води! – скомандовал Курт.

Денис с трудом поднялся и медленно, стараясь держаться наиболее открытых мест, двинулся к Крокодилову мысу.

Ветер усилился. Темные космы туч неслись над самыми деревьями. Океан рычал, как разъяренный зверь. Но дождя по-прежнему не было. Денис углубился в лес и пошел еще медленнее. Немцы шли по обе стороны от него, не отставая ни на шаг. В руке у Курта поблескивал раскрытый нож.

Неужели Норма не догадается выйти на поиски? Почему они не договорились ни о чем подобном? Денис делал все возможное, чтобы растянуть путь к «кладу». Время от времени он останавливался, как бы вспоминая дорогу, раза два даже возвращался назад. Но как коротки были расстояния на острове! Как ни старался Денис петлять по лесу, жила словно сама выскочила им навстречу. Дальше тянуть было нельзя. Денис ткнул в жилу ногой и опустил на траву.

Немцы, как по команде, бросились к полоске рыхлой земли и, упав на колени, начали лихорадочно разгребать ее руками. Они словно забыли о своем пленнике. Денис понял, что более удобного случая не представится. Нащупав под собой острый камень, он лег на спину и принялся тереть об него веревку, стягивающую руки. Никакого плана дальнейших действий у него еще не было. Только бы освободить руки! На этом сосредоточились сейчас все его мысли, вся воля и все желания. Руки! Как нужны были ему свободные руки!

Однако он недооценил немцев. Уже в следующую минуту Курт отогнал Ганса от жилы и, обрушив на него поток брани, с силой толкнул к связанному Денису. Мнимый матрос коротко огрызнулся, но послушно подсел к Денису, не сводя с него пронизывающих глаз. Нечего было и думать освободиться теперь от веревки.

Курт тем временем, орудуя ножом и просто руками, продолжал усердно копать в мягкой глине. Трудно было поверить, что этот человек никогда не занимался физическим трудом. Но чем больше он углублялся в тело жилы, тем меньше оставалось у Дениса надежды на спасение.

Немец начал уже подозрительно коситься на Дениса. Движения его стали менее уверенными. Несколько раз он что-то крикнул Гансу, и тот зло пнул Дениса ногой. Развязка приближалась. А Нормы все не было. Видно, она ждала его в пещере. Денис с тоской посмотрел на небо. Тучи развеяло. Стало светлее. Исчезла надежда на ливень. Надолго ли хватит еще терпения у Курта копать в пустой земле?

Но вот Курт выбрал всю рыхлую часть жилы, нож заскреб по каменистому диабазу. Копать дальше было бессмысленно. Это давно понял бы даже самый плохой геолог. Впрочем, скоро это понял и немец. Он тяжело поднялся, с трудом разогнул спину и, подойдя к Денису, пнул его ногой:

– Обманул нас, скотина? – Он тяжело дышал, грязные струйки пота стекали по впавшим, заросшим рыжей щетиной щекам, мокрые слипшиеся волосы падали на глаза.

Денис невольно усмехнулся.

– Смеешься?! – немец размахнулся и ударил Дениса по лицу. Удар был сильным. Денис упал в траву. И тут же услышал слабое повизгивание. Он поднял глаза вверх и увидел знакомую сморщенную рожицу.

Маленькая обезьянка прыгала с ветки на ветку прямо у него над головой, всем своим видом выражая крайнюю степень возбуждения.

Ника?... Конечно, Ника!

«Ника! – начал молить ее Денис глазами.- Беги домой! Беги к своей хозяйке, Ника, приведи ее сюда!»

А немцы, окончательно озверев от неудачи, готовы были растерзать связанного беззащитного Дениса. Он еле успевал прятать лицо от сыплющихся со всех сторон ударов. Обезьяна зашлась криком, прыгая с дерева на дерево.

«Беги, Ника, беги!» – продолжал молить Денис, будто обезьяна могла услышать и понять его. Но та вдруг замолкла, словно прислушиваясь к чему-то, потом свечой взвилась ввысь и с визгом помчалась в сторону пещеры.

«Скорее, скорее, Ника!» – Денис боялся поверить последней надежде.

А Курт схватил веревку и, сделав петлю, перекинул ее через сук:

– Ну, молись своему Марксу, скотина! Сейчас ты повисишь, похрипишь в этой петле. Ганс! – он что-то прокричал своему подручному, и тот, подхватив Дениса под мышки, поволок его к дереву.

Денис напруг последние силы.

«Нет, гады, так легко я вам не дамся! – рванувшись всем телом, он вывернулся из рук Ганса и, падая на землю, сильно пнул его ногами в низ живота. Тот, охнув, сел на землю.

– Безмозглый болван! – Курт в бешенстве сорвал веревку с ветки и, не переставая что-то кричать по-немецки, подскочил к распростертому на траве Денису и набросил ему петлю на шею.

Небо вновь потемнело. Раздался сильный раскат грома. Ветер швырнул с берега морось соленых брызг. Оба немца поспешно ухватились за конец веревки и поволокли Дениса к дереву.

Он яростно сопротивлялся, стараясь зацепиться за землю связанными руками и ногами. Однако силы были слишком не равны. Жесткая веревка все больше врезалась в горло. Денис почувствовал, что задыхается. Еще минута и...

Но в этот миг огненный смерч молнии ударил совсем рядом. Денис почувствовал, что у него затрещали волосы на голове. Страшной силы толчок швырнул его в сторону, запрокинул на бок.

Оба немца в страхе прижались к земле. Петля ослабла. Денис судорожно вздохнул. Но то была лишь небольшая отсрочка. В следующее мгновение оба палача снова ухватились за веревку. У Дениса не оставалось сил для сопротивления. Все, конец...

И тут душераздирающий крик пронесся над лесом. Немцы вновь остановились и в недоумении воззрились друг на друга. Петля опять чуть ослабла. Денис смог сделать небольшой вдох. Что это?

Крик повторился. Денис глянул вверх, и все в нем задрожало от радости: то была Норма.

С развевающимися волосами, похожая на пылающий факел, она летела подобно вихрю и была уже совсем близко. Но что она сможет сделать с этими громилами?

Курт с злорадной усмешкой встал ей навстречу. Ганс выставил вперед нож. А Денис не мог пошевелить даже рукой. И зачем только он мысленно призвал ее на помощь! Бедная Норма...

Но в следующее мгновение в воздухе просвистел камень, и Ганс, коротко вскрикнув, выронил нож из окровавленной руки. Курт выругался, но тут же схватился рукой за плечо: второй кусок обсидиана вырвал клоч из его рубашки, тонкая струйка крови поползла по рукаву.

А Норма была уже рядом. В руке ее блеснул нож. Глаза горели диким огнем. Ганс в страхе отступил к Курту и тут же бросился в сторону, исчез в кустах. Курт пошарил глазами по земле, видимо, в поисках брошенного Гансом ножа, но, так ничего и не найдя, метнулся вслед за Гансом.

А Норма даже не взглянула больше в их сторону. Склонившись над Денисом, она перерезала стягивающие его путы, вынула изо рта кляп, освободила от петли.

– Глупый... Какой глупый!... Но больше никогда, слышишь, никогда я не отпущу тебя к этим чудовищам! – она опустила на землю, и Денис увидел, что из глаз ее текут слезы. Он попытался улыбнуться, подбодрить ее какой-нибудь шуткой. Но она прикрыла ему рот ладошкой и принялась врачевать бесчисленные ссадины на лице и шее легким прикосновением теплых вздрагивающих губ.

В кустах послышалось подозрительное шуршание, Норма вскочила. Глаза ее вновь блеснули ненавистью, ноздри затрепетали. Она схватилась за нож.

– Что с ними делать? Догнать, прирезать?

Денис взял ее за руку.

– Не надо, Норма. Ничего не надо делать. Иначе мы не сможем вернуться к людям. А мы с тобой вернемся. Должны вернуться!

– Мы с тобой? Ты сказал: мы с тобой?

– Да, только с тобой, только вместе. И на всю жизнь.

– Это правда? Ты хочешь, чтобы я всегда была с тобой?

– О большем счастье я не могу и мечтать.

– Любимый мой! – руки Нормы обвились вокруг его шеи, губы прижались к лицу, он ощутил трепетное тепло ее груди. – Неужели все это не сон?

Он только молча кивнул. Время остановилось для него.

Однако новый удар грома заставил их очнуться. Крупные капли дождя зашуршали по листьям. Сильный порыв ветра пригнул кусты к земле. Норма встала, протянула руки Денису.

– Скорей к пещере!

Они сбежали к океану и пустились вдоль берега беснующейся бухты. А сверху обрушился сплошной шквал воды. Не видно стало ни неба, ни земли. Тугие струи дождя секли по лицу, слепили глаза. Весь береговой склон мгновенно превратился в бурлящий поток. Лес зашумел, застонал от бешеных порывов ветра. Но они снова были вдвоем и тем сильнее даже такого неистовства природы.

Глава двадцать третья

В лагерь у скалы они возвратились вместе на следующий день утром. Норма долго не соглашалась на это. Но Денис уговорил ее: он очень тревожился за Эвелину, да и состояние обоих пострадавших было ему отнюдь не безразлично. Впрочем, за одного из них можно было, кажется, не волноваться. Едва выйдя на опушку леса, они увидели, что Ганс как ни в чем не бывало роется в золе потухшего костра, пытаясь найти горячие уголья. Рядом с ним лежала грудa яиц и связка каких-то кореньев. Похоже, он успел сходить в лес и теперь собирался готовить завтрак. Настроение у немца было самое благодушное. Он даже мурлыкал себе под нос, разгребая мокрую золу и тщательно осматривая каждую головешку. С трудом верилось, что всего сутки назад этот человек был в роли палача.

Но так продолжалось лишь до тех пор, пока он не заметил Норму. Стоило ему услышать ее голос и увидеть горящие ненавистью глаза, как немец вскочил и счел за лучшее скрыться в кустах.

На звук голосов вышла из шалаша Эвелина. Денис шагнул ей навстречу.

– Здравствуйте, мисс Эвелина. Познакомьтесь, это Норма.

Журналистка окинула ее быстрым взглядом, не спеша, словно в раздумье, протянула руку.

– Так вот вы какая, Норма Томпсон! Ну, такая кого угодно сведет с ума.

Норма слегка порозовела.

– Мисс Эвелина, я хотела бы извиниться перед вами...

– Не понимаю, о чем вы?

– Ну, помните, Денис преподнес вам цветы, а я...

– Полно, девочка, я давно забыла об этом!

– Да? Это правда? Тогда, мисс Эвелина, переходите отсюда ко мне в пещеру. Это было бы во всех отношениях удобнее для вас.

– Благодарю вас, мисс Норма. Но пока я не могу принять это предложение.

– Очень жаль.

– Да, в самом деле, Эвелина, уходите отсюда! – вступил в разговор Денис. – Тем более, что я, после всего, что произошло вчера, не смогу жить с немцами, и у меня есть серьезные основания беспокоиться за вашу безопасность.

– У вас были такие основания, – сказала Эвелина, сделав ударение на слове «были».

– Вы хотите сказать... – Денис указал глазами на шалаш Курта.

– Да, он лежит там. Похоже, у него перелом ключицы. А кстати, что же вчера произошло? Денис вкратце рассказал, что было на лесной тропе и у диабазовой жилы. Эвелина покачала головой:

– Я так и думала... А почему так легко отделался Ганс?

– Повезло, должно быть.

– Очень может быть... А что скажет мисс Норма?

– Я не смотрела, что с ними сделали мои камни. Они не стоят этого. Я и сейчас не понимаю, почему вы так много говорите об этих негодях?

Эвелина тонко улыбнулась.

– Мир и жизнь, которою он живет, значительно сложнее, чем вы думаете, мисс Норма.

– И значительно безобразнее?

Журналистка пожала плечами.

– Это просто мир людей, какой он есть.

– Ну, мир людей, положим, не везде одинаков, – подал голос Денис.

– Надеюсь, м-р Крымов, вы не станете кружить голову этой девочки рассказами о вашем мире. Вы рано или поздно вернетесь в свою страну, а ей жить с нами, в действительно не очень привлекательном мире.

– Норма не вернется в Штаты. Она уедет со мной.

– Вот как! Вы хотите сказать, уедет в Советский Союз? В каком же качестве, позвольте вас спросить?

– В качестве моей жены, – ответил Денис и тут же почувствовал, как пальцы Нормы сжали его руку.

– О! Поздравляю вас, мисс Томпсон! – воскликнула журналистка с деланной улыбкой. – Я думаю, ради такой партии можно смириться и с более чем трехлетним заключением на этом острове.

– Я тоже так думаю, – тихо ответила Норма.

Эвелина снова окинула ее изучающим взглядом.

– Во всяком случае, я искренне рада за вас, милая девочка.

– Спасибо, мисс Эвелина. И может быть, вы все-таки согласитесь уйти с нами?

– Нет, я же сказала. А вот если м-р Крымов снова поможет добыть огонь, я буду очень признательна.

– Ну, разумеется, о чем говорить! – Денис тут же набрал сухих веток и листьев и, достав из кармана линзу, в несколько минут разжег костер. – Но одного огня мало. Пойдемте, я покажу вам и то место, где ловлю рыбу. Это совсем недалеко и, как вы убедитесь, совсем не трудно.

Денис подбросил в костер дров и повел девушек по своей достаточно уже протоптанной тропинке к заливу. Однако Норма остановила его.

– Постой, Денис! Ты обещал еще...

– Да-да, подождите меня здесь минуточку, – он вернулся к шалашам и громко окликнул:

– Курт, ты слышишь меня?

Из шалаша послышался не то стон, не то проклятье.

– Ну так слушай, – продолжал Денис. – Извиняться перед тобой мы с Нормой не станем. Ты вполне заслужил то, что получил. Но предупреждаем: если ты или Ганс чем-нибудь обидите или оскорбите Эвелину, расправа будет суровой.

Курт не ответил.

Денис поспешил догнать Эвелину с Нормой и, только теперь, углубившись в лесную чащу, почувствовал, какое напряжение спало наконец у него с души после многих дней непрерывных испытаний. А увидев, как ловко научилась Эвелина вылавливать рыбу из запруды и с каким независимым видом, нагруженная добычей, направилась обратно к лагерю, он перестал тревожиться и за ее участь, тем более что американка в случае малейшей опасности обещала перебраться к ним.

– Прощайте, друзья, – кивнула она все с той же снисходительной улыбкой, словно обращаясь к детям, – надеюсь скоро принести вам приятную весть. Теперь ведь мне в основном придется дежурить на скале.

– До свидания, мисс Эвелина, – ответил Денис – Наши двери, как говорится, всегда открыты для вас.

– Кстати, о «дверях», – понизила голос журналистка. – Не держите их очень-то раскрытыми. Вы понимаете меня? Хищный зверь всегда опасен. Но стократ опаснее раненый зверь. Сегодня мне удалось подсмотреть, что этот Ганс прячет под одеждой в непромокаемом резиновом мешочке какой-то подозрительный сверток...

– Думаете, оружие?

– Не исключено.

– Но судя по тому, как он встретил сегодня нас с Нормой...

– Это ни о чем не говорит. Такие люди не вступают в открытый бой. А вот проникнуть ночью в жилище к спящим людям...

– Пусть попробует! – усмехнулся Денис.

– Мисс Норма, я обращаюсь больше к вам. Ваш будущий муж страдает неизлечимым благодушием, я уже говорила ему об этом. Он готов позаботиться о ком угодно, только не о себе. Поучите его осторожности.

– Спасибо, мисс Эвелина. Вы так добры.

– Ну, не больше, чем все другие! – возразила американка. – Просто я отдаю себе отчет, что моя собственная безопасность зависит от вашей безопасности. А эти негодяи могут пойти на что угодно.

– Но проникнуть в пещеру не так просто. И очень хорошо, что мы заговорили об этом. Если вы захотите навестить нас, то окликните меня или Дениса перед входом. На словах трудно объяснить, но в пещере есть один секрет, и человек, впервые вступивший в нее, рискует скорее погибнуть, чем достичь жилых помещений.

– Вот как! Ну, тогда... Тогда остается пожелать вам счастья...

– Спасибо, мисс Эвелина. И верьте, у вас есть здесь надежные друзья.

– Да-да. Это всегда приятно слышать, – сказала журналистка с внезапной горечью. – Прощайте.

Денис проводил глазами ее сникшую вдруг фигуру и, обернувшись к Норме.

– Пойдем и мы?

– Мне так жалко ее, Денис.

– Да, ее можно пожалеть.

Обратно к пещере они шли сплошным лесом по еле приметной, одной лишь Норме известной тропе. Теперь Норма молчала, думая о чем-то своем. Но Денис чувствовал, как дрожат ее пальцы, и видел, как пылает от волнения лицо.

– О чем ты думаешь, Норма? – спросил он вполголоса.

– О чем я думаю... Ты правду сказал, что когда-нибудь я стану твоей женой?

– Конечно, правду. И не когда-нибудь, а сегодня, вот только разожжем свой домашний очаг и я поклянусь памятью матери, что ты до конца дней моих будешь самым близким, самым дорогим, самым желанным для меня человеком.

Тень от скалы протянулась далеко к краю поляны, когда пламя их свадебного костра взметнулось чуть не к самым вершинам деревьев и озарило прекрасную фигуру Нормы.

Денис осторожно отвел роскошные волосы девушки от побледневшего лица и поцеловал в дрогнувшие губы.

– Отныне и навсегда, где бы мы ни были и что бы с нами ни случилось, ты моя жена.

– Да... – еле слышно прошептала Норма.

Она крепко прижалась к нему всем телом, но через мгновение высвободилась из объятий.

– И раз сегодня наша свадьба, пойдем ко мне, я приготовила кое-что, – она взяла его за руку и повела вглубь пещеры.

На несколько секунд Денис оказался в крошечной темноте. Но после нескольких поворотов, когда они поднялись на небольшой уступ и Норма распахнула какой-то полог, в глаза ударил яркий свет. К своему удивлению Денис увидел довольно просторную комнату с небольшим оконцем, а прямо перед ним стоял... настоящий свадебный стол. Тут была и печеная дичь, и сушеные фрукты, и орехи, и что-то наподобие торта из ягод, и букет цветов.

– Но когда ты все это успела? – поразился Денис.

– Сегодня утром, когда ты еще спал. Я словно чувствовала, что это будет самый радостный день в моей жизни. Ой, совсем забыла! – Норма отодвинула стол и, откатив небольшой камень, прикрывавший глубокую расселину, извлекла черную, всю в паутине бутылку. – Я, правда, мало что смыслю в этом, но...

Денис смахнул с бутылки пыль, повернул этикеткой к свету:

– Французский мускат?! И такой выдержки!

– Это все, что осталось от наших запасов. Мама сказала, чтобы я открыла его в тот счастливый день, когда снова вернусь домой. Но большего счастья, чем сегодня... – Норма потупилась и покраснела.

Денис почувствовал, как что-то горячее подступило ему к горлу.

– Любимая моя! Это ты даришь мне самое большое счастье. Мне не хватит жизни, чтобы отплатить хоть сотую часть...

Она закрыла ему рот поцелуем.

– Глупый! О чем ты говоришь? Ведь только ты, ты один... – голос ее упал до шепота, дыхание остановилось. – Неужели ты не чувствуешь, что давно стал мне дороже всех, дороже жизни. – Голос Нормы совсем замер, глаза ее, огромные, сияющие радостью, полные трепетного ожидания, приблизились к самым его глазам, руки обвились вокруг шеи, и так необыкновенно хороша, так трогательно нетерпелива была она в эту минуту, что все существо Дениса будто вспыхнуло от любви к ней не подвластное никаким доводам разума, никаким велениям рассудка.

– Милая... Любимая моя... – задохнулся он от переполнивших его чувств и, не в состоянии высказать их словами, молча прижался к ногам Нормы, покрывая поцелуями ее колени.

– Родной мой!... – она обхватила его за голову и, видимо, тоже не находя слов, не в силах выразить охватившую ее нежность, лишь зарылась лицом в его вихры, обжигая своим дыханием. Волосы ее рассыпались по плечам Дениса. Мир перестал для них существовать.

Глава двадцать четвертая

– Нет, я положительно никуда негодная жена! – воскликнула Норма, когда они вышли утром из пещеры к потухшему костру. – Мне давно следовало приготовить тебе завтрак, а вместо этого...

– Ерунда! – рассмеялся Денис. – Сейчас ты набьешь дичи, я разожгу костер, и через полчаса все будет готово.

– Нет, нет! Пора мне начать по-настоящему готовить тебе пищу. У меня ведь есть все необходимое. Только затерялось там, в пещере. Пойдем, помоги мне отыскать кое-что. Кстати, ты еще почти не видел нашего жилища. А там надо быть очень осторожным, я говорила тебе.

– Да, только я не совсем понял.

– Давай разожжем костер и возьмем с собой горящие головни.

– Это я мигом!

Через четверть часа на поляне уже пылал костер.

– Смотри, – подняла Норма вверх свою головню, когда они вновь углубились в пещеру и, миновав узкий проход, вышли в просторный, идеально круглый грот. – Видишь этот проход, прямо перед нами? Будь один, ты, наверное, по нему бы и пошел?

– Конечно. Куда же еще?

– И это было бы ужасно, Денис. Там, в нескольких десятках шагов отсюда – смерть!

– Как смерть?

– Не знаю, как объяснить... Там, неподалеку, этот проход обрывается. Сразу, внезапно. И дальше – ничего. Одна темнота.

– Вот как! Значит, там – провал. Глубокий?

– Невероятно! Папа бросал камень, звук еле доходил обратно.

– А в стороны? Вы не пытались осветить границы провала?

– Ему конца нет.

– Интересно! Очень интересно! Выходит, внутри острова – пустота. Теперь понятно, почему он высоко поднимается над водой. И в то же время – огромная полость ниже уровня океана...

– Так и папа говорил. Только он не мог объяснить, отчего она образовалась.

– Ну, это ясно. Когда-то здесь скопились раскаленные вулканические газы. Вроде гигантского пузыря в застывшей лаве. Потом газы ушли, может быть, через эту расселину или это отверстие в потолке. А полость осталась. Но почему до сих пор не проникла туда океаническая вода по трещинам и порам? – Денис задумался. – Впрочем, что же тут удивительного: поры в пемзе большей частью глухие, не сообщающиеся друг с другом, а давление раскаленных газов так уплотнило стенки полости, что они стали прочнее любого бетона. Океан мог бы разрушить их, но полость, видимо, запрятана очень глубоко в теле острова... Хорошо бы взглянуть на нее.

– Только с факелом, иначе...

– Я понимаю. Ну, а как пройти в жилые помещения пещеры?

– Вот тут, за этим выступом. Осторожнее, здесь подъем. Дай руку. Коварство пещеры в том и заключается, что всякий, кто проникнет в круглый грот, прежде всего направится по широкому проходу, это же боковое ответвление почти не заметно для глаз. Между тем, здесь еще целых три грота: вот в этом, проходном, раньше у нас все время горел костер. В своде его, видимо, есть отверстие, потому что дым уходил отсюда прямо вверх. Дальше, в гроте побольше, жили папа с мамой, теперь там просто склад разных вещей. А тут, слева – ты уже знаешь – моя комната, – Норма опять взяла Дениса за руку и, чуть пригнувшись, провела в небольшой боковой грот, плотно завешенный куском брезента. Теперь он мог рассмотреть ее жилище во всех деталях. Небольшое оконце, пробитое под самым потолком и заделанное прозрачным пластиком, давало вполне достаточно света, по крайней мере для той части пещеры, где стоял стол и была укреплена небольшая полка с книгами. Здесь же располагалось некое подобие кресла, сколоченное из неструганых кругляков и обтянутое палаточным брезентом, и висели уложенные друг на друга чемоданы, прикрытые клеенкой, на которой стояла кое-какая посуда. Около смежной стены стояла скамья из таких же неструганых кругляков. А в глубине грота размещалась постель Нормы, состоящая из широкого топчана, покрытого толстым слоем сена и застланного потертым ковриком.

Возле постели дремала Ника. Не успели они войти в грот, как обезьянка вскочила и с радостным повизгиванием закружилась вокруг хозяйки.

Норма потрепала ее по голове.

– Ну, ладно, ладно, Ника! Иди погуляй. Погуляй одна. Слышишь?

И обезьянка, словно поняв ее, ткнулась мордочкой в колени хозяйки и выскользнула из пещеры.

– Вот тут я и прожила все эти годы, – вздохнула Норма. – Мы перебрались сюда после сильного урагана. Тогда ветер раскидал нашу хижину и лишил нас многих нужных вещей. Хорошо еще папа с дядей Джорджем еще до отплытия «Данаи» нашли эту пещеру. Мы перенесли в нее все, что у нас осталось, папа смастерил даже кое-какую мебель, – Норма кивнула на стол и кресло. – И в общем получилось неплохо. Тут сухо, воздух чистый. А здесь, в моей «спальне», пробили даже окно. Словом, я не очень переживала за нашу

вынужденную робинзонаду. Но когда умер папа... – голос Нормы прервался, на глаза набежали слезы. – Это было так страшно, Денис! Никакими словами не выразить, как сразу все переменялось. На маму было больно смотреть. Она перестала есть и спать. На нее напал какой-то панический ужас. По целым дням она не выходила из моей спальни и все время молилась богу. Но несчастья уже не покидали нас. Вдруг оказалось, что иссяк запас спичек, а костер неожиданно погас. Потом выяснилось, что испортилась мука и сплошь заплесневели подмоченные галеты. И мама стала болеть все чаще и чаще. А когда не стало и ее... – Норма замолчала. Денис легонько погладил ее руку. – Я думала, умру от страха. Столько пришлось пережить одной, – Норма тяжело вздохнула. – И если когда-нибудь я потеряю и тебя, я не перенесу этого.

Денис привлек ее к себе, поцеловал в глаза, полные слез. Она прижалась к нему и затихла. Но через минуту, словно очнувшись, встала.

– Ну, хватит! Пора за дело. Прежде всего давай разыщем кое-что из посуды, – Норма заглянула под стол, порылась за топчаном и наконец извлекла объемистый котелок, черный, выдавший виды чайник и большую глубокую сковороду. Затем ей удалось разыскать несколько эмалированных мисок и кружек, а в небольшом ящичке на полке с книгами оказалась целая связка ложек и вилок, жестянка с солью и даже коробка с лавровым листом и перцем.

Эта последняя находка вызвала бурю восторга. Норма захлопала в ладоши и, раскрыв коробку, протянула Денису.

– Понюхай, как пахнет! Сейчас мы сварим настоящий бульон. Такой, какой делала мама. Только я все забыла... – она смешно сморщила носик, словно собираясь заплакать.

– Это не так страшно, – рассмеялся Денис. – Будем вспоминать вместе, – он взял котелок с чайником, отобрал необходимую посуду, – Пойдем к костру.

– Какое все грязное! – воскликнула Норма, когда они вышли на свет. Она взяла у него чайник. – Сейчас помою.

– Нет, лучше займись охотой. Я в этом деле тебе не помощник. А мытье посуды можешь доверить мне. Тем более, что здесь водой не обойдешься, надо потереть песочком. Придется спуститься к берегу.

– Хорошо, согласна. Только зачем идти к океану? Проточная вода у меня вон там, под той горюшкой, видишь, большая яблоня с сухой вершиной? Там найдешь и ведро. И песку рядом сколько угодно.

– Проточная вода? – удивился Денис.

– Почти проточная. Сна сочилась из камней. А папа выкопал яму, и получился колодец.

– Интересно! – Денис собрал посуду и направился к яблоне. Там было небольшое углубление, полное чистой прохладной воды. Откуда бы это? Впрочем, вскоре все стало ясно. Обширный плоский холм имел заметный наклон, и все дождевые воды, поглощаемые верхней частью холма, медленно перемещались в сторону пещеры. Здесь же, у яблони, в точке перегиба ландшафта, вода подходила к самой поверхности земли, и достаточно было выкопать яму, чтобы получить источник с чистой отфильтрованной водой.

Воздав должное сообразительности Роберта Томпсона, Денис зачерпнул воды и, отойдя чуть в сторону, принялся драить заросший копотью и пылью котелок. Вскоре посуда блестела, как новая.

Между тем солнце поднялось уже высоко. Вернувшись к костру, Денис вбил рогатины и, наполнив котелок и чайник водой, подвесил их над огнем. Дело было за дичью. Он подошел к опушке леса и окликнул Норму. Но она сама уже шла ему навстречу с выпотрошенной и даже помытой птицей.

– Я заставила тебя ждать?

– Нет, я только что пришел. Но ты одна в лесу...

– Лес – мой дом. Да и что здесь может случиться? Особенно теперь, когда ты со мной. Вот что в самом деле страшно, так это сварить хороший бульон. Я так волнуюсь...

- Ну еще бы! – рассмеялся Денис – Клади дичь в котел!
- А дальше?
- А дальше готовь миски, ложки и запасись капелькой терпения.
- Нет-нет, я помню, мама... – Норма присела у костра и принялась колдовать над корбочкой с пряностями.
- Через полчаса над поляной поплыл ни с чем несравнимый запах свежесваренной дичи. Норма разлила в миски бульон, Денис наполнил кружки вином.
- За нашу любовь, Нор!

Глава двадцать пятая

День медленно угасал. Солнце скрылось за деревьями. Стих гомон птиц. Лишь глухой шум листвы время от времени доносился из лесной чащи да веселый треск костра уютно вплетался в мерный гул прибоя.

– Как странно, – произнесла Норма, глядя на пляшущие языки пламени. – Оказывается, только этого я и ждала все эти годы – тебя и огня. И так было, наверное, всегда, во все времена, с тех пор, как появились люди и Прометей дал им огонь...

– С тех пор, как люди взяли у природы огонь, – возразил Денис, – Люди всегда были сильнее богов. Если и допустить, что когда-нибудь существовали боги.

– Не говори так, Денис. Я знаю, ты не веришь в бога. Но пока мы здесь, оставим богов в покое. Расскажи лучше о своей стране, о местах, где ты родился, о русских людях.

– О русских людях? Ты полюбишь их, Норма. А родина моя... Представь себе большую реку – широкую, шире, чем весь этот остров, и такую тихую, спокойную, что смотришь на нее и не замечаешь, как несет она свои воды. Белые пароходы плывут по ней. Янтарные стволы сосен блестят на солнце над песчаными пляжами. А дальше, по другому берегу – луга. И нет им ни конца, ни края! Будто зеленое море колышется под ветром. Пахнет водой, свежескошенной травой. И откуда-то издали – песня... Так вспоминается мне детство. А потом... – И долго еще рассказывал Денис о далекой родине, ее полях, дорогах, ее снежных метелях и белой кипени садов, ее людях. А Норма слушала его, и перед ней открывался совсем новый мир, мир, рассказы о котором смутно волновали ее еще девочкой, но который всегда казался ей таким далеким, почти нереальным, что воспринимался, как сказка. И вот теперь ей предстояло вступить в этот мир, стать частью его самого. Но как встретит он ее? И что сможет дать она этому миру, чтобы заслужить его признание?

– Денис, милый, – постаралась она заглянуть ему в глаза, – а что буду делать там я?

– Как что? То же, что и все: жить, работать. Но ведь я не знаю даже русского языка.

– Это дело поправимое.

– Ты знаешь, Денис, давно-давно, когда я была еще совсем маленькой, мне подарили красивую сказку. Сказку о том, как одну юную принцессу похитил злой волшебник. Он хотел сделать ее своей женой и увез в далекое заморское царство. Царство это было изумительной красоты. Всюду сверкали золотом дворцы, цвели роскошные сады, журчали хрустальные ручьи и реки. Но бедная принцесса даже не догадывалась об этом великолепии. Потому что за отказ стать женой злой волшебник заморозил ее душу и сердце. Девушка все видела, могла даже двигаться, есть, пить. Но сердце ее оставалось ледышкой, и потому она не ощущала красоты. Все казалось ей серым, тусклым, безжизненным.

Ну, а потом, как всегда бывает в сказках, появился добрый принц. Он победил злого волшебника, освободил принцессу и как только поцеловал в ледяные губы, так оттаяло ее сердце, и она увидела, как прекрасно все, что видят ее глаза.

Милая, вроде бы наивная сказка. Но ведь у меня тоже... Я также все эти годы была словно в оцепенении. Жила и не жила... И только теперь оттаяла. Будто вернулась в жизнь. И это такое счастье!...

Они еще долго сидели на берегу океана, смотрели на яркий закат, полыхающий над далеким горизонтом, на голубовато-зеленые валы, чуть подрумяненные солнцем, и глаза Нормы светились тихой радостью.

Она положила голову на плечо Дениса, чуть слышно прошептала:

– Все как в той сказке... Сколько раз смотрела я на эту картину и только сейчас увидела, как красив океан. И это небо, эти облака... А ведь все было таким извечно, с самого сотворения мира.

– С самого сотворения мира, говоришь? Ну, нет,- рассмеялся Денис – Совсем нет! Было время, и не столь отдаленное с точки зрения нас, геологов, когда не было ни этого голубого неба, ни таких вот ярких закатов, ни даже такого живительного воздуха и свежего ветерка.

– Не было ни неба, ни воздуха?! А морей и океанов тоже не было?

– Сначала не было и морей. Впрочем, они появились много раньше, чем воздух, каким мы дышим, и небо, которым сейчас любимся. И что самое интересное – им, океанам, и обязано все, что ты видишь вокруг себя.

– И небо, и воздух?

– И даже почва, цветы, деревья, птицы, словом, все живое, что обитает на Земле, включая нас с тобой.

– Не понимаю... Объясни мне, Денис.

– Ну что же, слушай. Расскажу и я тебе свою любимую сказку. И хоть речь в ней пойдет о событиях вполне реальных, но и здесь тоже будут и злые силы, и добрый принц, точнее добрая фея, которая победила эти силы и не только дала увидеть красоту, но сама заново создала все то прекрасное, что украшает сейчас Землю. Начать придется издалека.

Итак, планета наша, как теперь считают, образовалась из гигантского пылевого облака около четырех с половиной миллиардов лет назад. И была она тогда огромной, рыхлой и холодной. На поверхности этого безжизненного шара не было ни гор, ни долин, ни воды, ни воздуха. Сплошной черный вакуум навис над бескрайними просторами мертвых пустынь. И ни звука. Ни малейшего движения. Лишь неслышимые вспышки от падающих метеоритов время от времени пронизывали сажистую черноту, да ослепительное косматое солнце с утра до вечера лениво плыло среди застывших в черноте звезд. Но заходило солнце, и снова – тьма, безмолвие, невыносимый холод космических глубин...

Норма зябко поежилась.

– Неужели все было так мрачно, Денис?

– Да, «сотворение мира» было именно таким. Но уже вступали в действие неумолимые силы гравитации. Гигантский шар планеты начал уплотняться и разогреваться. Не последнюю роль сыграл здесь и распад радиоактивных элементов. Их тогда было значительно больше, чем теперь. Казалось, планета рано или поздно должна была расплавиться, превратиться в маленькое подобие звезды...

– И сгореть?

– Во всяком случае, расчеты показывают, что она разрушилась бы, перестала существовать как целое.

– Какой ужас! И что бы тогда было?

– Трудно сказать, что было бы. Но этого не произошло. Земля не расплавилась до конца. И вот почему. В силу неоднородности сжимающегося шара отдельные участки его нагревались быстрее других, и оттого в разных частях планеты появились лишь локальные зоны расплава. Как капли в сплошной твердой массе. И что примечательно – эти «капли» не оставались неподвижными, а медленно, но неуклонно перемещались из более глубоких частей планеты к периферии.

– Всплывали снизу вверх?

– Нет, все это было значительно сложнее. Представь себе такую расплавленную «каплю» размером, скажем, с гору Килиманджаро. Она, естественно, должна была всплывать. Но ты забыла о громадном давлении вышележащих толщ, которое ни в коем случае не

позволило бы ей переместиться к поверхности. Однако в разных частях «капли» давление было неодинаковое: в нижней больше, в верхней меньше. Оттого, что расстояние до поверхности было разным. Но чем меньше давление, тем ниже точка плавления. Поэтому при одной и той же температуре расплава в верхней части «капли» всегда был некоторый избыток тепла, а в нижней – дефицит. А раз так, то вверху «капли» зона плавления все время увеличивалась, росла вверх, а внизу уменьшалась. В результате, вся «капля» как бы перемещалась снизу вверх.

– Понятно...

– Но поскольку в пределах «капли» это был все-таки расплав, то здесь неизбежно возникала дифференциация вещества: более легкие компоненты, прежде всего разного рода газы, перемещались снизу вверх, а более тяжелые металлы – сверху вниз. Эта дифференциация предопределила всю последующую структуру Земного шара. Но главное здесь заключалось в отводе избыточного тепла из недр планеты. Ведь только это и позволило ей сохраниться от разрушения.

– Но это все внутри, – нетерпеливо перебила Норма. – А как снаружи, на поверхности? Все также были мертвые пустыни без воды и воздуха?

– Сейчас дойдем и до поверхности. Вместе с нашими «каплями». «Капель» этих было великое множество. Они возникали в самых разных частях планеты, но всякий раз достигали ее поверхностных частей и наконец вырывались наружу, разливаясь в виде тонкого слоя магмы. Ну, а дальше магма застывала под действием сильного холода, а заключенные в ней газы выделялись в околоземное пространство.

– И все оставалось по-прежнему? Холод, темнота...

– Нет, теперь обстановка менялась и на поверхности Земли. Правда, тепло, приносимое «каплями», пока еще безвозвратно терялось в глубинах космоса. Но газы вели себя иначе. Повинуясь законам гравитации, они оставались близ поверхности Земли, одевали ее все более мощной и плотной оболочкой. Планета приобретала атмосферу. И это было событием чрезвычайной важности. Над земными просторами появился воздух, родились звуки, задул ветер, легкие частицы грунта пришли в движение, солнце потеряло режущую яркость, появился рассеянный свет, исчезли сажиные тени. И все это сделал воздух!

– Наконец-то! – Норма вздохнула с облегчением.

Денис невольно рассмеялся.

– Постой! Дышать еще рано. Воздух-то появился. Но какой воздух? В нем не было еще ни капли кислорода. Не было даже азота. Зато в огромных количествах содержался аммиак, метан, углекислый газ. Словом, достаточно было бы одного глотка такого воздуха, чтобы навсегда проститься с жизнью.

– О боже! А я думала... Значит, жить на Земле было еще нельзя?

– Пока нет. Не было самого главного – воды. Но эра жизни была уже предопределена. Земля отделилась от враждебного космоса сплошной газовой оболочкой, надела если еще не шубу, то, по крайней мере, добротное платье. Теперь уж и тепло не так быстро уходило в межзвездное пространство. И метеориты не так часто достигали поверхности Земли. А над унылыми безжизненными просторами ее возникло наконец небо. Небо не такое, как сейчас. Скорее всего оно было даже не голубым, а пепельно-серым. Но в нем уже появились облака и тучи, потому что среди газов, поступающих из недр Земли, было немало и водяных паров. Приближался самый важный, самый ответственный момент в истории нашей планеты. Атмосфера сгущалась. Туч становилось все больше и больше. Они закрыли все небо. И вот сверкнула молния, ударил гром, и на сухую, изборозженную трещинами и метеорными кратерами поверхность Земли обрушились потоки первого дождя. Первой воды, Норма!

Как жаль, что не сложены еще о ней гимны и оды! Ведь это и была та добрая фея, которой обязано все прекрасное, что есть на Земле. Вода! Знаешь ли ты, что это самое удивительное, самое уникальное, самое бесценное вещество на нашей планете?

Жидкость, возникающая прямо из магмы, просачивающаяся сквозь любое микроскопическое отверстие вопреки всем законам гравитации, диссоциирующая по самой своей природе, растворяющая чуть не все элементы периодической системы, пронизывающая всю поверхностную часть Земли, заливающая пять шестых ее сплошным покровом, способным поглотить и сконцентрировать в себе такое количество тепла, идущего от Солнца, какого достаточно для жизни любого количества растений и животных. Вот что такое вода!

А роль ее в геологических процессах, в биосфере, в жизни человека? Идешь ли сквозь пышную зелень лесов, любишь ли полетом бабочки, слышишь ли пение жаворонка, чувствуешь ли вкус земляники или яблока, ощущаешь ли аромат цветущей сирени – все это прежде всего вода! Правда, вода, высоко организованная, входящая в состав сложнейших органических структур, участвующая в тончайших биохимических реакциях. Но все-таки вода!

Вода сформировала современный лик Земли, создала многосотметровые толщи осадочных пород, накопила богатейшие месторождения полезных ископаемых. Вода крутит турбины электростанций, без нее не обходится почти ни один технологический процесс, она входит в состав любой пищи человека, составляет неперенный элемент его гигиены и комфорта. Тучи и облака, дождь и снег, туман и иней, неоглядные просторы морей и крохотная капелька росы, льды Антарктиды и оазисы Сахары – все это вода, Норма!

Но не будем забегать вперед. Мы остановились на том, как впервые появилась эта прекрасная добрая фея, как на безжизненную поверхность Земли хлынули первые потоки дождя. Какое это было, должно быть, захватывающее зрелище! Появились первые лужи, ручьи, потоки и, наконец, – первые моря. Моря странные. Огромные по площади, но с почти плоским дном, ничтожно малыми глубинами и бессчетом количеством низких кольцеобразных островов. И вода в них была необычной, насыщенной метаном, аммиаком и другими вредными газами, ибо дожди, обрушивающиеся на Землю, растворяли и газы тогдашней атмосферы.

И тем не менее, это были моря. И роль их в дальнейшей судьбе нашей планеты поистине неопределима. Потому что только в морях, насыщенных всеми этими веществами, прогреваемых теплом, идущим из недр Земли, пронизываемых космическими лучами гигантских энергий, которые еще не задерживались бескислородной атмосферой, и могли зародиться первые живые существа.

На Земле возникла жизнь. И это было первое и самое главное доброе дело нашей феи – воды. Ведь дело не только в том, что жизнь могла зародиться в воде. Вода сама по себе составляет важнейший неперенный компонент любого живого существа. Не было бы воды, не было бы и жизни. А возникновение жизни предопределило весь дальнейший ход развития планеты, по крайней мере ее внешних геосфер. Ибо первые живые существа могли быть только простейшими растительными организмами типа теперешнего планктона, и они начали генерировать свободный кислород.

Ну, а дальше, сама понимаешь, что должно было произойти. Поступая в атмосферу, кислород окислил все ее первородные газы: метан в углекислый газ и воду, аммиак в азот и воду. А когда все эти газы были окислены, в воздухе начал накапливаться свободный кислород. Все больше и больше. Одновременно воды морей интенсивно поглощали углекислый газ. Наша добрая фея продолжала трудиться. И постепенно воздух приобрел тот состав, какой он имеет сейчас. Атмосфера очистилась от вредных газов, Воздух стал чистым, прозрачным. Небо приобрело тончайшую синеву. Исчезла изнуряющая духота. Избыток тепла, который появился было при большой концентрации углекислоты, легко уходил теперь в межзвездное пространство. Появились все возможности для возникновения животных организмов. Но это еще не все. Атомарный кислород на больших высотах от земли под действием лучистой энергии превратился в трехатомный озон. И этот озоновый экран, опоясавший Землю сплошным слоем, превратился в броневой щит, надежно защитивший Землю от губительного космического излучения.

А тем временем менялась и поверхность континентов. Кислород интенсивно окислял прочные магматические породы, вода, лед и ветер дробили их в мелкий порошок – создавались все условия для возникновения почвенного покрова. Теперь растительные и животные организмы смогли выйти на континенты. Наша добрая фея сделала все, чтобы жизнь здесь вылилась в колоссальное разнообразие форм, вершиной которых стали и наши с тобою предки.

Впрочем, немало изменений произошло и на их глазах. То надвигались льды, и приходилось прятаться в пещерах, то наступали джунгли с тучами moskitov, полчищами змей и кровожадных хищников; то целые континенты заливались морями, то, наоборот, вздымались горы, разверзались трещины, текли потоки огнедышащей лавы. Обо всем этом можно рассказывать без конца. А у тебя, я вижу, уже глаза слипаются.

– Нет-нет, я готова слушать тебя всю ночь...

Глава двадцать шестая

Прошло несколько дней, один счастливее другого. Денис забыл и думать, что он всего лишь жертва кораблекрушения. Любовь к Норме вытеснила все страхи все тревоги. Никогда, за все время, что он знал себя, не ощущал он такой радости жизни. Ничто, казалось, не могло омрачить этого состояния душевной удовлетворенности и покоя. Однако грозная опасность подстерегала их там, где никто не мог и подозревать.

В тот день океан с утра штормило. Гулкие удары волн доносились до самой скалы с пещерой, где раскрасневшаяся от костра Норма поджаривала дичь на завтрак. Денис помогал ей как мог.

Наконец, все было готово. Они уселись за небольшой столик, сколоченный Денисом у самого входа в пещеру, и только было принялись за еду, как внимание Дениса привлек странный, ни на что не похожий звук. То был словно тихий стон или горький вздох, идущий откуда-то из-под земли.

Норма побледнела. Денис невольно привстал.

– Что это, Нор? Ты слышала?

– Не знаю... Я не успела тебе сказать, вернее, забыла об этом. Вот уже больше года оттуда, со стороны провала, время от времени доносится этот звук. Когда я услышала его в первый раз, думала, сойду с ума от страха. Там словно кто-то всхлипывает...

Денис напряг слух. Через несколько минут звук снова повторился.

– Надо выяснить, в чем дело.

– Я боюсь...

– Чтобы не бояться, и надо пройти к провалу, посмотреть.

– А если там кто-то...

– Скорее всего что-то. Впрочем, посмотрим.

Сразу после завтрака Денис выбрал из костра две ярко горящих головни и, подав одну Норме, мягко, но решительно сказал:

– Пойдем, Нор.

– Может, не сегодня...

– Но ты говоришь, это бывает не каждый день.

– Да, это слышится несколько раз в месяц, чаще всего, когда океан штормит.

– Вот оно что! В таком случае... Но не будем делать пока никаких предположений. Там будет видно.

– Там сплошная темень, Денис.

– Посмотрим, посмотрим.

Они вошли в пещеру, и Норма, вытянув факел далеко вперед, повела его по центральному туннелю.

– Только иди сзади, за мной, провал возникает сразу, можно сорваться в бездну.

– Не бойся, к провалам я привычен, я же геолог.- Денис поднял факел над головой, с интересом рассматривая свод и стены цилиндрической полости, опаленной дыханием древнего вулкана.

Несколько минут они шагали молча. Полого опускающийся проход, вначале довольно узкий, скоро расширился, свод его затерялся во мраке. Но каменное ложе под ногами вдруг резко пошло на подъем. Норма замедлила шаги, обернулась к Денису.

– Скоро провал, будь осторожнее.

Свет ее факела побежал по дну туннеля. Она схватила Дениса за руку.

– Вот он, смотри!

Они остановились у края бездны. Денис протянул руку с факелом вперед. Но свет его лишь сгустил непроницаемую темень. Впрочем...

Он убрал факел за спину.

– Затемни свой факел, Нор, и смотри, вроде там что-то светится.

– Да. Похоже, отверстие наружу.

– Определенно окошко на свет божий!

– Странно... Прежде этого не было.

– Может, вы просто не замечали?

– Нет-нет, этого невозможно не заметить. Теперь я различаю даже форму отверстия: что-то наподобие узкой щели. А прежде была лишь крошечная темнота... Ой! Что это?

Свет вдруг исчез, словно кто задернул шторку на окне, а затем далеко внизу послышался явный всплеск.

– Так там, внизу, вода? – догадался Денис.- И океан все подбрасывает её. Вот он, твой странный «кто-то»!

– Но прежде не было воды. Папа бросал вниз камни, и они всегда удалялись о что-то твердое.

– Та-а-ак... – Денис поднял обломок туфа и бросил в бездну. Снова послышался всплеск.- Все ясно, Нор. Отверстие появилось после того, как вы с отцом в последний раз побывали здесь. И находится оно, видимо, почти на уровне океана, так что волны время от времени, особенно в штормы, накрывают его, и вода проникает внутрь провала. Вот смотри, опять! Свет вдаль снова померк, и снова внизу раздался всплеск. Денис покачал головой.

– Здорово льет!

– Это плохо?

– Плохо, Нор. Очень плохо! Волны могут расширить отверстие. И если вода хлынет мощным потоком, остров может затонуть.

– Как затонуть? Ты же сам говорил, пемза легче воды.

– Если бы он состоял из одной пемзы. В последние дни я довольно хорошо познакомился со многими выходами пород. Большей частью это действительно пемзы. Но встречаются и более плотные, более тяжелые туфы, много вулканического стекла, вроде той глыбы, из которой ты делаешь свои метательные снаряды, попадают даже жилки диабазов.

– Все это тяжелее воды?

– Вот именно. И если масса таких пород внутри острова достаточно велика...

– Понятно. Но что же делать? Что делать?!

– Сейчас трудно сказать. Надо найти отверстие снаружи, на берегу, и посмотреть, как велика опасность. Может быть, придется заделывать брешь.

– Забить ее камнями?

– Камнями, бревнами. Там видно будет.

– Но это очень непросто – найти небольшую расселину почти на уровне воды. Я много раз проходила вдоль всего берега и не заметила ничего подобного.

– Так просто, конечно, не найдешь... Но если взять точное направление, замерив все повороты пещеры... Скажи, там, среди вещей отца, мы не сможем найти компас или буссоль?

– Кажется, что-то было...

- Тогда все в порядке.
- Ты думаешь выйти прямо на пролом?
- Во всяком случае, сократить место поиска до нескольких десятков метров.
- Но ведь остров кружится. И стрелка компаса...
- Не важно! Главное, чтобы был угломерный инструмент. Будем ориентироваться по местным предметам.
- А если окажется, что ничего уже нельзя сделать? Если не успеем найти брешь, а вода хлынет в провал?
- Не будем расстраиваться раньше времени. Такие процессы совершаются небыстро. Пойдем, взглянем теперь на ваш склад.

Глава двадцать седьмая

Они вернулись к костру и, взяв новые факелы, прошли в грот, служивший жилищем отца и матери Нормы. Здесь, и в самом деле, был настоящий склад. На невысоких нарах, грубо сколоченном столе и прямо на полу громоздились в полнейшем беспорядке книги, рыболовные снасти, обувь, одежда, всевозможная кухонная утварь. При свете факелов Денис увидел даже двуствольное ружье, киносъёмочную камеру, топор, лопату, тубики с кремом, пачки стирального порошка, связку бигуди, мужские наручные часы со светящимся циферблатом.

И вот эти массивные золотые часы почему-то сразу показались Денису подозрительными. Может быть, потому, что слишком уж были большими, а может быть, потому, что сильно светились в темноте. Подойдя ближе, он увидел, что на них светились не только цифры и стрелки. Светились причудливые вензеля, неведомая для чего нанесенные на циферблат, светила замысловатая вязь каких-то букв.

«Дорогому Роберту от Джорджа», – прочел Денис, внимательно присмотревшись к надписи.

– Это что, подарок Джорджа Томпсона твоему отцу? – спросил он, протягивая часы Норме.

– Да, это подарок дяди Джорджа. Он подарил их папе перед самым отплытием в океан. И теперь это последняя память об отце...

– Последняя память об отце, – машинально повторил Денис, не отрывая глаз от холодно фосфоресцирующего циферблата часов. А эти надписи... Их сделал сам Джордж Томпсон на готовых часах?

– Да, наверное.

– Но тогда и цифры, и стрелки, и эти красивые завитушки тоже покрыл светящимся составом он сам, ведь все светится одинаково?

– По-видимому...

– Но зачем? Зачем нужно, чтобы все это так светилось?

– Тогда были в моде часы со светящимся циферблатом. Часы со светящимися цифрами и стрелками, ты хочешь сказать? Но здесь светится чуть не вся поверхность циферблата! И с такой интенсивностью...

– А почему это тебя так взволновало?

– Я сам еще теряюсь в догадках. Скажи, Нор, отчего умер твой отец?

– Не знаю. Сначала у него заболела рука...

– Левая?

– Да. Ты что-то хочешь сказать?

– Нет-нет, продолжай!

– Потом началась слабость, головокружение, тошнота. В последнее время он уже не мог ходить, и на теле у него выступили багровые пятна... Ты все-таки что-то хочешь сказать?

– Я не знаю еще точно. Это надо проверить... Но мне кажется... Я подозреваю, что твоего отца убили эти часы.

– Как?!

- Джордж Томпсон покрыл их радиоактивным составом. Вот что значит это необыкновенно сильное свечение. Он подарил брату смерть.
- Какой ужас! – Норма бессильно опустилась на топчан. – Я всегда боялась этого человека. Я знала, что он намеренно заточил нас на этом острове. Но чтобы так... Чтобы пойти на прямое убийство... И из-за чего? Из-за денег! Из-за этих мерзких грязных долларов!
- Из-за денег? – удивился Денис. – Но ведь он был, кажется, достаточно богатым человеком?
- Да, но ему все было мало. Он готов был ограбить весь мир, пустить по миру всех людей. А мой папа... Он был, к сожалению, единственным наследником одного очень богатого человека, отставного генерала, я не помню даже, кем он ему приходился. В случае же смерти папы это наследство переходило в руки дяди Джорджа.
- Да, капитан Грей говорил, что этот денежный мешок получил какое-то большое наследство и тем не менее не дал ему даже цента на организацию экспедиции для поисков Роберта Томпсона.
- Каков негодяй! – Норма соскочила с топчана и заметалась по гроту. Но я отомщу! Я отомщу!
- Мстить поздно, Нор. Я уже сказал тебе, Джордж Томпсон умер год назад.
- Пусть. Но я отомщу его детям, внукам! Я...
- Ты уже сделала это, Нор.
- Как?...
- Ты уже отомстила им. Курт, который лежит сейчас с переломанной ключицей, – сын Джорджа Томпсона, его единственный наследник.
- Сын дяди Джорджа! Что ты говоришь? Этот палач, этот зверь – сын дяди Джорджа? Так вот почему его лицо показалось мне знакомым! Вот почему я возненавидела его с первого взгляда! И ты не позволил мне убить этого выродка! Но это еще ее поздно сделать. Сейчас я расправлюсь с ним. Сейчас я припомню ему все...
- Не надо, Нор. Убить человека – самый примитивный способ возмездия. Мы отомстим ему вместе. Отомстим всем им, толстосумам-грабителям. Отомстим тем, что не дадим им этот остров. Не дадим использовать его под военную базу для нападения на мирных людей. Именно этого им хочется больше всего.
- Построить тут военную базу... Вот чего задумал этот фашист! Вот о чем вы все время спорили! Потому он и хотел убить тебя?
- Да, я сказал, что не допущу этого.
- Теперь мне все понятно. Но как ты помешаешь ему? Что мы сможем сделать?
- Время покажет. Просто надо быть готовым ко всему. Может быть, даже к очень трудному.
- Я сделаю все, что ты скажешь, Денис. Все, что от меня потребуется!
- Я знал, что всегда могу положиться на тебя... А вот и компас, смотри! Да какой удобный, с визирной линейкой. Отлично! Теперь эта брешь от нас не уйдет. И знаешь, что я придумал? Нам совсем ни к чему замерять все повороты пещеры. Ведь отверстие, через которое уходил дым из пещеры, где-то на нашей скале?
- Да, я знаю где.
- Тогда достаточно будет взять всего два направления: от центра грота, где горел костер, к провалу и от начала провала к светящейся трещине. Затем я поднимусь на скалу, поставлю вешку у отверстия, ведущего в этот грот, проведу первое направление, отмерю на нем шагами расстояние до провала и поставлю вторую вешку, от которой уже возьму направление на брешь. А так как это займет совсем немного времени, то остров практически не изменит своего положения, и мы сможем воспользоваться самыми обычными азимутами. Все будет проще, чем мы думали. Завтра же этим и займемся.
- Хорошо, Денис. А теперь пойдем отсюда. Факелы уже совсем догорают.

– Да, пора на свежий воздух. Пойдем посидим у костра, – Денис взял Норму за руку и направился было к выходу, но тут взгляд его упал на большой сверток, тщательно упакованный в промасленную бумагу.

– А это что такое?

Норма нагнулась над свертком, осветила его факелом:

– Это? Кажется, взрывчатка.

– Взрывчатка?! Зачем она вам понадобилась?

– Ее оставил дядя Джордж. Он сказал, что неплохо было бы со временем взорвать проход, идущий к провалу, особенно, если мы вздумаем переселиться в пещеру, а то, дескать, я или мама можем нечаянно сорваться в пропасть, да и вообще пещера стала бы уютнее.

– Взорвать туннель? И это предложил горный инженер?!

– Это было бы опасно?

– Взрыв мог обрушить всю пещеру и оставить вас без последнего пристанища. Но это еще не самое страшное. Взрывная волна наверняка пробила бы тонкую стенку, отделяющую провал от океана, и тогда...

– Остров бы затонул?

– Вполне возможно.

– Значит, и взрывчатку дядя Джордж оставил не без злого умысла?

– Боюсь, что да. Ну, а что же твой отец?

– Он сначала согласился с дядей Джорджем. А потом, когда мы, в самом деле, перебрались в пещеру, сказал, что боится пускать взрывчатку в ход. Он же никогда не имел с этим дело. Так она и осталась здесь лежать. Я боялась к ней прикасаться. Завтра выбросим вместе в океан?

Денис взял сверток в руки, прикинул на вес:

– Да нет, не будем торопиться. Взрывчатка может понадобиться.

Глава двадцать восьмая

– Денис, смотри, трещина! И дна не видно.

– Где? В камнях? Так высоко над водой? – Да, как раз подо мной. Я стою над ней.

– Ну-ка, посмотрим. Да, похоже... Очень похоже! – Денис бросил в трещину камень и прислушался. Через несколько мгновений где-то глубоко внизу послышался слабый всплеск.

– Она, Денис, она! – захлопала в ладоши Норма. – Та самая расселина, которую мы видели из пещеры.

– Долго же нам пришлось за ней охотиться, – Денис сел на теплый камень и с удовольствием вытянул натруженные ноги. Поиски отверстия, ведущего в подземный провал, оказались много труднее, чем он предполагал. Только сегодня, к концу третьего дня, пройдя почти пол-острова от дерева к дереву, от бугорка к бугорку, вышли они к россыпи камней у основания Китового мыса, где обнаружили наконец трещину, очень похожую на разыскиваемую брешь. Денис опять бросил в нее камень и вновь услышал далекий всплеск. Трещина несомненно вела в глубокую полость, наполненную водой. Но было ли это тем самым провалом?

– Давай сделаем так, Нор. Я сейчас разведу костер, а ты беги в пещеру и пройди к провалу. Минут через пятнадцать-двадцать я брошу в трещину горящую головню. Если мы нашли то самое отверстие, ты это обязательно заметишь.

– Я поняла тебя. А потом?

– Вернешься сюда, подумаем, что делать дальше.

– Хорошо, бегу, – Норма птицей взвилась на обрыв и скрылась между деревьями.

А уже через полчаса она снова сидела перед Денисом и, часто дыша от быстрого бега и радостного возбуждения, рассказывала о том, как страшно было ей одной стоять в темноте перед зияющей бездной, и как боялась она не заметить условленного сигнала, и какое это было удивительное зрелище, когда пылающий факел, рассыпая светлячки искр,

ворвался в темноту подземелья и, прочертив огненную дугу, высветил маслянисто-черную поверхность неподвижной безжизненной воды.

– Так что, все верно, – заключила она, заглядывая в трещину. – Эта самая дырка и светится в пещере. И ничего страшного, как видишь. Расселина пустая. Да и от берега тут шагов десять, не меньше. Трудно понять, как вода вообще попадает в нее.

– Ну, это только сейчас, при полном штиле. Волны бьют в берег значительно выше трещины. Но дело даже не в самой трещине. Тревожнее другое. Я простучал весь этот берег. Всюду чувствуется близкая пустота. Особенно вот здесь, под обрывом. Местами даже ступить опасно. Один хороший удар волны, и все полетит к черту!

– Ты хочешь сказать, полетит в провал?

– Ну да, – улыбнулся Денис.

– Положение, в самом деле, так серьезно?

– Конечно, тут даже ходить небезопасно. Ты не спускайся больше здесь с обрыва. Придется и наших недругов предупредить.

– Предупредить этих негодяев?! Станный ты человек. Впрочем, сохранность острова дороже всего. А трещина? Что делать с ней? Засыпать камнями?

– Да, пожалуй. Иначе волны размоют ее больше. Только для начала нужны камни покрупнее.

– Смотри, да тут их целая куча, будто кто специально приготовил.

– Верно. Такую кучу мог набросать только человек. Кто же это сделал? Может быть, твой отец?

– Не думаю, зачем ему эти камни?

– И тем не менее пирамида сложена человеком. И очень давно. Видишь, кое-где даже трава на камнях. – Денис отбросил в сторону несколько верхних глыб и вскрикнул от неожиданности: под камнями лежал зеленый чемодан.

– Норма, смотри! Ты знаешь, что это такое?

– Какой-то ящик или чемодан.

– Да, чемодан. Он знаком тебе? Ты видела его когда-нибудь прежде?

– Нет, никогда. А почему тебя взволновала эта находка?

– Да потому, что это чемодан Джорджа Томпсона. Тот самый зеленый чемодан... Но я ведь не говорил еще тебе об этом. Понимаешь, Нор, капитан Грей еще тогда, во время стоянки у острова, больше всего был заинтригован тем, что Джордж Томпсон в тайне от твоего отца пронес на остров какой-то зеленый чемодан, а обратно на яхту его не возвратил. Что могло быть в этом чемодане, Грей не знал, но до самого последнего времени был почему-то уверен, что именно с этим чемоданом связана тайна вашего исчезновения.

– Но что мог он положить в этот чемодан и почему спрятал его здесь, в камнях?

– Представить не могу. Хотя, зная теперь его коварство...

– Думаешь, бомба?

– Очень может быть. И стоит прикоснуться к замкам...

– Так в океан его!

– Нет, постой! А если здесь действительно разгадка какой-то тайны, – Денис осторожно извлек чемодан из-под камней, прикинул на вес.

– Килограмма три, не больше. Что же все-таки здесь может храниться?... Норма, отойди вон туда, за бугорок.

– Зачем?

– Ну, мало ли...

– Дай-ка мне взглянуть. – Она вдруг побледнела, в глазах ее вспыхнул лихорадочный блеск.

– Да что тут смотреть. Чемодан как чемодан, и замки самые обыкновенные... Осторожнее, Нор!

Но она уже обхватила чемодан обеими руками и в одно мгновение взвилась вверх по склону.

– Норма!!!

Однако она уже поставила чемодан на землю и, опустившись на колени, нажала сразу на оба замка. Чемодан раскрылся и... ничего не произошло.

Денис со всех ног пустился к ней.

– Ты... Ты с ума сошла! Как можно так рисковать?!

– А ты хотел, чтобы я позволила это тебе?

– Но можно было что-то придумать.

– Придумать можно только одно – бросить в воду. Но я поняла, что ты не сделаешь этого. А раз так...

– Что же там?

– Кажется, радиоприемник.

– Ты почти угадала. – Денис увлекался радиотехникой и сразу понял, что в чемодан вложен портативный передатчик. Он повертел его в руках. Ничего особенного. Передатчик как передатчик. Он открыл верхнюю панель, пробежал глазами по схеме. Схема слегка перемонтирована. И сделано это явно наспех. В одном месте припай отскочил, в другом – оголенные провода почти касались друг друга.

– Все ясно. Твой дядя был дальновидный бизнесмен и неплохой горный инженер, но никуда не годный радиотехник. Теперь я не сомневаюсь, что он сразу разгадал тайну острова, и в голове его мгновенно созрел дьявольский план: оставить здесь на некоторое время брата. На некоторое время, Норма! Он прекрасно рассчитал, что твой отец долго не проживет, и вы похороните его на острове. Таким образом он полностью обезопасил бы себя от судебно-медицинских экспертов, которые легко могли установить, что Роберт Томпсон умер от лучевой болезни, и докопаться до истинной причины смерти. А когда все было бы кончено, он явился бы сюда в качестве вашего избавителя. И ничто не помешало бы ему сыграть эту роль. В самом деле, кто смог бы доказать, что он знал об удивительных особенностях острова? Никто, ни один человек на свете, в том числе и вы с матерью. Да вам и в голову не пришло бы подозревать его в каком-то злом умысле, если б год спустя он явился сюда и заявил, что все это время только и делал, что разыскивал вас и своего несчастного брата. Даже твоя мать встретила бы его, как благодетеля. И кто знает, как сложилась бы ваша судьба. Ведь Джордж Томпсон, по словам Грея, был неравнодушен к миссис Томпсон.

– Да, я замечала это. Но тут он ничего бы не добился. Я хорошо знала свою мать...

– И тем не менее он мог рассчитывать на что-то. Важно установить сейчас мотивы его поступков.

– Я понимаю...

– Так вот, мне кажется, у Джорджа Томпсона были основания вернуться к вам через некоторое время.

Норма покачала головой.

– Ну, пусть я ошибаюсь. Пусть миссис Томпсон значила для этого негодяя не так уж много, а твоя судьба и вовсе была безразличной для него. Однако и в этом случае он не мог не вернуться сюда. Трудно допустить, чтобы этот прожженный деляга согласился расстаться с таким сокровищем, как этот остров. Ведь он мог принести ему миллионы. Недаром Курт готов душу продать за владение островом. Но для того, чтобы воспользоваться этим богатством, надо было знать, где найти остров в нужный момент.

– Для этого дядя Джордж и припрятал здесь эту штуку?

– Конечно. Ему нужно было, чтобы тут остался постоянно действующий радиомаяк. Поскольку, однако, встреча с островом была чистой случайностью, пришлось воспользоваться самым ординарным радиопередатчиком и переделывать его в маяк. Дело в общем-то несложное. И поручи он его опытному мастеру, план этот несомненно удался бы. Но требовалось соблюдать строжайшую тайну. Поэтому переделывать прибор

пришлось самому Джорджу, наспех, без нужного инструмента и приспособлений. Вот и получилась осечка. Маяк он сделал. Смог даже пронести его незаметно для вас на остров и спрятать здесь, в камнях. Но прибор вышел из строя задолго до того, как «Даная» вернулась из Пуэрто-Рико.

– Представляю, как взбесила дядю Джорджа эта неудача.

– Да, теперь понятно, почему он не выходил в те дни из радиорубки и беспрерывно тянул коньяк. Старик Грей думал, что его угнетала судьба брата. Вот какую злую шутку сыграл тоненький, плохо припаянный проводок... Впрочем, Джордж Томпсон предусмотрел даже такой поворот дела. Если бы радиомаяк, как это и произошло, не сработал, или сам он почему-либо не смог вернуться на остров, в резерве оставалась взрывчатка. Ваша хижина не могла простоять долго. Со временем вы все равно перебрались бы в пещеру. Ну а тогда... Этот туннель к провалу даже психически действовал бы на вас.

– Верно, он с самого начала вызывал у меня страх. Ну, а мама...

– Вот видишь! Так что если бы твой отец и не стал носить эти проклятые часы, сберег здоровье, туннель доконал бы его, и рано или поздно на острове прогремел взрыв. Вот, оказывается, что это такое – преуспевающий «деловой человек», – Денис вставил передатчик обратно в чемодан и захлопнул крышку.

– Денис, а нельзя снова устроить этот передатчик?

– И послать радиogramму о нашем бедственном положении?

– Да.

– К сожалению, нельзя. Передатчик восстановить нетрудно. Но батарейки питания вышли из строя окончательно. И заменить их здесь нечем. – Денис бросил чемодан и со вздохом опустился на землю.

Норма подседа к нему ближе, провела кончиками пальцев по нахмуренным бровям:

– Не расстраивайся, милый. Ведь нам с тобой хорошо и здесь. Разве не так?

Он молча зарылся в ее пышные волосы.

Глава двадцать девятая

Неделю спустя к ним наведалься Эвелина. Денис только что вернулся из очередного исследовательского маршрута и, сидя в тени скалы, подправлял составленную им карту острова.

– Мисс Эвелина! – искренне обрадовался он, вставая ей навстречу. – Как хорошо, что вы навестили нас.

– Здравствуйте, м-р Крымов, добрый день, миссис Норма, – поздоровалась американка. – А у вас здесь очень мило.

– Мы собираемся обедать и угостим вас жареной дичью, – сказала Норма.

– Спасибо. К сожалению, появились кое-какие новые обстоятельства, о которых вам стоит узнать.

– И все-таки – сначала обед! – Норма сняла с огня сковороду и поставила перед журналисткой полную миску дымящейся птицы.

– Боже, как вкусно! – воскликнула журналистка, отведав кусочек крылышка.

Несколько минут прошло в молчании. Жареная птица была на диво хороша, и изголодавшаяся Эвелина при всем своем желании не могла церемониться.

Наконец сковорода опустела. Норма подала холодный компот из сушеных яблок и груш.

– Так что случилось, мисс Эвелина? Плохо с Куртом? – спросил Денис.

– Нет, у Курта как раз все хорошо. Против моего ожидания, он уже поднялся на ноги и снова покрикивает на Ганса. А вот этот Ганс... Помните, я говорила, что он прячет что-то под одеждой в непромокаемом мешке? Так это оказалось не оружием, а крохотной радиостанцией.

– Радиостанцией?! – в один голос воскликнули Денис и Норма.

– Да. Но она, как я узнала, вышла у него из строя. А два дня назад Ганс притащил откуда-то другой радиопередатчик. И из этих двух ему удалось собрать нечто такое, что, кажется, будет действовать.

Денис переглянулся с Нормой – какого же дурака они свалили, бросив чемодан на берегу!

– Теперь, – продолжала Эвелина, – у них с Куртом только и разговоров об этом передатчике. Ведь если тот в самом деле заработает, они могут связаться с каким-либо кораблем или военной базой и, сами понимаете, что будет.

– Так надо забрать у них передатчик! – вскочила с места Норма.

– Нет, это не дело, – возразил Денис. – К тому же, едва ли они держат передатчик на виду.

– Они все прячут в лесу, – подтвердила Эвелина.

– Вот видишь, – сказал Денис. – А кстати, кто все-таки он, этот Ганс?

– Похоже, из тех головорезов, которых называют зелеными беретами – полушпион, полубандит.

Такой все сможет. И корабли вызвать и связаться с любой базой. А в мешочке-то у него, наверное, были и батарейки питания.

– Что же вы собираетесь делать? – нетерпеливо перебила журналистка.

– Пока не знаю. Будем думать. Во всяком случае, спасибо вам. Это очень важно – то, что вы сказали.

– Постараюсь информировать вас по возможности и дальше. А теперь прощайте!

– Постойте, мисс Эвелина, я хочу сделать вам небольшой подарок. – Норма юркнула в пещеру и через минуту вернулась с целым ворохом посуды. – Ведь у вас там ничего этого нет.

– Да, если не считать «сервиза», сделанного вашим мужем. Спасибо, миссис Норма. Но принять ваш подарок не могу, потому что сам визит мой сюда придется сохранить в тайне. М-р Крымов, вы проводите меня?

– Разумеется, – Денис поправил костер и, сделав знак Норме не беспокоиться, последовал за Эвелиной.

Журналистка уверенно нырнула в лесные заросли, легко отыскала затерянную в кустах тропу и, не оглядываясь, зашагала к Круглой бухте. Несколько минут она шла молча, чутко прислушиваясь к шорохам леса, и лишь после того, как белая скала осталась далеко за деревьями, снова заговорила, понизив голос до шепота:

– Я должна сообщить вам еще кое-что. Там, у костра, не хотелось тревожить девочку. Судя по всему немцы готовятся проникнуть ночью к вам в жилище и убить вас. Ганс уже побывал здесь, видел вход в пещеру и теперь мастерит какой-то светильник.

– Но вы же знаете, проникнуть в пещеру постороннему не так просто.

– Для любого другого может быть и так. Только не для Ганса. К тому же он может произвести разведку заранее, днем, когда вас не будет дома. Словом, я посоветовала бы установить какую-нибудь сигнализацию, ну, протянуть скрытно тонкую нитку, что ли, сразу за входом, чтобы заблаговременно знать, что кто-то побывал в пещере.

– Это, пожалуй, мысль...

– И еще, м-р Крымов, – берегите воду. Ганс, как я поняла, может отравить ее, пользуясь какими-то местными средствами. А в здешних стоячих водоемах...

– Мы пользуемся проточной водой.

– Все равно осторожность не помешает. Я так боюсь за вас!

– Спасибо, мисс Эвелина, за все спасибо. – Денис склонился к ней и поцеловал ее маленькую загрубевшую руку.

Она вспыхнула:

– Всего вам доброго, Крымов. Только с вами и чувствую, что я еще человек. – И не провожайте меня дальше. Не хочу, чтобы эти негодяи видели нас вместе. До свидания! – И журналистка побежала вниз по тропинке.

Денис в раздумье вернулся к пещере. Норма ждала его у костра, в глазах ее затаилась тревога.

- Она сказала что-нибудь еще?
- Денис сел с ней рядом, поправил сучья в костре:
- Она предупредила, что эти двое собираются проникнуть ночью к нам в пещеру.
- Пусть попробуют!
- А если мы будем спать?
- Ника разбудит.
- Ты уверена в этом? Может, сделать какую-нибудь сигнализацию, я тут прикинул кое-что...
- Не надо. Пока Ника с нами, мы можем спать спокойно. А вот эта история с передатчиком...
- Да, тут мы, конечно, дали маху.
- Что же теперь будет, Денис? Что станем делать, если, в самом деле, придут военные корабли?
- Признаться, я не очень в это верю. Но если корабли действительно придут... Впрочем, не будем пока загадывать.

Глава тридцатая

Несчастье пришло под утро. Денис только что пробудился ото сна, когда до слуха донесся сильный, как пушечный выстрел, грохот, и вся пещера наполнилась страшным, зловеще нарастающим гулом. Мозг пронзила леденящая мысль: океан ворвался в провал.

Три дня перед этим бушевал свирепый шторм. Громадные, с двухэтажный дом волны с ревом обрушивались на остров. Денис не отходил от Китового мыса, глядя, как грохочущие валы бьют в опасную часть берега. Но вчера к вечеру волнение внезапно улеглось. Опасность, казалось, миновала. Денис впервые за эти дни уснул спокойно. А сегодня утром, когда океан почти утих, тонкая перемычка не выдержала и вода ринулась в недра острова.

Денис разбудил Норму, и оба, схватив кое-какой инструмент, бросились к пляжу у Китового мыса.

Утро было ясным. На небе ни облака. Трава стояла белой от росы. Лес будто дремал, напоенный вчерашним дождем, а океан блестел, как гладкая серебристая кольчуга. Снизу, из провала, на поверхность острова не доносилось ни звука. С трудом верилось, что где-то под ногами ревет и грохочет гигантский водопад.

Однако, чем ближе они подходили к Китовому мысу, тем явственнее становился глухой низкий шум. Сначала он напоминал шум деревьев на ветру, потом стал похож на гул мощного дизеля, наконец превратился в такой вой и грохот, какие издают лишь турбины ракетноносцев на форсированном режиме.

Но вот и знакомый пляж. Денис подскочил к кромке берегового уступа и невольно попятился назад.

– Эх, мать честная! – вырвалось у него по-русски.

– Что ты сказал, Денис?

– Я говорю, какую дырищу проделала вода!

Брешь, пробитая водой, была не меньше двух метров в длину и с добрых полметра в поперечнике. Она находилась значительно ниже прежней расселины, в самой зоне прибоя, океан вливался в нее сплошным бурлящим потоком. Казалось, целая река уходила под землю, и остров прямо на глазах опускался в пучину вод. Во всяком случае, большой камень, на котором Денис не раз сиживал здесь, на берегу, был уже наполовину в воде, а листья ольхи, еще вчера свисавшей над водой, теперь плескались глубоко в волнах.

– Что же делать, Денис? – сказала Норма дрогнувшим голосом.

Он лишь вздохнул. Все вокруг: и грохот падающей воды, и безбрежный океан, будто весь устремившийся в зияющий пролом, и все больше заливаемый берег – вселяли чувство обреченности и страха. Но страшнее всего был сам пролом. Он чернел на берегу, как

рваная дымящаяся рана, и с каждой минутой увеличивался, расплываясь подобно громадной чернильной кляксе. Нечего было и думать заделать его камнями.

Несколько минут Денис не двигался с места, глядя на этот разгул стихии, подавленный страхом, не в силах сообразить, что можно сделать для предотвращения катастрофы. А время шло, и каждый час промедления мог стать последним часом острова.

– Денис, – снова окликнула его Норма, – может, нарубить бревен и сделать плот, пока не поздно.

– Плот?... – Он оторвался от своих дум и обернулся к ней. Бледная, с широко раскрытыми от страха глазами, Норма стояла, вцепившись ему в руку, не отводя взгляда от ревущего потока.

– Плот... А что же дальше? Мучительная смерть от голода и жажды под палящим солнцем среди соленых волн?

– Нет, плот – это в самом крайнем случае, если не останется никакой надежды на спасение острова. А вот бревна... Бревна... Конечно, бревна! Молодец, Нор! Как я сам не подумал об этом, Только бревна и смогут помочь нам! Положим поперек расселины три-четыре хороших бревна, так, чтобы комли их уперлись в обрыв. На них – сучья. А уж потом – камни. Не-е-ет, мы еще не сдадимся тебе, океан! За дело!

– Постой, Денис! А если новый обвал?

Денис невольно вздрогнул, представив на миг, что Норма падает в грохочущее подземелье.

– Ты права. Можно и самим рухнуть в бездну. Какже быть? Как быть?...- он огляделся по сторонам. – А вот как! Беги назад в пещеру и неси все веревки, какие найдутся в складе. Привяжем себя вон к тем лесинам, видишь, у подножия холма? Беги! А я начну рубить деревья.

Теперь, когда у него был определенный план действий, страх почти прошел, и он все силы вкладывал в топор. Благо он оказался острым. К приходу Нормы он успел свалить четыре дерева и обрубить с них ветки так, чтобы они остались лишь с двух противоположных сторон. Тогда он принялся заготавливать сучья и подносить их ближе к пролому. Норма помогала ему как могла. Наконец все было готово. Пора было приступить к самой опасной части операции.

Прикинув расстояние до пролома, Денис распутал принесенные веревки, связал их в две длинные вожжи и, крепко обвязав себя и Норму у пояса, тщательно закрепил свободные концы вожжей за ствол самого толстого дерева.

– Теперь слушай, Нор. Мы положим эти срубленные деревья поперек пролома комлями к берегу. Тогда бревна упрутся в обрыв, и вода не сдвинет их с места. Начали!

Они ухватились за первую лесину и, осторожно приблизившись к пролому со стороны моря, бросили ее прямо в кипящий водоворот. Вода, как и ожидал Денис, сама уткнула дерево комлем в береговой уступ. Рядом с первой лесиной легла вторая, потом третья, четвертая...

– Порядок, Норма! Теперь носи и подавай мне сучья. Только, не торопись, легче ступай по пляжу. Вот так!... Неси еще. – Он стоял по колена в несущемся потоке и каждым нервом, каждой клеточкой тела ощущал, какая лавина воды ежесекундно врывается в недра острова. Но каждая вновь уложенная ветка ослабляла напор стихии. Только бы не рухнула оставшаяся часть берега! Особенно там, где подносила сучья Норма. В прочности веревки можно было, кажется, не сомневаться, и все-таки...

– Осторожно, Норма, осторожно!

Но она словно не слышала его, работала молча и с такой быстротой и сноровкой, что он еле успевал укладывать подаваемые ею сучья.

Через час вся брешь была перекрыта сплошным настилом из веток. Напор воды заметно ослаб. Но она продолжала литься в промежутки между сучьями. Земля под ногами еще гудела от падающей в провал воды.

– Теперь камни, Норма!

– Нет, уложим еще слой веток. Так будет прочнее.

Денис нарубил сучьев покрупнее, и они набросали второй настил, еще более плотный, чем первый. Напор воды совсем ослаб. Шум ее стал глуше, спокойнее. Денис вскарабкался на настил, прошел по нему с конца в конец. Все было, как будто, прочно. Концы бревен плотно упирались в береговой уступ, ветки легко держали вес его тела. Можно было приступить ко второй части задуманного плана.

Денис взобрался на обрыв, сложенный здесь сравнительно плотными тяжелыми туфами, окликнул Норму:

– Хватит, Нор! Сучьев больше не нужно. Поднимайся сюда да захвати кирку. И лопату тоже.

Норма поднялась к нему, опустилась на землю, утерла пот с лица:

– Кажется, самое страшное позади...

– Зато самое трудное впереди. Знаешь, сколько тут надо камней и земли?

Насыпем! – она взяла кирку и принялась бить по кромке обрыва.

– Нет, кирку давай мне. Мне приходилось иметь с ней дело. А ты возьми лопату и сгребай это каменное крошево.

И вновь закипела работа. Денис крушил киркой верхнюю часть берегового уступа, бросая обломки туфа на настил, Норма сгребала лопатой мелкую щебенку и заполняла ею все пустоты между камнями. Скоро задняя часть настила скрылась под надежной насыпью.

Но потом дело пошло медленнее. Крупные обломки приходилось носить все дальше от обрыва, землю и каменную крошку перебрасывать с места на место в несколько приемов. Зато с каждым новым метром насыпи шум воды становился все тише и наконец пропал совсем. Денис бросил кирку, смахнул пот с лица.

– Все, Норма, победа! – он отвязал веревку и, раздевшись, с разбегу ринулся в притихший, лениво бьющий о берег океан. Вода мгновенно сняла остатки нервного напряжения, вернула телу привычную бодрость.

Отплыв от берега, Денис трижды перекувыркнулся через голову и, выбросив руки в стороны, замер на поверхности воды.

– Ух, хорошо! Плыви ко мне... - Но конец фразы заглушил зловещий грохот.

Денис рванулся обратно к берегу, изо всех сил заработал руками и ногами, но вода уже подхватила его и понесла к бешено крутящейся воронке, со свистом втягивавшей в себя камни и целые глыбы туфа. Он попытался упереться в дно ногами. Однако течение опрокинуло его, больно ударило о камень, развернуло ногами к берегу. Казалось, еще минута – и он рухнет в грохочущий провал. Но тут что-то упало в воду у самого его лица.

И голос Нормы:

– Держи! Держи веревку, Денис!

К счастью, конец веревки помчался по течению рядом с ним. Он ухватился за нее руками и тут же почувствовал, как она натянулась, потащила его в сторону, наперерез течению, а через минуту вырвала из губительного потока. Не выпуская веревки из рук, с трудом переставляя ставшие вдруг непослушными ноги, почти ничего не видя от сильного головокружения и тошноты, он выбрался на берег и упал на руки Нормы.

Несколько минут все у него качалось перед глазами и плыло, как в тумане. Но постепенно головокружение прошло, сознание прояснилось. Он встал и, преодолевая слабость, подошел к кромке берегового уступа. Новый пролом был невелик. Но так как он находился ниже уровня океана, вода врывалась в него со страшной силой.

Норма встала у него за спиной, обхватила за плечи.

– Все пропало, Денис...

– Ничего не пропало. Насыпь, видишь, целехонька. Надо было спустить настил подальше к океану. Ну да что об этом говорить! А сейчас сделаем так: бросим еще пару бревен поперек пролома, так, чтобы их прижало к насыпи. А когда течение ослабнет, продолжим настил чуть дальше и снова будем валить камни и землю.

– Но что толку? И дальше все обрушится. Так можно без конца...

– Ничего подобного! Новый пролом меньше первого раз в пять. А какой был грохот? Не меньше десятка тонн ухнуло. Значит, толщина перемычки тут – ой-ой! Дальше в море пролом расти не будет. Пошли рубить деревья!

– Но ты еле стоишь.

– Ничего, раздышусь. Давай веревку.

И снова рубили они сучья и ветки. И снова Норма без устали носила их к берегу, а Денис, стоя по колено в воде, борясь с течением, укладывал их над проломом. И снова по очереди долбили они каменный обрыв и сыпали, сыпали в воду камни, землю, гальку.

Солнце склонилось к закату, когда наконец прекратился шум падающей воды и установилась тишина, нарушаемая лишь шорохом прибоя. Это была победа! Денис простучал шестом все пространство вокруг насыпи. Грунт держался прочно.

Тогда они свалились в траву под тень деревьев и долго лежали без движения, без слов, глядя на плывущие в небе облака, наслаждаясь тишиной и покоем.

Потом Денис разложил костер. Норма набила дичи. Пообедав и отдохнув, они до глубокой ночи сидели, прижавшись друг к другу, над своей насыпью, слушая мерный шум прибоя, гордые от сознания одержанной победы.

Звезды все ярче разгорались в вышине, тьма все плотнее заволакивала прибрежные холмы, а далеко в океане все отчетливее проступала широкая полоса бледного фосфоресцирующего сияния. И казалось, что это не просто свечение воды, а дорога в большую жизнь – далекую, неведомую, бесконечно прекрасную. И голос Нормы дрогнул, когда она тихо, словно боясь нарушить ночной покой, шепнула в самое ухо Дениса:

– А если новый шторм, новый пролом?

Он крепче обхватил ее за плечи, теснее прижал к груди:

– Тебе очень страшно?

– Пока ты со мной, мне ничего не страшно. Но так хотелось бы пожить еще, увидеть мир... Или я слишком многого хочу?

– Почему многого?

– Так ведь давно ли мне казалось, что только бы капельку тепла, капельку ласки – больше ничего не надо. И вот ты дал мне все. Теперь бы благодарить судьбу. А хочется еще столько увидеть, пережить... Это, наверное, плохо, Денис?

– Это хорошо, Норма. Очень хорошо. В этом и состоит предназначение человека. Ради этого и стоит жить.

– Жить ради того, чтобы хотеть чего-то нового, неизведанного? Ты шутишь, Денис? А знаешь... В годы своего одиночества я часто думала об этом: для чего я живу? Ведь жить было трудно, страшно, тоскливо. Но еще страшнее была мысль о смерти. И я думала: отчего же это, почему так страшно умереть, ради чего так хочется жить? И где-то в глубине сознания пробивалось именно это – надежда на что-то новое, неизведанное. Тогда мне это казалось глупостью. А теперь вот ты говоришь то же самое. Ради чего все-таки живет человек?

– Это очень непростой вопрос. И чтобы ответить на него, надо судить не об одном человеке, а о всех живых существах Земли.

– Ты хочешь сказать, смысл жизни всех существ одинаков?

– Да, если говорить о смысле жизни вообще, жизни как процессе, жизни как особой форме существования материи. Все живое стремится выжить, все организмы борются за свое существование. Все до единого! И как борются! Кажется просто чудом, что живые существа могут противостоять и сильнейшим перепадам температур, и губительным воздействиям различных излучений, и катастрофическим геологическим процессам, и всякого рода атмосферным катаклизмам. И тем не менее, как возникла жизнь где-то около трех с половиной миллиардов лет назад, так и существует до сих пор. И не просто существует, а все время совершенствуется, увеличивается в общей массе, завоевывает все новые и новые области обитания.

Так чем же объяснить это победное шествие жизни. В чем та сила, которая движет все живое, толкая его на борьбу с любыми превратностями условий существования, заставляя вырабатывать миллионы самых изощренных приспособлений?

– В самом деле, что это за сила, Денис? Помню случай. Когда я была еще девочкой, во дворе у нас жила собачка. Приблудная, ничья. Кормили ее в основном мы, дети. И вот однажды во двор приехали люди, истребляющие бродячих собак. Так что бы ты думал? Почуввав опасность, наша собачка взобралась по отвесной пожарной лестнице, прошла по еле заметному карнизу и прыгнула ко мне в окно. Папа и мама не могли поверить такому. А я еще тогда подумала: почему всем так хочется жить?

– Вот именно, почему? Откуда эта жажда жизни? В чем ее смысл? Впрочем, биологи считают этот вопрос решенным. Смысл жизни любого существа, полагают они, заключается в том, чтобы дать существо, себе подобное.

Норма вздрогнула.

– А ведь это верно, Денис. Это так верно...

– Да, это верно. И если посмотреть на анатомию и физиологию любого организма, станет ясным, что все здесь направлено исключительно на достижение этой цели. Но если биологи могут поставить на этом точку, то философская мысль неизбежно выдвинет новый вопрос: а какой смысл в этом стремлении оставить после себя потомство?

– Как какой? Это ясно...

– Ну, а все-таки?

– Я не могу выразить словами. Это можно только чувствовать.

– Нет, это можно выразить и словами. Но для этого надо прежде всего определить, чем принципиально отличается живое от неживого? По мнению биологов, любая живая структура отличается от неживой тем, что она может избирательно поглощать из окружающей среды лишь нужные ей вещества, может расти, может создавать структуры, себе подобные. Такое определение достаточно для ответа, который дают биологи, но абсолютно недостаточно, чтобы ответить на вопрос философов. Здесь требуется какой-то иной критерий жизни. И такой критерий существует. Вспомни хотя бы простейший одноклеточный организм – амебу. Вы проходили ее, конечно, на уроках зоологии?

– Да, я помню.

– Так вот, этот крохотный кусочек протоплазмы удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым биологами к живому существу: она питается, растет, делится. Но она обладает и еще одной интересной особенностью. Если в каплю жидкости, где живет амеба, поместить кусочек съедобного для нее вещества, то амеба будет двигаться к этому кусочку, а не просто ждать, когда он случайно соприкоснется с ее телом. А если в ту же каплю опустить кончик раскаленной иглы, амеба постарается убежать от нее. Следовательно, амеба уже знает, что ей полезно, а что вредно, она располагает уже определенной информацией об окружающей среде. И вот эта-то способность получать информацию об окружающем мире и использовать ее в процессе жизнедеятельности и является, на мой взгляд, самым главным критерием живого. В конце концов, расти может и кристалл. Он тоже поглощает из кристаллообразующего раствора только те ионы, которые необходимы для его решетки. И также может разломиться на две части, идентичные одна другой. Но только живой организм, кроме всего этого, может получать и хранить информацию об окружающей среде.

А информация эта бесценна. Бесценна не только потому, что без нее невозможно нормальное существование организма, но и потому, что досталась она ценой жизни миллионов и миллионов особей. В самом деле, по-видимому, не один миллиард амев погиб в горячей струе воды, прежде чем они усвоили информацию об этой опасности.

Но значит эту бесценную информацию нужно сохранить. Сохранить во что бы то ни стало! В течение жизни она сохраняется в самом организме. А после смерти? После смерти она может сохраниться лишь в том случае, если будет передана потомству. Вот откуда это стремление оставить после себя существо, себе подобное. Это единственный

путь сохранить самое ценное, что имеет жизнь, единственно возможный механизм эстафеты передачи информации из века в век. Но разве это свойственно только амебе? Разве не то же самое, только в еще большей мере, характеризует любой высокоразвитый организм? Можно наверное утверждать, что каждый новый шаг по лесенке эволюции это прежде всего новые возможности в получении информации и новый, более совершенный механизм передачи ее потомству. Вот почему у человека, венца всего живого, процесс получения информации вылился в создание универсальнейшего органа познания – мыслящего мозга. И возможности его в этом смысле поистине безграничны.

Ну, а жизнь человека? Ведь если вдуматься, вся она, все его поступки, и хорошие и дурные, за исключением разве тех, которые связаны с непосредственным удовлетворением запросов работающего организма, в основе своей сводятся к одному – стремлению узнать, ощутить, пережить, перечувствовать что-то новое, неизведанное, то есть в конечном случае – к получению новой информации.

И то, что именно получение информации является главным стержнем, главным содержанием жизни любого человека, будет ответом на твой вопрос. Почему, в самом деле, все так боятся смерти, почему все цепляются за жизнь? Ведь не потому, что они боятся потерять возможность есть, пить, спать? Так почему же?

Представь себе, что тебе скажут: ты умрешь, но и после смерти будешь знать, что творится в мире. И смерть перестанет быть для тебя страшной. Страх смерти – это страх лишиться возможности получать информацию об окружающем нас мире. Ибо в этом и только в этом смысл жизни любого человека. Смысл жизни любого другого существа. Смысл всей жизни вообще, в самом широком, самом глобальном понимании этого слова. Ты согласна со мной? Что же ты молчишь?

Норма отыскала в темноте его руки, прижалась к ним пылающим лицом.

– Все это очень интересно, что ты сказал. Конечно, хочется еще многое увидеть, понять, почувствовать. Но знаешь, о чем я мечтаю больше всего? – голос Нормы перешел на шепот. – Я мечтаю о том, чтобы у нас с тобой был сын, такой же добрый, честный, умный, как ты...

Глава тридцать первая

Их разбудила Ника. Тонко повизгивая, она взобралась на топчан и принялась тормошить своих хозяев. Первым проснулся Денис, Услышав знакомое повизгивание и нащупав в темноте мохнатую лапу, он шлепнул обезьянку по спине и недовольно пробурчал:

– Не мешай спать, Ника. Иди на место!

Но обезьяна метнулась к хозяйке. Норма подняла голову.

– Разбудила-таки, противная! А ну, марш на место! – Денис попытался столкнуть Нику с топчана. Однако Норма приложила палец к его губам.

– Тише, Денис, тише! В пещере кто-то есть.

Денис затаил дыхание. С минуту их обступала глухая тишина подземелья. Но вдруг в ней явственно послышались крадущиеся шаги.

Норма соскочила с топчана и, схватив нож, неслышными шагами направилась к выходу. Денис удержал ее за руку.

– Стой, Норма, пойдем вместе.

– Тогда возьми вот хоть это, – она вложила ему в руки охотничий топорик и осторожно раздвинула полог.

В круглом гроте было тихо. Они прокрались к выходу в центральный туннель и притаились. Звуки шагов доносились уже со стороны провала. Норма спустилась вниз.

– Смотри!

Денис глянул в темноту и ясно увидел красное движущееся пятно. Оно медленно удалялось по направлению к провалу.

– Кто это, Курт или Ганс?- шепнул он на ухо Норме.

– Не все ли равно... Может, и тот и другой.

– Но ведь они могут сорваться.
– Пусть!
– Нет, так нельзя. Я догоню их.
– Не смей, Денис. Они убьют тебя.
– Но их фонарь уже почти у провала. Их надо окликнуть, предупредить!
– Зачем? Они пришли убить нас. Если ты крикнешь, они вернутся назад, и трудно сказать, что может произойти тут, в темноте.
– Но я не могу так, не могу! Ведь еще минута... Эй, кто там, назад!
Красное пятно заметалось по проходу и еще быстрее двинулось к провалу.
– Назад! Назад! – закричал Денис во всю мочь, бросаясь вперед. – Ни шагу дальше! Впереди – опасность, смерть!!!
Красное пятно сделало замысловатую петлю, и в тот же миг раздался нечеловеческий вопль. Красное пятно оставалось теперь неподвижным, но душераздирающий крик продолжал нестись по подземелью, а через секунду раздался сильный всплеск, и все смолкло.
– Кажется, это был Ганс,- еле слышно прошептал Денис.
– Одним врагом меньше,- холодно отозвалась Норма.
– Но почему все еще светится этот фонарь? Значит тот, другой...
– Пойдем, посмотрим. Теперь это не так страшно. Только ни звука! И пропусти меня вперед.
Они осторожно подошли к провалу и наконец увидели то, что светилось в темноте. То была старая консервная банка с отверстиями, в которой ярко горели угли. Такой снабженный проволочной петлей светильник вполне сносно освещал круг радиусом в полметра и в то же время его легко можно было заслонить от посторонних глаз. Рядом со светильником валялся камень, укрепленный на тонком ремне. И это все. Значит Ганс был один. И одним врагом действительно стало меньше.
– Это кошмарно,- прошептал Денис, стараясь побороть внутреннюю дрожь.
Норма подняла с земли камень на ремне.
– А это не кошмарно?
– И все-таки...
– Пойдем спать, Денис. Этот человек сам нашел свою смерть, какой он достоин.
– Нет, Норма, спать идти не придется. И теперь слушай, что я тебе скажу. Сейчас мы приведем сюда Эвелину и Курта.
– Это зачем?
– Нужно, Норма. Чтобы Курт не смог использовать это несчастье против нас.
– Мы еще должны быть и в ответе?
– Будто ты не знаешь, на что способны эти люди.
– Хорошо, пойдем, – она прицепила нож к пояску, подняла с земли светильник. – А это тоже возьмем с собой? Я правильно поняла тебя?
– Да, и этот каменный кистень.
До лагеря они дошли быстро. Ранний рассвет едва притушил звезды, когда Денис остановился у шалаша журналистки и окликнул:
– Мисс Эвелина, встаньте, пожалуйста. Есть дело.
Через минуту американка вышла из шалаша.
– Что-нибудь случилось?
– Да, сейчас вы все узнаете.
Денис подошел к другому шалашу и сказал как мог спокойнее:
– Выйди, Курт, я знаю, ты не спишь.
Немец не ответил. Денис повысил голос:
– Выходи-выходи, иначе вытянем за ноги!
В шалаше послышалась возня, и голова Курта высунулась наружу.
– Какого черта вам от меня надо?

- Где Ганс?
 - Не знаю.
 - Знаешь! И ждешь его возвращения.
 - Я ему не нянька. И он не ребенок, может делать все, что захочет.
 - Вот как! А это он сделал тоже без твоего ведома? – показал Денис на банку с углями. На лице немца появилась злая усмешка.
 - Ах, это! Так-так... Ну, что ж, вы угадали, я знаю, куда пошел Ганс. К вам в пещеру. А вы убили его?
 - Об этом разговор будет позже. А сейчас скажи, зачем ты послал его в пещеру?
 - Только не затем, чтобы марать руки о тебя и твою кралю. Ганс пошел за золотом. За моим золотом! А вы убили его! И вам не оправдаться перед судом.
 - Ну, до суда еще далеко. А вот этот камень ему понадобился, чтобы найти золото?
 - Я не спрашиваю, для чего у этой красотки нож у пояса. Каждый человек носит для защиты то оружие, какое он имеет. Да не каждый пускает его в ход. И вообще, хватит с меня ваших вопросов! Теперь спрашивать буду я. И пусть дражайшая Эвелина будет свидетельницей нашего разговора. Итак – где Ганс?
 - Вот это ты сейчас узнаешь, – спокойно ответил Денис.- Сейчас ты сам с этим светильником и этим «оружием самозащиты» пройдешь весь путь, каким прошел он.
 - Никуда я не пойду.
 - Пойдешь! – коротко сказала Норма, слегка прикоснувшись к ножу.
- Немец отвел взгляд от ее горящих ненавистью глаз, облизал вдруг пересохшие губы.
- Согласен. Пойду. Но мы уже связались по радио с командованием военно-морских сил НАТО. Их корабли придут сюда со дня на день. И если меня не окажется в живых...
 - Можешь не продолжать. Мы сохраним твою драгоценную жизнь. А сейчас бери светильник. Мисс Эвелина, мы попросим вас тоже пройти с нами.
 - Да, это моя гражданская обязанность.
 - Спасибо, мисс Эвелина! – Норма взяла журналистку под руку, и обе женщины медленно двинулись по берегу бухты.
- Курт обернулся к Денису.
- Слушай, Крымов, я все-таки хочу с тобой поговорить. Эта женщина... Меня не интересуют ваши отношения. Но сам понимаешь, убийство есть убийство, и если дело дойдет до суда...
 - Не о чем нам с тобой говорить, – перебил его Денис. – Иди вперед. Спину я тебе не подставляю.

Так миновали они весь путь до пещеры, но как только вошли в первый грот, женщины отступили назад, а Денис сказал:

– Теперь иди один, так, как сделал бы это на месте Ганса с тем же самым освещением. Только дай-ка я добавлю угольков, – Денис вышел к костру, наполнил банку крупными горящими углями и вернул ее Курту. – Ну, двигай! Можешь идти куда угодно, обшаривать любой угол. Найдешь золото, забирай с собой. И вообще – делай, что хочешь, мы тебя пальцем не тронем, будем идти сзади, чуть поодаль.

туннель и, убедившись в прочности его сводов, направился к провалу. Все молча следовали за ним.

Немец сделал еще несколько шагов и остановился. Тьма окружала его теперь со всех сторон, небольшой круг света только усиливал черноту подземелья. Он оглянулся назад. Хватит, что ли?

Как хватит? – отозвался Денис, – Разве Ганс остановился бы на этом? Ему нужно было найти золото или, по крайней мере, наши жилые помещения. Ищи и ты!

Проклятье! – Курт сплюнул и двинулся дальше. Однако движения его становились все нервнее, все неувереннее. Время от времени он останавливался, поднимал светильник вверх. Но в красноватом свете углей, выхватывающем из мрака круг не больше метра в диаметре, поблескивали лишь гладкие стены туннеля.

К черту! Никуда я дальше не пойду. Плевать мне и на Ганса, и на ваши фокусы. Выпустите меня отсюда!

Норма вышла на освещенную часть туннеля, пронзила немца ненавидящим взглядом.

– Забыл, как я дважды угостила тебя камешком? Лицо Курта перекошилось от бессильной злобы.

– Так что вы наконец от меня хотите?

– Иди, как шел!

Курт снова чертыхнулся, однако схватил светильник и зашагал дальше.

Прошло еще несколько томительных минут. Но вот под ногами зашуршала каменистая осыпь. До провала осталось не больше десяти метров. Денис сократил расстояние между собой и немцем, пошел за ним почти вплотную.

В свете углей было видно, что тот сильно нервничал, И шел теперь, стараясь прижаться к одной из стен, еле переставляя ноги.

Денис пристально всматривался в пол туннеля. Свет углей выхватывал детали, отсчитывающие расстояние до провала. Вот блеснула знакомая глыба туфа, за ней – С-образная расселина – до бездны осталось не больше двух шагов. Но светильник не позволял еще рассмотреть никакой опасности.

– Стой! – крикнул он немцу. Тот послушно остановился.

– Теперь подними светильник и вытяни руку вперед.

Немец осторожно выставил банку на расстояние вытянутой руки и тут же отпрянул назад.

– Там пропасть!!!

– Да, пропасть. И не каждого предупреждают здесь об этом.

– Значит, Ганс...

– Сам видишь, что произошло с Гансом. Только кто послал его сюда?

Теперь все трое встали поперек туннеля, не давая немцу сделать и шагу назад. Он прижался к стене, судорожно вцепился руками в каменный выступ. Его била нервная дрожь.

– Я не знал... Я не думал...

– Не думал?! – Норма приблизилась к нему почти вплотную. Ноздри ее тонкого носа трепетали от сдерживаемого гнева. – Ты думал только о том, как прикончить нас?

– Не правда! Верьте мне, мисс...

– Миссис Крымова, урожденная мисс Томпсон.

– Мисс Томпсон?!

– Да, родственничек. Я ношу ту же фамилию, что и твой папаша. Мой отец был двоюродным братом этого негодяя. И это он, твой отец, упрятал нас сюда, чтобы похитить наше состояние, которое, как я слышала, собираешься наследовать ты.

– Но я ничего этого не знал. Да знай я, что у меня такая родственница, я бы... я бы...

– Что ты бы? Что ты мог бы мне предложить за смерть моих отца и матери, за те ужасные три года, которые украдены из моей жизни? Разве что пойти сейчас следом за этим профессиональным убийцей, этим Гансом? Ну! – она подтолкнула немца к пропасти.

Курт сжался. Глаза его округлились от ужаса.

– Мисс Томпсон, пощадите! Пощадите, молю вас! Вы говорите, мой отец... Какой он мне отец! Да я сам бы... Мисс Томпсон, ради всего святого...- немец сполз на землю, пытаясь коснуться губами ступней Нормы. Она брезгливо попятилась.

– Прочь, ничтожество! «Ради всего святого»! Разве есть у тебя что-нибудь святое, кроме того свертка, который ты прячешь!

Немец торопливо затолкал подальше высунувшийся из-под куртки бумажный пакет, который, как знал Денис, прежде хранился у него в чемодане.

– Ну-ка, дай его сюда! – усмехнулась Норма. Немец схватился за пакет обеими руками.

– Мисс Томпсон!

– Миссис Крымова! – поправила Норма.

– Миссис Крымова! Оставьте мне это! Ну зачем вам эти бумажки? А для меня в них вся жизнь.

– Вот я и хочу взглянуть на эту «жизнь», купленную ценой смерти,- она выхватила у немца пакет, подбросила его на руке.- За сколько же серебрянников отправил Джордж Томпсон своего брата на тот свет?

– Миссис Крымова, это большой капитал. Очень большой! И если вы считаете, что Джордж Томпсон обидел вас своим завещанием, – верьте, я не знал этого, я готов поделиться с вами. Сегодня же мы обсудим этот вопрос, и я надеюсь...

– Что ты предлагаешь? Хочешь делиться со мной этими грязными деньгами? Да мне мерзко держать их в руках! – Норма взмахнула рукой, и пакет полетел в пропасть.

– Что вы делаете?! – вскричал немец, бросаясь почти к самому краю бездны. Да теперь я...

– А теперь ты – вон отсюда!

– Но это же деньги!!! М-р Крымов! Мисс Эвелина! Что же это? Что вы все смотрите! Ведь там, в этом пакете...

Эвелина молча отвернулась. А Денис указал рукой на выход из пещеры:

– Ты слышал, что тебе сказали!

Глава тридцать вторая

Послеполуденное солнце жгло немилосердно. Даже в тени в лесной чаще нечем было дышать, лишь в пещере, под многометровой толщей вулканического туфа, можно было спастись от зноя, и Денис с Нормой, забросив дела, уютно расположились прямо на полу, на свежесушенном сене, чтобы подогнать запущенные в последние дни занятия русским языком.

Занятиям этим Норма отдавала все свободное время. Она заучила уже не одну сотню русских слов и легко могла объясняться в пределах бытовой тематики, но ей еще плохо давались грамматические согласования, а Денис давно забыл школьные правила, и теперь оба они со смехом и шутками старались изобрести какую-нибудь систему заучивания наиболее употребительных оборотов.

– И как вы не путаете все эти «я ем», «он ест», «они едят»? – говорила Норма, покусывая сухую травинку. – Ничего же общего, кроме одной первой буквы!

– Но ведь и «они едят», и «они сидят», и «они глядят», – возражал Денис. – Можно уловить закономерность. Дело в практике. Стоит тебе прочесть несколько хороших русских книг, и все станет на свое место. Жаль, что здесь у нас нет. Но как только вернемся домой...

– Домой?... – Норма сразу посерьезнела. – Боже, как пора нам куда-то домой! Как пора, Денис! Потому что... Потому что я... Дай руку, положи сюда, вот так... Чувствуешь что-нибудь?

– А что, болит?

– Глупый! Это он, наш малыш, дает о себе знать. Слышишь, вот снова...

– Родная моя! Что же ты молчала до сих пор? – он нежно прижал к себе жену, покрывая поцелуями ее лицо, глаза, волосы...

И вдруг:

– М-р Крымов! Миссис Норма!

Норма мгновенно выпрямилась, напряглась, как струна.

– Это Эвелина! Что-то случилось.

– Сейчас я узнаю.

– Нет, только вместе!

Журналистка ждала их у самого входа в пещеру.

– М-р Крымов, миссис Норма, собирайтесь скорее. Они здесь! Боже, что за жара! Напоите меня, миссис Норма.

– Так пройдите сюда, к нам. Здесь в холодке и попьете. Может быть, чаю...

– Какой холодок! Какой чай! Я говорю, они уже здесь! Я так бежала, думала, сердце выскочит из груди. Собирайтесь же, пойдем скорее!

– Да кто они? – не выдержал Денис – Зачем собираться, куда идти? Что случилось наконец?

– Военный корабль у острова!

– Та-а-ак... Значит немцы добились своего. Чей корабль, не заметили?

– Наш, Соединенных Штатов.

– Ну да, чей же еще. И Курт ждет не дожидается новых хозяев острова?

– Курт? Курт давно уже там, на корабле, у командира. Укатил с первой шлюпкой. Рядится, наверное, за свое сокровище. Только сдается мне, ему просто дадут в зад пинка.

– Значит, была уже и шлюпка?

– Да, едва я успела спуститься со скалы, как они причалили. Офицер и шесть матросов. Офицер сразу расспросил, кто мы, сколько нас на острове, и тут же заявил: все гражданское население должно покинуть остров в течение двадцати четырех часов. Чудак! Я сказала, что мы готовы покинуть этот рай в течение двух с половиной минут. Но он сказал, что порядок есть порядок, что мы должны успеть собрать все свое личное имущество и уладить все свои личные дела, после чего за нами придет специальная шлюпка. «Собрать свое личное имущество и уладить свои личные дела»! Как вам это нравится? Признаться, я была более высокого мнения о наших военных. Мне еле удалось умолить его, чтобы шлюпка пришла хотя бы через четыре часа. Ну и после этого я прямо сюда, к вам.

– А Курт?

– Курт заявил, что у него есть важные и совершенно секретные сообщения для командира, и отправился с ними.

– Значит, на острове не осталось пока никого, кроме нас троих?

– Да. И еще целых четыре часа нам торчать здесь.

– Ну, четыре часа – это сущий пустяк по сравнению с теми месяцами, что мы здесь прожили. Тем более, что все складывается как нельзя лучше, по крайней мере, для вас. Вы должны быть счастливы, мисс Эвелина. Ведь каких-нибудь два-три дня, и вы будете дома, увидите мать...

– Да, я счастлива, Крымов. Очень! Но остров... Мне стали так понятны, так близки ваши опасения за его судьбу, я приняла так близко к сердцу вашу решимость бороться за то, чтобы он не стал военной базой, что... Право, я даже не могу радоваться такому концу. Неужели больше ничего нельзя сделать? Впрочем, что сделаешь под дулами этой стальной громадины? Я искренне сочувствую вам, Крымов.

– Сочувствовать мне, положим, еще рано. Четыре часа – срок немалый. Во всяком случае, я благодарю вас и за ваше участие, и за вашу помощь. А сейчас я попрошу вас, мисс Эвелина, возвращайтесь, пожалуйста, к себе и, если шлюпка придет раньше, чем мы с Нормой присоединимся к вам, попросите, чтобы она подождала нас немного. Скажите, что два гражданских лица еще собирают свое личное имущество и улаживают свои личные дела.

– Вы надеетесь еще что-то предпринять?

– Я все расскажу вам после, когда будем на корабле. А теперь, простите, нам с Нормой придется очень спешить.

Эвелина пожала плечами и через минуту скрылась в лесных зарослях.

Денис проводил ее глазами, взял Норму за руки:

– Ну, пора действовать.

– Ты собираешься разобрать завал?

– Нет, разобрать завал мы не успеем, слишком мало времени. А вот попробовать взорвать...

Глаза Нормы наполнились страхом.

– Но это так опасно, Денис.

– Не думаю, чтобы это было слишком опасно. Я осматривал взрывчатку: обычный динамитный заряд вроде тех, какими пользуются горняки. И бикфордов шнур на месте. Я имел с этим дело. Шнур, правда, не очень длинен. Но до соседнего холма там рукой подать. Словом, я все обдумал. Риска практически никакого. Поэтому собери сейчас все, что считаешь ценным, а я тем временем...

Глаза Нормы потемнели.

– Ты хочешь, чтобы я пустила тебя одного?

– Двоим там просто нечего делать, Нор.

– Денис!

Он понял, что спорить бессмысленно.

– Ладно, собирайся, я подожду тебя.

– Ничего я не буду собирать. До того ли сейчас. Бери взрывчатку, пойдем!

Завал встретил их глухим однотонным шумком. Видимо, вода все же просачивалась сквозь насыпь. Денис разыскал в траве веревку, закрепил ее у пояса.

– Теперь иди, Нор, вон туда, за холм. Прошу тебя.

– Нет! И потом – слышишь? Остров все равно обречен.

– Да. Но на это рассчитывать нельзя. Они быстро догадаются обо всем. И что им стоит залатать эту брешь, с их техникой?

Норма вздохнула, передернула плечами от волнения.

– Тогда кончай быстрее!

Денис взобрался на завал и, отвалив несколько камней, заложил меж ними взрывчатку. Затем развернул бикфордов шнур, направил на конец его зажигательное стекло.

– Есть! – он поспешно сошел с завала, сбросил с себя веревку.

Теперь наверх. И как можно быстрее!

– Бежим, Денис, бежим! Ой!... – Норма неловко присела.

– Что с тобой?

– Не знаю... Что-то вот тут, под сердцем...

– Ничего. Это бывает в твоём положении. Обопрись на меня.

Она встала, ухватила за его руку, но вдруг побледнела и медленно опустилась на землю.

– Нет, не могу. Беги один, Денис. Он склонился к ней, приподнял.

– Держись за шею. Только крепче.

– Разве ты поднимешь меня?

– Держись за шею, говорю! – Он приподнял ее с земли и, стиснув зубы от напряжения, начал подниматься вверх по склону.

Шаг... Еще шаг... Теперь сюда, здесь не так круто. Только бы добраться до той рытвины, за перегибом склона! Только бы добраться... Он обернулся назад. Маленький блеклый огонек пробежал уже половину пути. Скорее! Скорее! Вон она, рытвина, всего в десятке метров. Вот уже в пяти... В одном... Все! Он опустил Норму меж камней, защитил сверху своим телом. И в тот же миг раздался взрыв. Град камней просвистел над самой головой. Больно резануло плечо и кончик уха. А в следующее мгновение из-под земли донесся гул: океан ворвался в провал.

Денис поднялся сам, помог подняться Норме.

- Ну, как ты?
 - Кажется, прошло...- она глубоко вздохнула.- Да, прошло. Прости меня, милый. Не послушалась тебя.
 - О чем ты говоришь? Все же обошлось. Смотри, как бурлит вода!
 - Но ты весь в крови! Боже, что с тобой?
 - Пустяки! Царапнуло камнем.
 - Это правда? Ты не обманываешь меня?
 - Правда, Нор, правда! Хочешь, снова понесу тебя?
 - Нет, я и так не могу простить себе. Пойдем скорее отсюда. Ведь если эти военные застанут нас тут... Взрыв был слышен, наверное, и на корабле.
 - Едва ли. К счастью, он по ту сторону острова. А лесные заросли способны поглотить и не такой звук.
 - Все равно пойдем, Денис. Мне страшно.
 - Ну, что же, с «личными делами» мы покончили. Осталось собрать «личное имущество». В пещере они задержались всего несколько минут. Денис собрал все свои записи. Норма достала небольшой чемоданчик, щелкнула замками:
 - Это память о маме. Кое-что из ее драгоценностей. А все остальное... Все остальное пусть остается здесь.
 - Теперь можно идти к лагерю. Только я попрошу тебя, надень мою рубашку. Я привычен и так. А тебе... Не хочу, чтобы пялили на тебя глаза.
 - Хорошо, милый, – она быстро оделась, отбросила волосы за спину. Он поправил ей воротничок.
 - Теперь ты настоящая леди. Давай сядем, посидим в последний раз, как это принято у нас, у русских.
- Они прижались друг к другу и несколько мгновений не двигались, мысленно прощаясь с этим уголком земли, давшим им так много счастья.
- Наконец Денис поднялся.
- Пора.

Глава тридцать третья

- На базе их уже ждали. У берега бухты покачивалась на волнах небольшая шлюпка с двумя матросами, возле костра стоял офицер в чине лейтенанта и о чем-то беседовал с Куртом. Эвелина сидела чуть поодаль, нетерпеливо поглядывая на дымящийся вдали корабль.
- При виде Дениса и Нормы офицер оставил немца и двинулся им навстречу.
- Это те двое, которых мы ждем?
 - Да, господин лейтенант, – поспешила ответить журналистка, вставая с места.
 - С кем имею честь? – сухо осведомился офицер, делая под козырек.
 - Денис Крымов, аспирант-геолог из Москвы и моя жена Норма Крымова, – ответил Денис.
 - О-о! – улыбнулся лейтенант. – Вы так свободно говорите по-английски?
 - Я плыл на научную стажировку в Пенсильванский университет Соединенных Штатов и потому, естественно, должен был владеть английским языком.
 - А это тоже член вашего семейства? – указал лейтенант на Нику, пристроившуюся на плече у Нормы?
 - Да, это ручная обезьянка. Мы всюду путешествуем с ней вместе, и в этом смысле она тоже член нашего семейства.
 - Я очень прошу, господин лейтенант, – вступила в разговор Норма, – позволить взять ее с собой.
 - Гм... – пробурчал офицер, не сводя глаз с Нормы. – Вообще-то, на военных кораблях не место для такого рода пассажиров. Но из уважения к столь прекрасной иностранке...
 - Благодарю вас, господин лейтенант.

- Вы окончательно собрались, господа Крымовы? – вновь перешел на официальный тон офицер.
- Да, мы готовы покинуть остров.
- В таком случае, – он указал на шлюпку, – я счастлив предложить вам гостеприимство под флагом Соединенных Штатов.
- Все двинулись к шлюпке. Но в это время к офицеру снова подскочил Курт.
- Господин лейтенант, постойте! Господин лейтенант, а как же со мной?
- Я сказал, что я ничем не могу помочь вам. Смешно было бы, если б я стал читать нравоучения командиру.
- Но это черт знает что такое! Я вызвал сюда корабль, я передаю вам этот уникальнейший остров, а командир не хочет со мной даже разговаривать.
- Но позвольте, о чем разговаривать? Вы вызвали корабль – он пришел, вы передаете остров – мы его берем.
- Как это о чем разговаривать?! – взорвался Курт. – Остров мой! И я вправе выдвинуть свои условия. С чего вы взяли, что я отдаю его просто так?
- А с чего вы взяли, что остров ваш? Вы что, родились здесь? Получили его по наследству?
- Как с чего? Я открыл его! Я первым ступил на его берег!
- И даже поднял здесь свой флаг?
- Поднял бы. Если б было из чего сделать. Но я же говорил вам...
- Говорил, дружище, говорил! Но сейчас не семнадцатый век, а вы не Христофор Колумб. Сейчас земли достаются не тому, кто первый, а тому, кто сильнее. Или вы готовы выставить свой флот против нашего корабля? Да и кто вы такой? Президент, король, магараджа, чтобы торговать островами? Скажите спасибо, что мы бесплатно вывезем вас отсюда.
- Что значит вывезете? Разве я за этим пригласил вас сюда? – продолжал возмущаться Курт. – Это шантаж! Грабеж! И я не смирюсь с этим! Я буду жаловаться!
- Будете жаловаться? – офицер иронически всплеснул руками. – Кому же? И на что?
- Я сообщу об этом своему правительству. Остров Бисмарк, как я назвал его, открыт гражданином ФРГ и потому составляет неотъемлемую часть территории Германии. А ваша акция не больше не меньше как открытая экспансия!
- Прекрасно! Вы сообщите своему правительству, что собирались тайком от него продать «неотъемлемую часть территории Германии». И думаете, вам за это орден повесят?
- Курт побагровел.
- Вон как вы повернули дело, представитель самого свободного, самого демократического, самого справедливого государства в мире!
- Не вам об этом судить, господин авантюрист! Садитесь в шлюпку и не мешайте мне исполнять свои обязанности.
- Немец, видимо, понял, что карта его бита.
- Только еще одно, слово, господин лейтенант! Бог с ними, с моим и с вашим правительствами! Но скажите, ведь вы, вы лично не отказались бы заработать сейчас две-три тысячи долларов?
- Вы хотите, чтобы я торговал своей честью?
- Нет! Речь идет о небольшой работе.
- Какой же?
- Я попрошу вас помочь мне достать из подземного колодца кое-какие бумаги.
- Не понимаю.
- Здесь, на острове, в пещере, есть глубокий колодец или что-то в этом роде. И я... Словом, в него упали очень важные для меня документы. Помогите мне достать их. Вам с вашими матросами не составит это никакого труда. А я заплачу за это. Хорошо заплачу!
- Вы говорите, что заплатите за это три тысячи долларов?...
- Да!

– Что ж, давайте эти три тысячи долларов, посмотрим...

– Я рад бы дать их, но... Сейчас я объясню все. Упавшие документы – это завещание, по которому по приезду в Штаты я получу очень крупное состояние. И если вы достанете его, то сразу, как только я вступлю во владение наследством, я разыщу вас и...

– Фью-ю! – присвистнул офицер. – Если я достану, если вы получите, если разыщите меня... Не слишком ли много «если»?

– Но клянусь...

– Чем?

– Как чем?

– Я спрашиваю, чем клянетесь? Чести у вас, как я понял, нет. Денег – тоже.

– Вы шутите, г-н лейтенант...

– Нет, не шучу. И вообще, хватит этой болтовни! Прошу всех в шлюпку!

Эвелина поспешно сбежала к воде и, прыгнув в шлюпку, устроилась на корме. Денис помог переправиться Норме и остановился у самой кромки берега, мысленно прикидывая, как быстро погружается остров. И лишь Курт продолжал вертеться возле офицера.

– Г-н лейтенант, ну что вам стоит приказать одному из матросов спуститься в колодец? Говорю вам, это совсем недалеко. Фонари, я вижу, у вас есть...

– Послушайте, вы мне просто надоели!

– Г-н лейтенант, я готов заплатить десять тысяч!

– Прошу вас немедленно пройти в шлюпку!

– Двадцать тысяч! Г-н лейтенант, двадцать тысяч!

– Мне что, применить силу? Вы не видите, уже почти ночь! И прилив начинается.

– Здесь не бывает приливов, г-н лейтенант.

– Что вы морочите мне голову? Разве я не вижу, что вода поднялась уже метра на полтора.

– Больше чем на два, г-н лейтенант, – подал голос Денис. – И это очень опасно. Надо как можно быстрее отчаливать.

– А ты... Ты... – рванулся к нему Курт. – Г-н лейтенант, я не все вам сказал. Этот русский обманывает вас. Женщина, которую он выдает за свою жену, вовсе не его жена. Она живет здесь, на острове, уже много лет и...

– По-о-озвольте! Вы без конца твердили, что высадились на остров первым.

– Да, это так. Впрочем, теперь это не имеет значения. Главное, что он обманывает вас. Поверьте, женщина, которая...

– И вам не надоело слушать этого неврастеника, г-н лейтенант? – перебила немца Эвелина. – Он явно помешан.

– Кто помешан? – бросился к ней Курт, едва не сбив с ног Дениса. – Это ты истеричная потаскуха...

Договорить он не успел. Журналистка, как разъяренная пантера, молнией перелетела через борт шлюпки, и голова немца задергалась из стороны в сторону от града пощечин.

– Вот! Вот тебе, немецкий ублюдок! За все! Все! Все!

Немец попятился назад, но запнулся о камень и, взмахнув руками, рухнул на груды слежавшейся золы.

– Ну, это тебе так не пройдет! – взревел он, чихая и отплевываясь. – Ты думаешь, я позволю, чтобы какая-то...

– Какая-то... – не дала ему договорить журналистка. – Я гражданка Соединенных Штатов. И здесь, на этой шлюпке, я уже дома, под защитой своего флага! А твое место на электрическом стуле! Свяжите его, г-н лейтенант, наденьте на него наручники! Только так и можно допустить его на землю нашей родины. Это фашист, преступник, дважды убийца!

– Заткнись, ведьма! Плевал я на твой флаг!

– Что-о! – вскричал офицер, выхватывая револьвер. – На что наплевал? На флаг Соединенных Штатов?! А ну, в шлюпку! И на дно! На дно, вниз лицом! Живо!

– Будьте вы все прокляты! – прохрипел немец, забираясь в шлюпку, где два дюжих матроса уложили его спиной кверху. Журналистка, пошатываясь, прошла на свое место. Лицо у нее горело. Ее била нервная дрожь.

Денис тронул Эвелину за руку.

– Успокойтесь. Это последняя неприятность в ваших злоключениях.

– Если бы последняя! Крымов, Крымов! Ведь вы с Нормой скоро действительно будете совсем в другом мире, а я... – она вдруг судорожно всхлипнула и закрыла лицо руками, стараясь унять душившие ее рыдания.

Норма под села к ней ближе и обняла за плечи.

– Не плачьте, мисс Эвелина. Мы оба, и Денис и я, желаем вам только счастья.

– Боже, миссис Норма, а я-то... Я когда-то...

– Мало ли что было когда-то! Все осталось в прошлом. Так же, как этот остров. Видите, он уже почти скрылся в сумерках.

– И больше его не увидит никто и никогда, – прошептал Денис.

– Значит, вы все-таки... Значит, этот подъем воды... – догадалась Эвелина.

Денис прижал палец к губам.

– Легенда должна остаться легендой.

Между тем, на океан опустилась ночь. В сплошной темноте, лишь при свете бортовых огней, шлюпка причалила к стальной громаде. Все поднялись на борт корабля, представились командиру, устроились в каютах. А когда на следующее утро, едва взошло солнце, Денис вышел на палубу, океан был пуст. Лишь зеленоватые волны катились от горизонта к горизонту.

Через несколько минут к Денису подошло несколько офицеров.

– Г-н Крымов, – обратился к нему вчерашний знакомый лейтенант. – Где же остров?

– Так это был необыкновенный остров, разве вы не знали?

– Знали. Ваш немец все расписал нам. Затем и пришли сюда. Но кто мог подумать, что этот чертов остров движется со скоростью торпеды. Всего шесть часов прошло с тех пор, как я забрал вас на корабль. С рассвета должно было начаться десантирование. И вот – пожалуйста... Полчаса назад командир вызвал авиацию. Самолеты прочесали океан в радиусе нескольких десятков миль, и – ничего!

– Н-да... – подал голос подошедший старик-боцман. – Недаром говорили, остров-призрак. Призрак он и есть!

– Это вы бросьте! – возразил один из офицеров. – Остров-призрак! Вот люди, которые жили на нем. И все мы видели его вчера, как на ладони.

– И раньше, говорят, и видели его, и чалились к нему, и высаживались ненароком. Но чтоб заарканить его – этому он не дастся никогда. Это все равно, что поймать «Летучего голландца».

– Ну, а что вы думаете, м-р Крымов?

– Трудно сказать что-либо определенное. У меня есть кое-какие соображения. Я, сколько мог, изучил остров. Но многое еще надо осмыслить, проверить, посчитать. Нужны серьезные исследования, эксперименты. Этим я и займусь теперь.

– Легенда осталась легендой! – весело резюмировала подошедшая Эвелина.

– Легенда вещь хорошая, дорогая леди, – возразил лейтенант. – А что будет докладывать наш командир?

– Сошлется на знаменитый Бермудский треугольник, – рассмеялась журналистка. – Ведь мы почти в нем, как мне сказали.

– Вы все шутите, мисс Эвелина. Впрочем, почему бы вам и не шутить. До свидания, господа! Надеюсь увидеть вас, мисс Эвелина, у нас в кают-компании.

– Не раньше, чем сменю свой туалет, – кокетливо улыбнулась журналистка.

Офицеры откланялись. Эвелина взяла Дениса под руку.

– Я хотела бы от всей души еще раз сказать вам самое большое спасибо, Крымов.

– Да что там, мисс Эвелина! За что?

– За все-все! И потом, я должна рассказать вам... Должна объяснить мотивы кое-каких своих поступков. Дело в том, что Курт... Я понимаю, вам неприятно даже упоминание о нем, и все-таки... Я не хочу, чтобы вы обо мне плохо думали. Так вот, с Куртом я познакомилась еще в Европе, месяца за два до отплытия в Америку, и вначале он показался мне неплохим парнем. Во всяком случае, его внешность, манеры... Словом, я ничего не имела против, чтобы время от времени встречаться с ним. Но однажды вечером...

Журналистка перевела дыхание.

– Мы много выпили в тот раз, разоткровенничались сверх меры, и он открыл мне ужасную тайну. Оказывается, он совсем не Курт Томпсон, за которого выдает себя. Нет, это еще не самое страшное. Мало ли на свете самозванцев. Но он убил Курта Томпсона, чтобы завладеть его бумагами, и сделал это так ловко, что остался вне всякого подозрения.

– Значит, наш «Курт» не имеет никакого отношения к Джорджу Томпсону?

– Нет, это тоже незаконный сын Джорджа Томпсона. Их у него, должно быть, немало. Но все состояние он завещал почему-то Курту, настоящему Курту. Так что наш «Курт» вроде бы имел даже какое-то моральное право быть обиженным.

– И отреагировал на это единственно приемлемым для него способом?

– Да, – журналистка с минуту помолчала. – До сих пор не могу понять, что заставило его раскрыться предо мной. Казалось, в нем что-то прорвалось, и он рассказал обо всем с такими подробностями, будто хотел отряхнуть с себя душивший его кошмар. Впрочем, все это дошло до моего сознания лишь на другой день. Только тем утром, проснувшись с головной болью, я ощутила всю тяжесть, какая легла мне на плечи. У меня было такое чувство, будто я сорвалась со страшной кручи и только чудом зацепилась на каком-то уступчике, обрывающемся в пропасть. Я дала себе слово больше не видеться с этим человеком. Решила на другой же день покинуть ненавистный город. Но он опередил меня, пришел тем же утром и прямо заявил, что если я открою его тайну, он, не задумываясь, убьет меня и того, кого я посвящу в эту историю. Я не собиралась разоблачать его. Но мне стало ясно, что он может убить меня независимо от того, сдержу или не сдержу я свое слово, просто чтобы избавиться от единственного свидетеля. И тогда, может быть, начитавшись детективов, я решила обезопасить себя очень остроумным, как мне казалось, способом. В письме к матери я вложила запечатанный конверт с подробным изложением всего услышанного и написала ей, чтобы, в случае, если со мной что-нибудь случится, она немедленно передала этот конверт полиции. Все это я рассказала Курту, и он понял, что я не шучу. Видели бы вы, как взбесил его мой поступок! Но письмо было отправлено. И ему ничего не оставалось, как смириться и вырвать у меня клятву, что я отдам ему злополучный конверт, не распечатывая, в тот же день, когда он будет покидать Америку. Но этого ему показалось мало. Он пригрозил мне, что если я выкину, как он выразился, еще какой-нибудь финт, он найдет возможность расправиться и со мной и с моей матерью, чем бы ему это не грозило. Да я и сама понимала, что тогда терять ему будет нечего.

Эвелина снова вздохнула.

– Так мы оказались связанными одной веревочкой. Я, как видите, обрела некоторую уверенность, что он не только не убьет меня, но и вынужден будет сам заботиться о моей безопасности. Зато мне нельзя стало теперь и открыто враждовать с ним в страхе за участь матери.

– Та-а-ак... – задумался Денис. – А гибель лайнера...

– Я поняла вас, Крымов. Этим же изводил меня и Курт там, на острове. Но я ясно написала матери, что речь идет именно об убийстве. Кажется, он поверил мне. Но не в этом дело! Главное, что мы действительно оказались связанными одной веревочкой. Боже, какой иногда жалкой выглядела я, наверное, из-за этого в ваших глазах! Часто я готова была возненавидеть себя за непростительное легкомыслие, затянувшее меня в эту

мерзкую историю. И только прибытие наших офицеров позволило мне положить конец затянувшемуся кошмару. А вот Жан... Жану это стоило жизни. Вы не знали, а он подслушал как-то наш разговор с Куртом, узнал о его тайне и, конечно же, не удержался, чтобы не бросить это ему в лицо. Ну а Курт... Разве мог этот фашист оставить в живых такого опасного свидетеля. И вот... – на глаза журналистки набежали слезы. – Так что это я во всем виновата.

– Мы оба виноваты перед Жаном, – тихо отозвался Денис. – Но борьбы без жертв не бывает. В главном мы все-таки победили, Эвелина.

– Вы имеете в виду остров? Что же вам удалось сделать, Крымов? – спросила журналистка, нетерпеливо заглядывая ему в глаза.

– Я не хотел вас пугать там, на острове. Но он, оказывается, был обречен. Мы лишь ускорили его агонию. – И Денис рассказал все.

– Какой ужас! – воскликнула Эвелина. – Значит, еще один хороший шторм...

– Да, он мог стать для нас последним. И тогда легенда в самом деле осталась бы легендой.

– А теперь? Вы думаете, наша робинзонада не даст ей новые крылья? Слышали, что сказал боцман?

– Слышал. Но наша робинзонада – это конец легенды. Я отдал немало времени изучению острова. И должен рассказать о нем людям. Я напишу книгу. И всем станет ясно, что никаких островов-призраков в природе не существует.

– А стоит ли, Крымов?

– Стоит. Истина прекраснее любой легенды. И именно в этом предназначение настоящей науки.

– Может быть, вы и правы. Я ведь тоже решила для себя большой вопрос. Помните, я говорила, что мне хотелось бы постичь русский характер.

– И вы постигли его?

– Да.

– Что же это такое, по-вашему?

– Не смейтесь, Крымов! Мне стало ясно, что это будущее наше. Будущее нашей Земли, нашей планеты.

– Ну, это вы преувеличиваете, Эвелина. Но в том, что будущее за нами, за нашей идеологией, нашим образом жизни, я не сомневаюсь!

ВЛАДИМИР КОРЧАГИН И ЕГО КНИГИ

«Мне уже шестьдесят,- говорит один из героев В. Корчагина, врач Зорин,- и тем не менее, я готов повторить вслед за Эйнштейном, что «самое прекрасное и глубокое переживание, выпадающее на долю человека,- это ощущение таинственности окружающего мира. Тот, кто не испытал этого ощущения, кажется мне если не мертвецом, то во всяком случае – слепым».

В этих словах, наверное, ключ к пониманию всех произведений В. Корчагина, ключ к пониманию внутреннего мира и самого писателя, отдавшего себя равно науке и литературному творчеству.

Ученый-минералог и автор ряда повестей и романов для юношества, Владимир Владимирович Корчагин родился 14 октября 1924 года в Казани, в семье рабочего. Однако детские и отроческие годы его прошли в пригородных поселках, в окружении лесов и полей, где он с ранних лет мог видеть всю прелесть и таинственность живой природы. Таинственным казалось ему всё: и кипение бьющих из земли ключей, и невесть

откуда появляющиеся ранним погожим утром бусинки росы, и совсем уж непонятно как оказавшиеся в толще камня раковинки диковинных животных.

Но эти ранние годы будущего писателя были отнюдь не сплошной чередой безоблачных дней. Ему не было еще четырнадцати, когда тяжело заболел отец, и он вынужден был бросить школу и пойти работать учеником чертежника на завод. А вскоре началась война. И он по 11-14 часов в сутки не отходил от чертежной доски, вычерчивая узлы и детали необходимых фронту приборов, надолго позабыв о том, что значит быть сытым.

Но молодые годы брали свое. Огромный мир не переставал оставаться полным загадочности. Он требовал знаний. И Владимир Корчагин в эти тяжелейшие годы сдал экстерном экзамены за девятый класс, а сразу по окончании войны закончил десятый класс вечерней школы.

Перед ним открылась дорога в вуз. В 1951 году он закончил геологический факультет Казанского государственного университета, а три года спустя – аспирантуру при кафедре минералогии. Теперь

его ждали научные исследования, увлекательная педагогическая работа со студентами, геологические изыскания, далекие экспедиции. Его обступил совершенно особый, полный загадочных тайн, но поразительно прекрасный мир камня, мир минералов и горных пород. И надо было рассказать об этом мире всем, кто любит природу. Так родилась повесть Владимира Корчагина «Тайна реки Злых Духов». Адресованная мальчишкам и девчонкам, которые хотят всё знать, она пришлась по душе юным читателям, за короткое время выдержала три издания и до сих пор не залеживается на полках библиотек.

Писатель решил проследить судьбу своих героев дальше, увидеть их взрослыми, повести за собой в аудитории университета. Результатом этого явился роман «Путь к перевалу».

Между тем, загадки и тайны мироздания продолжают волновать В. Корчагина и в последующие годы. Его интересует вопрос об истоках человеческого разума, и он пытается решить: что могла бы дать цивилизация Земли иным цивилизациям, если таковые вступят в контакт с землянами. В итоге рождается научно-фантастический роман «Астийский эдельвейс», изданный в 1982 году в Москве.

А разве мало таинственного и непонятного осталось на Земле? Разве мало легенд, связанных с редкими геологическими явлениями, еще ждут своего научного объяснения? Об этом и повествует научно-фантастическая повесть «Конец легенды».

Ныне человечество столкнулось с одной из величайших задач – как покончить с угрозой термоядерной войны. Откликаясь на эту проблему, Владимир Корчагин в настоящее время работает над романом «Именем человечества!», представляющим собой продолжение романа «Астийский эдельвейс». В нем, наряду с постановкой научно-философских проблем, один из главнейших вопросов человеческого бытия – взаимоотношение людей в самых различных, подчас невероятных, экстремальных обстоятельствах.